

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

206

ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЛИТА
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

206

ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЛИТА
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

МОСКВА "НАУКА" 1992

Редакционная коллегия:

О.С. Гадзьяцкая (ответственный секретарь),
В.И. Гуляев, Н.Н. Гурина, А.Н. Кирпичников
(зам. ответственного редактора),
Ю.А. Краснов, В.В. Кропоткин, И.Т. Кругликова (ответствен-
ный редактор),
В.П. Любин, В.М. Массон, Н.Я. Мерперт, Р.М. Мунчаев, В.В.Седов
(зам ответственного редактора), Д.Б. Шелов

Рецензенты:

кандидат исторических наук Н.К. Анисюткин,
кандидат исторических наук Т.Н. Дмитриева

П 78

Проблемы палеолита Восточной Европы. - М.: Наука. II полугодие
1991. (IV). 110 с. с илл.- (Крат. сообщ. Ин-та археологии. Вып. 206).
ISBN 5-02-010047-1

Выпуск освещает современное состояние палеолитоведения Восточной Европы. Рассматриваются вопросы заселения отдельных регионов, реконструируется хозяйственная деятельность древних людей. Часть статей посвящена научному наследию П.П. Ефименко.

Для археологов, историков.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Институт археологии АН УССР провел расширенное заседание Ученого Совета, посвященное 100-летию со дня рождения выдающегося археолога, действительного члена АН УССР Петра Петровича Ефименко (1884 г.). В докладах и выступлениях была показана огромная роль, которую сыграл П.П. Ефименко в развитии отечественной науки, в становлении советской археологии. П.П. Ефименко оставил заметный след не только в создании советского палеолитоведения, но и в ряде направлений археологии, включая эпоху бронзы и железный век.

Учитывая огромное значение работ П.П. Ефименко в археологии, на этом Ученом Совете было решено регулярно раз в два года проводить Ефименковские чтения. В соответствии с этим решением Отдел палеолита ЛОИА АН СССР под руководством В.П. Любина провел вторые чтения. Материалы этих чтений и положены в основу настоящего выпуска КСИА.

В жизни хорошо известно, что чем крупнее личность учителя, чем выше его творческий потенциал, тем значительнее его ученики, окружающий коллектив. К числу таких лиц, несомненно, относится П.П. Ефименко. Именно он создал продолжающий ныне успешно работать Отдел палеолита в Ленинграде и возродил Институт археологии АН УССР в Киеве в трудные послевоенные годы.

П.П. Ефименко родился 23 (9) ноября 1884 г. в Харькове в семье крупных украинских историков. Отец его — Петр Саввич успешно занимался этнографией и историей. Мать — Александра Яковлевна была известна своими трудами по истории крестьянской общины. Она была первой женщиной, получившей в русском университете ученую степень доктора истории (*honoris causa*). Очевидно, это сыграло определенную роль в формировании интересов сына, и в 1902 г. он отправляется на раскопки в окрестностях Харькова в связи с подготовкой XII археологического съезда. Найденные им несколько дюнных стоянок каменного века и участие в открытии Салтовского могильника навсегда определили его судьбу в археологии.

После поступления на естественное отделение Петербургского университета П.П. Ефименко под руководством Ф.К. Волкова начал усиленно заниматься палеолитом. В 1909 г. им по заданию Ф.К. Волкова проведены раскопки Мезинской палеолитической стоянки. Анализ каменного инвентаря этой стоянки, опубликованный П.П. Ефименко в 1912 г. в IV томе Ежегодника Русского Антропологического общества при Санкт-Петербургском университете, показал его глубокие знания и по существу явился первой профессиональной работой по палеолиту. В появившейся через три года статье о Костенковской палеолитической стоянке (ЕРАО. 1915. Т.У) еще глубже раскрывается творчество П.П. Ефименко. Здесь он больше обращает внимание на типологический анализ каменного инвентаря, выделяет новые типы орудий, не отмечавшиеся другими исследователями, например, ножи костенковского типа. Это справедливо отмечает Г.П. Григорьев в своей статье в данном сборнике. Более того, П.П. Ефименко уже тогда ставит вопрос, что, "мо-

жет быть, в будущем найдется достаточно материала для выделения особой, восточноевропейской, фации верхнего палеолита" (Ефименко. 1915. С.26). Эта идея позднее была блестяще развита А.Н. Рогачевым в ряде работ.

По приглашению С.Н. Замятина П.П. Ефименко приехал в Костенки впервые в 1923 г. Работы экспедиции дали прекрасные результаты – в культурном слое Костёнок I найдена прекрасная женская статуэтка из бивня мамонта, открыты две новые палеолитические стоянки – Костёнки 2 в Аносовом логу и Костёнки 3 (Глинице) в устье Попова лога. В процессе раскопок Костёнок 3 у П.П. Ефименко зарождается мысль о существовании жилищ в эпоху позднего палеолита, вскорости подтвердившаяся С.Н. Замятинным при раскопках в Гагарино, что совершенно по-новому позволило посмотреть на уровень развития культуры палеолитического общества.

Огромнейшую роль в становлении отечественного палеолитоведения сыграли работы П.П. Ефименко "Некоторые итоги изучения палеолита СССР" (1928 г.) и "Значение женщины в ориньякскую эпоху" (1931 г.). Имея весьма ограниченные материалы по палеолиту СССР, он создал логичную концепцию этапов развития палеолитической культуры. Впервые в мировой литературе археологические материалы были привлечены и широко использованы для историко-социологических заключений. П.П. Ефименко обосновал существование жилищ и оседлости в эпоху верхнего палеолита. Отсюда вытекал и другой, еще более важный вывод о сложной социальной структуре общества. Интерпретация находок палеолитических женских статуэток как проявление культа женщин-прародительниц подчеркивало высокое общественное положение женщин и, по мнению П.П. Ефименко, свидетельствовало о существовании в позднем палеолите матриархального родового строя. До этого считалось, что родовой строй возник только в неолите вместе с возникновением нового типа хозяйства – земледелия и скотоводства. Весь палеолит относился к дородовому обществу.

Работа П.П. Ефименко "Значение женщины в ориньякскую эпоху" не была столь прямолинейной, как это может показаться по различным пересказам другими авторами. В ней очень глубоко и комплексно приведен аппарат доказательств возможности использования археологических фактов для историко-социологических обобщений. В этом ее революционное и вместе с тем сохраняемое до настоящего времени научное значение. Эта работа подготовила П.П. Ефименко к необходимости применения новой методики исследования культурного слоя широкими площадями, что им успешно было показано на примере раскопок верхнего культурного слоя Костёнок в 1931–1936 гг.

Думаю, что работа "Значение женщины в ориньякскую эпоху" вместе с педагогической деятельностью натолкнула П.П. Ефименко на необходимость создания обобщающего труда по палеолиту. В 1934 г. вышла из печати фундаментальная книга "Дородовое общество". По ее корректуре уже в 1933 г. учились А.Н. Рогачев и многие другие. Эта книга сыграла огромную роль в подготовке специалистов по археологии палеолита. По ее названию видно, что некоторое время даже сам П.П. Ефименко после появления работы "Значение женщины в ориньякскую эпоху" отдавал дань традиции в осмыслении эпохи палеолита. Однако уже в 1938г. второе издание выходит под названием "Первобытное общество". В этой книге обобщен весь огромный материал по палеолиту СССР и зарубежных стран, построена периодизация палеолита и ранних этапов истории первобытнообщинного строя. В этом издании, как и в третьем, вышедшем в 1953 г. и не лишенном, впрочем, определенных недостатков и ошибок, П.П. Ефименко поднялся на недостижимую до

сих пор высоту интерпретации палеолита как начала истории человечества. После последнего издания "Первобытного общества" (1953 г.) появилось много интересных работ по палеолиту как в нашей стране, так и за рубежом, однако не было создано ни одной книги, которая могла бы сравниться с этой работой П.П. Ефименко. Жаль только, что современная научная молодежь уже не имеет возможности, а иногда и не делает попыток освоить трудную для восприятия, но сохраняющую научное значение книгу.

Часто бывает так, что только после смерти выдающегося ученого, когда полнотью снимаются субъективные оценки современников, обусловленные различными психологическими причинами, удается понять и оценить наследие этого ученого. Даже П.П. Ефименко не смог избежать извечного противоречия "отцов и детей". Исключительно резкая оценка отдельных ошибок и заблуждений П.П. Ефименко, последовавшая в пятидесятые годы со стороны его наиболее талантливых учеников, на длительное время заслонила от нас даже то существенное, что было привнесено в науку его работами.

В этом кратком предисловии невозможно дать основательную оценку научным заслугам П.П. Ефименко, поскольку его вклад в археологию не ограничивался разработками по палеолиту. Его книги, как и последние научные статьи, изданные в шестидесятые годы, продолжают оказывать огромное влияние на дальнейшее развитие археологии. Он создал прекрасную школу археологов-первобытников, среди которых многие добились больших успехов и стали создавать свои собственные школы, продолжающие развивать идеи, заложенные П.П. Ефименко. Даже те ученые, которые не были прямыми учениками П.П. Ефименко, испытали на себе его влияние. Об этом хорошо говорил Б.А. Рыбаков, выступая на похоронах П.П. Ефименко в Ленинграде. По случайному стечению обстоятельств П.П. Ефименко умер 18 апреля 1969 г., когда в Ленинград собрались археологи всей страны на юбилейный пленум Института археологии АН СССР. Они отдали последние почести человеку, который сделал исключительно много для развития советской археологии.

Н.Д. Праслов

СТАТЬИ

А. А. СИНИЦЫН

П. П. ЕФИМЕНКО И СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА

Принципиальное изучение оценки научного наследия П. П. Ефименко в настоящее время состоит в том, что в первую очередь с его именем связывается формирование советской социологической школы изучения палеолита, традиционно выделяемой наряду с французской (стратиграфической) и англо-американской (экологической)¹. Однако если еще недавно социологическая направленность советской школы широко декларировалась отечественными исследователями², то в настоящее время даже принципиальные положения этого направления практически выведены за рамки интересов археологов. Такое положение явилось естественной реакцией на голословность социологических построений предшествующего этапа развития науки, неразработанность их методических основ и спорность практически всех конкретных социологических реконструкций.

Отставание эмпирических методов анализа материала от исторически складывающейся проблематики естественно так же, как естествен отказ на каком-то этапе от проблем, для решения которых современный уровень развития методологии недостаточен. В данном случае, однако, необходима постановка вопроса: связан ли нынешний отказ от проблематики, долгое время считавшейся нашим достижением, только с современными недостатками логической и технической оснащённости археологии, или этот отказ обусловлен принципиальной невозможностью их решения на источниковедческой базе археологии. В последнем случае остается признать эти вопросы своего рода "болезнями роста", необходимость отказа от которых обусловлена моральным старением основных принципов подхода.

В любом случае сложившееся положение является реальностью: сейчас археологический материал привлекается лишь для иллюстрации исторических и социологических построений, создаваемых, как правило, на базе этнографического материала и философской методологии³, а археологи в лучшем случае участвуют только в их критическом обсуждении⁴, которое, впрочем, тоже трудно признать конструктивным. В тех исключительных случаях, когда они все-таки специально обращаются к этим вопросам⁵, делается это на методологической основе, отличной от конкретно-научной методологии археологии.

В такой ситуации понятна необходимость анализа оснований социологического подхода именно его основоположников, но трудность состоит в том, что они, как правило, не публиковали специальных работ теоретического и методологического плана, а то, что имеется, является совокупностью высказываний по отдельным поводам и никак не удовлетворяет современным требованиям к научной концепции. Кроме того, эти высказывания появлялись преимущественно не сами по себе, а в ходе той или иной полемики, которая обычно касалась отдельных практических вопросов, но не подхода в целом. Из-за незавершенности высказываний установить логические связи между отдельными положениями очень трудно; это

дает возможность их различного восприятия и значительно осложняет оценку.

Особое значение в понимании перспектив и тенденций развития методологии археологии палеолита, несомненно, имеет дискуссия 50-х годов, в результате которой П.П. Ефименко отказался от многих положений предшествующего периода, и в первую очередь от стадияльной модели развития палеолитической культуры, создателем и приверженцем которой он являлся на протяжении более чем 25 лет⁶. Этим самым были лишены фактического основания и попытки увязки социологической схемы Моргана-Энгельса со ступенями археологической периодизации⁷. Именно в результате этой дискуссии сложился круг вопросов, во многом отличный от проблематики предшествующего периода. Говоря современным языком, ключевыми были признаны два круга проблем во-первых, вопросы, связанные с внутренней критикой источника, с критериями оценок сходства-различия материала, причинами формообразования и тем, каким образом различия в материальной культуре отражают различия древнего населения по происхождению и образу жизни; во-вторых, вопросы внешней критики⁸, в первую очередь – каким образом фиксируемые различия могут быть упорядочены и систематизированы.

Противопоставление позиций П.П. Ефименко и его главного оппонента А.Н. Рогачева касалось почти всех сторон компетенции археологии того времени, за исключением социологической направленности исследования, которое обе стороны считали принципиальным достижением.

У П.П. Ефименко основным фактором развития культуры признавалась традиция, обусловленная генезисом населения и природными условиями, действующими опосредованно через тип хозяйства⁹, а практическая цель исследования сводилась к выяснению того, "что могли представлять собой, как должны были реально выглядеть первобытные родоплеменные группы, оставившие нам памятники позднего палеолита", а также происхождение этих общественных образований, их судьбы и исторические взаимоотношения¹⁰. У А.Н. Рогачева при всей его важности познание "онтологической сущности исторического процесса"¹¹ не являлось безотносительной и абсолютной целью исследования. В отличие от П.П. Ефименко, позиция которого подразумевала возможность непосредственного перевода археологического источника в разряд исторического факта, у А.Н. Рогачева этот процесс должен был быть опосредованным теорией первобытного общества, действующей как методический принцип¹². Если у П.П. Ефименко существование (возникновение) определенного типа культуры (археологических культур или археологических "общностей"¹³) требовало объяснения в первую очередь историческими причинами (на практике исключительно миграциями¹⁴), то у А.Н. Рогачева социальными – "ретрансляцией мира производства"¹⁵. Главное различие в подходах П.П. Ефименко и А.Н. Рогачева сводилось, на мой взгляд, к различиям в понимании причин формообразования. Если у П.П. Ефименко таковыми признавались культурная традиция и природное окружение, то у А.Н. Рогачева – конкретные трудовые процессы, которые, интериоризируясь в систему социальных ценностей, являлись составляющими прогресса культуры и первобытного общества в целом¹⁶. В первом случае археологические культуры или типы культуры призваны были вскрыть локальное своеобразие общеисторического процесса культурного развития; во втором – наличие общих закономерностей признавалось возможным только на основании закономерностей развития локальных (социальных) человеческих объединений.

А.Н. Рогачеву принадлежит характеристика подхода П.П. Ефименко как культурно-исторического, своего – как конкретно-исторического. Принципиальное

различие состоит в противоположной ориентации познания - от общего к частному или от частного к общему. При этом общее как формационное единство первобытности (а в дискуссии уже - верхнего палеолита) сомнению не подвергалось. С современных позиций ситуацию можно охарактеризовать как парадоксальную: на общих теоретических основаниях в принципе сходными методами обосновываются разные направления исследования. Во взаимных обвинениях в "типологизме"¹⁷ тоже нет ничего странного. Со стороны А.Н. Рогачева критике подвергалась произвольность П.П. Ефименко в выборе показателей для синхронизации археологических памятников (обусловленных, по его мнению, сходным типом хозяйства в сходных природных условиях) и отделении их от тех (обусловленных традицией), по которым устанавливались хронологическая последовательность и генезис культур. П.П. Ефименко считал, что А.Н. Рогачев необоснованно преувеличивал значение одних типов орудий перед другими для характеристики культурного своеобразия населения. Принципиально важно то, что различия в логических основаниях подходов не вызвали различий в методике анализа эмпирического материала, на что возлагались особые надежды и в ходе дискуссии, и позднее¹⁸, но чего не произошло. В результате покультурное описание первобытности¹⁹ значительно меньше, чем на то можно было надеяться в 50-е годы, углубило наши представления о событиях и процессах палеолита. Как ни странно, но выделенные на той основе, на которой это было сделано, археологические культуры действительно превратились в "глухие ящики, в которых оказались как бы заживо погребены и люди и их культуры" и, наверное, "не для того были исправлены крайности некоторых сторонников теории повсеместной и абсолютно одинаковой для всех стадийности развития, чтобы мертвое однообразие стадий сменилось мертвым разнообразием этносов"²⁰.

Поставленные вопросы оказались нерешенными в первую очередь из-за неразработанности адекватных проблематике эмпирических методов анализа фактического материала. Поэтому современный круг вопросов остался тем же, что и в 50-е годы, а социологическая ориентация исследования тоже осталась не более перспективной. То, что она определяется внутренним развитием познавательных возможностей археологии, а не является искусственным привнесением, доказывает широкое распространение социологических принципов за пределами отечественной науки вплоть до того, что сейчас невозможно определить, в какой из национальных школ социологическая ориентация исследования преобладает над другими направлениями.

Неполнота формулировки при характеристике основных принципов обоих подходов определяет то, что оба они остались нереализованными в практических исследованиях и сейчас невозможно однозначно оценить их методические преимущества и недостатки. Более того, определенные сомнения вызывает и целесообразность самого разделения сопоставляемых позиций на основании различий в подходе. Большинство современных исследователей, специально занимающихся вопросами теории и методологии археологии, не испытывают особой потребности в этом понятии, в лучшем случае касая его в общефилософском значении на уровне материализма или историзма.

То что, кроме общефилософского, категория подхода имеет и конкретно-научное значение, можно показать на примере ряда гуманитарных дисциплин, в первую очередь отечественной психологии, где противопоставление культурно-исторического и конкретно-исторического подходов имеет более длительные, чем в археологии, традиции. Имеется в виду противопоставление позиций Л.С. Выготс-

кого и С.Л. Рубинштейна на основе понимания этими исследователями причинных механизмов формообразования (оформления, функционирования) человеческой психики. Л.С. Выготским такой субстанцией признавалась культура (отсюда и культурно-исторический подход), регулирующая сознание и поведение посредством ее знаковых и символических конструктов; у С.Л. Рубинштейна психика и сознание рассматривались как входящие в состав и формирующиеся в процессе конкретных форм деятельности, являясь их интериорными производными, т.е. не сознание и психика определяются культурными нормами, а материальная деятельность создает культуру в зависимости от конкретных условий и способов интериоризации²¹. Расхождения здесь принципиально те же, что и у П.П. Ефименко и А.Н. Рогачева, только в психологии речь идет о механизмах оформления сознания, а в археологии – о причинах разнообразия в формах материальной культуры²². В обоих случаях при культурно-историческом подходе определяющими признаются культурные традиции, составляющие особую форму реальности и не требующие для своего существования и развития дополнительных источников; при конкретно-историческом функционировании и развитие культуры целиком определяется действием внешних по отношению к ней причин социального характера – способов "ретрансляции" деятельности у А.Н. Рогачева или способов ее "интериоризации" у С.Л. Рубинштейна. В первом случае социальное и культурное представляются как нерасчлененное социокультурное единство; во втором – культурные процессы признаются соподчиненными социальным вплоть до лишения культурологии предметного содержания и растворения ее в рамках общей социологии. В этой связи стоит отметить, что в психологии различия в подходах уже связываются с конкретной методологией: из принципов культурно-исторического подхода выводится "унификация" теоретического и эмпирического уровней исследования; конкретно-исторический (деятельностный) подход, наоборот, основывается на их качественном различии²³.

Различие подходов имеет и философские основания. Упрощая ситуацию и, естественно, не во всем объеме, культурно-исторический подход П.П. Ефименко находит наиболее близкие соответствия в концепции, развиваемой Э.С. Маркаряном²⁴, акцентирующей самоценность культурного аспекта жизнедеятельности человека и общества; основные принципы подхода А.Н. Рогачева, по его мнению, были близки позиции В.М. Межуева²⁵ и О.Г. Дробницкого²⁶, рассматривающих культуру с ценностно-аксиологических позиций²⁷.

Важно отметить, что само понятие социального приобретает в последнее время содержание, отличное от того, которое традиционно использовалось в археологии и охватывало преимущественно сферу разделения производства и потребления, родо-племенные и брачные отношения. При таком понимании социальные явления действительно составляют некий автономный суперстрат над поведенческой и материальной культурой, по существу с ними никак не связанной²⁸. В настоящее время, в первую очередь благодаря развитию структурно-функциональной социологии, снятие противопоставления "культурное-социальное" связывается не с определением круга явлений, включаемых в каждое понятие, а через рассмотрение любого явления, соотносимого с системой человеческих ценностей, с точки зрения соответствия его социального содержания его же культурному значению²⁹.

Сейчас трудно оценить перспективность позиций, основанных на различных подходах, сформулированных в ходе дискуссии 50-х годов, так же, как невозможно оценить значение самой категории подхода. По-видимому, оба направления, на-

меченные П.П. Ефименко и А.Н. Рогачевым, имеют право на существование как до конца не реализованные. Социологическая их ориентация не является искусственным привнесением, а логически вытекает из потребностей анализа источника. Не исключено, что эти тенденции реализуются в научные направления, как это имело место в психологии, но не исключено и их сближение на основе углубления содержания понятия социального.

В любом случае проблематика 50-х годов является актуальной и сейчас, и отказ от социологической ориентации исследования в 60-70-е годы является скорее отходом от действительно сложной проблематики, чем ее "очищением".

- 1 Bordes F. The old stone age. N.Y; Toronto, 1968. P. 7.
- 2 Рогачев А.Н. Значение и роль социальной среды в развитии первобытного общества // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969. С.181-196; Он же. П.П. Ефименко и вопросы социологии первобытного общества: (Краткий историографический очерк) // КСИА. 1972. Вып.131. С.5-10; Он же. О предмете и методе первобытной археологии // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований: (Материалы симпозиума методологического семинара ЛОИА АН СССР). Л., 1975. С.11-14; Григорьев Г.П. Культура первобытного общества и природная среда // Природа. М., 1969. С.216-227.
- 3 История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983; История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986; Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986.
- 4 Матюхин А.Е. О проблемах становления человека и общества // СА. 1985. № 3. С.271-285.
- 5 Смирнов С.В. Становление основ общественного производства (материально-технический аспект проблемы). Киев, 1983.
- 6 Ефименко П.П. Некоторые итоги изучения палеолита СССР // Человек. 1928. № 1. С.49-59; Он же. Первобытное общество. Киев, 1953.
- 7 Ефименко П.П. Маркс и проблемы древнейшего периода первобытнокоммунистического общества // ИГАИМК. 1934. Вып. 90. С.91-117.
- 8 О внутренней и внешней критике источника см.: Клейн Л.С. Рец. на кн.: И.С. Каменецкий, В.И. Маршак, Я.А. Шер. Анализ археологических источников. М. 1975 // СА. 1977. № 3. С.310; Он же. Археологические источники. Л., 1978. С.63, 66.
- 9 Ефименко П.П. Костенки I. М.; Л., 1958. С.447; Он же. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья (К происхождению мадленской культуры Восточной Европы) // СА. 1960. № 4. С. 15.
- 10 Ефименко П.П. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите Восточной Европы (О памятниках так называемого селетского и гримальдийского типа) // СА. 1956. № 26. С.30.
- 11 Рогачев А.Н. О предмете и методе ... С.13; Он же. Вместо послесловия // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С.194.
- 12 Рогачев А.Н. О предмете и методе первобытной археологии // КСИА. 1978. Вып. 152. С.19; Он же. О методике полевого исследования палеолитических поселений: (Опыт археологических раскопок палеолитических стоянок в Костёнках на Дону) // КСИА. 1979. Вып.157. С.3-4.
- 13 Ефименко П.П. По поводу статьи А.А. Формозова "О времени и исторических условиях сложения племенной организации" // СА. 1957. № 1. С.23.
- 14 Ефименко П.П. Переднеазиатские элементы... П.П. Ефименко, неоднократно критиковавший А. Брейля (Ефименко П.П. Значение женщины в ориньякскую эпоху // Изв. ГАИМК. 1931. Т.ХI, вып. 3-4. С.18; Он же. Маркс и проблемы... С.101; Он же. К вопросу о характере... С.29), по существу встал на его позиции (Ефименко П.П. Про періодизацію пізнього палеоліту східної Європи // Археологія. 1958. Т.Х. С.5), значительно расширив на фактическом материале аргументацию культурно-исторического подхода.

- 15 Рогачев А.Н. Каменные орудия как исторический источник // КСИА. 1973. Вып. 137. С.16.
- 16 Рогачев А.Н. Некоторые вопросы стратиграфии и периодизации верхнего палеолита Восточной Европы (о принципе геологической стратиграфии при изучении палеолита) // Вопр. стратиграфии и периодизации палеолита. ТКИЧП. 1961. Вып. XVIII. С.42.
- 17 Ефименко П.П. К вопросу о характере... С.32, 33; Рогачев А.Н. Новые данные о стратиграфии верхнего палеолита Восточноевропейской равнины // МИА. 1953. № 39. С.39; Он же. Каменные орудия как исторический источник // КСИА. 1973. Вып. 137. С.19.
- 18 Рогачев А.Н. Каменные орудия...
- 19 Григорьев Г.П. Верхний палеолит // МИА. 1970. № 166, С.43-63; Палеолит СССР // Археология СССР. М., 1984.
- 20 Этнос в данном контексте являются синонимами археологических культур. Рогинский Я.Я. Проблемы антропогенеза. М., 1977. С.166.
- 21 Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989. С.94-106.
- 22 Есть основания считать формообразование предметом всех гуманитарных наук при едином их объекте (человеке во всем проявлении его качеств): археологии - как формообразовании материальной культуры; политэкономии - как формообразований цен и стоимостей; лингвистики - как формообразовании языка и речи и т.д.
- 23 Абульханова-Славская К.А. Категории деятельности в советской психологии // Психологический журнал. 1980. Т.1, № 4. С.11.
- 24 Из последних работ см.: Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука: (Логико-методологический анализ). М., 1983; Он же. Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985. С.7-30.
- 25 Мелуев В.М. Культура и история. М., 1977; Он же. Культура как объект познания // Проблемы философии культуры. М., 1984. С.45-80.
- 26 Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. М., 1967; Он же. Природа и границы сферы общественного бытия человека // Проблема человека в современной философии. М., 1969. С.189-230.
- 27 В этой связи напомним, что существовали обвинения А.Н. Рогачева в риккертIANстве, течении, ориентированном в том же ценностно-аксиологическом направлении.
- 28 Григорьев Г.П. Какие формы общественного устройства ископаемого человека можно предположить на основании археологических данных? // ВА. 1980. № 65. С.29-40; Клец В.П. Эволюционизм и проблемы формообразования палеолитических орудий в советской археологической литературе 20-30-х годов // Проблемы археологии и этнографии Сибири (Тезисы докл. к регион. конф. 7-9 апр. 1982 г.). Иркутск, 1982. С.12-14.
- 29 Parsons T. Culture and social system. Introduction//Theories of society. Glencoe, 1961. Vol.II. P.977; Генисаретский О.И. Опыт методологического конструирования общественных систем // Моделирование социальных процессов. М., 1970. С.49; Маркарян Э.С. Культурологическая теория Л.Уайта и исторический материализм // Вопр. философии. 1966. № 2. С.87.

П.П. ЕФИМЕНКО И С.Н. ЗАМЯТНИН

Цель настоящей статьи – сравнить П.П. Ефименко с его современниками и посмотреть, почему один исследователь думал таким образом, а другой даже не мог понять, как можно так смотреть на вещи.

Для нас оба исследователя – исторические величины. Они примерно равны и по возрасту, и по значению в науке о палеолите. Но когда С.Н. Замятнин появился в кругу петроградских археологов, П.П. Ефименко уже был общепризнанным главой первобытной археологии и именно он оценивал достоинства провинциального исследователя древностей наряду с В.А. Городцовым в Москве. С.Н. Замятнин рассказывал (правда, спустя много лет после самого события), что В.А. Городцов был в восторге от его знаний, а П.П. Ефименко оценил его сдержанно. С.Н. Замятнин начал работать в Академии истории материальной культуры и учился в аспирантуре Академии. П.П. Ефименко был всегда (и в Ленинграде, и в Киеве) главой, его взгляды были определяющими, и не только в области палеолита, он был жестким руководителем, и вплоть до 50-х годов с ним никто не решался спорить.

Он стал первым, поскольку был единственным учеником основоположника палеоэтнологии в России Ф.К. Волкова, специализировавшимся в области каменного века. С.И. Руденко был более этнографом, Л.Чикаленко оказался за рубежом в 1918 г., а Г.А. Бонч-Осмоловский был и моложе П.П. Ефименко, и в силу личной судьбы не смог противостоять ему на равных.

Если говорить о вкладе П.П. Ефименко в науку, то его самооценка, оценка современников и его действительный вклад – довольно разные вещи. Общепризнано мнение, что П.П. Ефименко – основоположник особого направления в изучении палеолита, которое называют социологическим¹. В самом деле именно так П.П. Ефименко оценивал место его гипотез, касающихся общественного устройства в эпоху палеолита. Получалось так, что начало его самостоятельного пути в палеолите – это чуть ли не 1931 год. Однако теперь правильно будет оценить его как основоположника типологии палеолита в отечественной археологии. Руководящие специалисты в археологии* объявили типологию в 30-х годах если не ложным, то второстепенным методом, фетишизмом вещи в археологии, проявлением буржуазного вещеведения. Стоит только вспомнить, что именно П.П. Ефименко ввел в нашу науку о палеолите в своей работе 1915 г.² понятия: нож костенковского типа, наконечник с боковой выемкой, – понятия, отсутствовавшие в типологии зарубежных исследователей, – как начнет вырисовываться его подлинный облик. Ведь эти самые ножи никто не определил в коллекциях Средней Европы, пока не без влияния отечественных исследователей этого не сделал Я.Козловский только в 1965г.³ А ведь их отметил А.Брейль в коллекциях моравского палеолита, но не нашел их сходства с костенковскими типами⁴. Теперь пора сказать, что приоритет нашей науки о палеолите тут, в области типологии, и эти успехи не сравнимы с широко известными предположениями о начале родового строя, менявшимися каждые два-три года⁵. Напротив, типологические заключения П.П. Ефименко относятся к непоколебимым дефинициям. Стоит задуматься над разной судьбой того и другого

*Более всего – В.И. Равдоникас, хотя он и понимал настоящее место типологии среди других методов археологии, и С.Н. Быковский, один из руководителей ГАИМК при Н.Я. Марре.

рода итогов деятельности П.П. Ефименко. И уж если говорить об истинно исторических выводах, то только на этих типологических штудиях могут основываться все последующие заключения исследователей о сходных (или различных) судьбах палеолита Средней и Восточной Европы, о единстве процесса развития палеолита Франции и Восточной Европы. И здесь П.П. Ефименко высказался первым, отметив сходство палеолита Дона и палеолита Моравии и нижней Австрии.

Это обстоятельство – приоритет П.П. Ефименко – имело существенное значение для судьбы С.Н. Замятнина. Он, можно сказать, сравнительно с П.П. Ефименко, опоздал к закладке основ типологии нашего палеолита. Он вошел в науку тогда, когда палеолитические штудии были опорочены благодаря термину "фетишизм вещи" (печального рода первенство тут принадлежит В.И. Равдоникасу, хотя он лучше многих понимал роль типологического метода). С.Н. Замятнин шел за П.П. Ефименко, когда, раскопав Гагарино – памятник, порождавший ту же проблематику, что и Костенки I, приступил к обработке материала этих исключительных по значимости своих раскопок*. Судьба распорядилась так, что П.П. Ефименко еще исследовал в поле Костенки (стоянку Полякова), когда С.Н. Замятнин уже опубликовал свою монографию о Гагарине. И если П.П. Ефименко свою типологию обосновал в 1915 г. только на коллекциях С.Круковского и Полякова из Костенок, тем не менее основы типологической оценки костенковского типа памятников были им уже заложены, и С.Н. Замятнин им следовал. Но, кажется, типология не более привлекала С.Н. Замятнина, чем искусство палеолита (женские статуэтки, изображения животных). С.Н. Замятнин первым нашел в коллекциях Круковского статуэтку из Костенок. Внимание к предметам искусства идет у П.П. Ефименко от его учителя Ф.К. Волкова. Именно Ф.К. Волков попытался "исторически" решить вопрос, который в его время, пожалуй, и ставить было преждевременно ввиду отсутствия типологии. Вопрос, как соотносится палеолит Восточной Европы с хорошо уже известным верхним палеолитом Франции, Ф.К. Волков решал в обход типологии каменных орудий, идя от особенностей искусства единственного тогда памятника с произведениями искусства – от Мезина, раскопанного П.П. Ефименко.

Между Ефименко и Замятниным как будто есть сходство в подходе к вопросу палеолита: и тот, и другой шли от искусства. Но достаточно сравнить их работы^б, чтобы увидеть, как П.П. Ефименко идет от немецких исследователей искусства (им принадлежит идея божества, воплощенного в женских статуэтках), а С.Н. Замятнин – от магической теории французских исследователей. При всем том идея П.П. Ефименко кажется прежде всего основанной на оседлости как показателе более высокого уровня развития, чем у австралийцев с их бродячим образом жизни. Кстати, мысль о том, что первоначально, т.е. в 1931 г., П.П. Ефименко отталкивался от идей Моргана и Энгельса, находится в противоречии с упоминанием этих имен в тексте. Правда далее, начиная с 1934 г., П.П. Ефименко упоминает идеи Моргана и Энгельса^{жж}. С.Н. Замятнин не упоминает Моргана и до конца жизни в своих построениях исходит из идей французских коллег.

*П.П. Ефименко был приглашен в 1923 г., а исследователь стоянки в Костенках С.Н. Замятнин в последний раз копал там в 1927 г. Открытую им Александровскую стоянку (Костенки IV) копали далее уже без него. С Костенками у нас ассоциируется имя П.П. Ефименко, а не С.Н. Замятнина.

^{жж} Единственным специалистом, который писал о родовом строе в палеолите или в неолите и о положениях Моргана-Энгельса как основе понимания первобытности, был В.И. Равдоникас. Видимо, он оказал влияние на П.П. Ефименко.

Анализ работ двух авторов, созданных ими почти в одно время, показывает, в чем разница их подхода. Если С.Н. Замятнин шел от представлений об охотничьей магии как основы мировоззрения палеолитических охотников к реконструкции их мировоззрения (как в недавнее время шел А.Леруа-Гуран), то П.П. Ефименко шел от восстанавливаемого образа жизни охотников палеолита (оседлого образа жизни), отталкиваясь от бродячих (до родового уровня) австралийцев, к предположениям об их общественном устройстве - к родовому строю в верхнем палеолите.

У нас в литературе принято, что идеи С.Н. Замятнина в сфере изучения палеолитического искусства развивают то, что было сказано П.П. Ефименко, и им не противоречат. Но сам С.Н. Замятнин думал иначе: "В этом объяснении у меня имеется расхождение с П.П. Ефименко, который считал эти женские изображения наиболее ранними проявлениями культа предков"⁷. С.Н. Замятнин отрицательно отнесся к двум положениям П.П. Ефименко: к его реконструкции разделения труда для мустье и к его утверждению о связи статуэток и родового устройства. Для С.Н. Замятнина показателем родовых отношений могут служить только могильники, и поскольку могильников раньше мезолита мы не знаем, то и родовые отношения фиксируются археологическим материалом не ранее мезолита. Странно, что на эту мысль С.Н. Замятнина и теперь никто не обращает внимания и его по-прежнему ставят в число последователей П.П. Ефименко.

Круг вопросов, которым П.П. Ефименко овладел раньше других и решение которых он предложил первым: как развивался палеолит в Восточной Европе, в частности, верхний палеолит? (т.е. то, что получило несколько сухое определение: периодизация верхнего палеолита Восточной Европы). Это главная тема П.П. Ефименко, он ею занимался начиная с 20-х годов и до конца своей творческой деятельности.

П.П. Ефименко стремился к формулировкам общего порядка, но здравый смысл удерживал его от слишком пунктуального следования этим своим собственным формулировкам. Он их менял. Более последовательным в проведении его формулировок были его ученики, и они-то как раз доводили до абсурда эти положения. П.П. Ефименко этим своим последователям казался (в силу своего мудрого лукавства) непоследовательным, противоречивым человеком. П.П. Ефименко предложил схему развития верхнего палеолита на Русской равнине, в основе схемы лежала определенная последовательность стоянок в Костенках, которые представлялись ему на основании анализа типологии их каменных орудий разновременными. В частности, он, следуя за схемой А.Брейля, провозгласил, что стоянки с двусторонне обработанными орудиями предшествуют в Костенках стоянкам с обилием долотовидных орудий с остриями, с притупленным краем, без двусторонне обработанных острий. Пока такого рода памятники не были найдены во взаимной стратиграфической последовательности, все было в порядке, но когда была исследована Александровка, или Костенки IV, тут-то сразу и выяснилось, что слой с двусторонне обработанными остриями не предшествует слою с долотовидными орудиями ("архаический мадлен", по терминологии П.П. Ефименко), а следует за ним. С.Н. Замятнин пытается в 50-е годы сохранить периодизацию, общепринятую к тому времени (т.е. позицию П.П. Ефименко, сформулированную еще в 1928 г.), переместить "архаический мадлен" в ориньяк, т.е. отнести их к гораздо более раннему времени. С.Н. Замятнину не хотелось отступить и от своего собственного вклада в схему развития верхнего палеолита на Дону. В свое время С.Н. Замятнин добавил к общей схеме

П.П. Ефименко и свое положение: долотовидные изделия развиваются из двусторонне обработанных, замечая их по времени.

Напротив, П.П. Ефименко осторожно обошел вопрос, заговорив о переходном характере памятников александровского типа⁸. Еще один предмет исследований П.П. Ефименко и С.Н. Замятнина – наконечник и статуэтка. Известно, что существует довольно много случаев, когда женские статуэтки встречаются на памятниках, характеризующихся наконечниками. Правда, наконечники разные, на нашей территории – это наконечники костенковского типа, а во Франции – изделия другого типа, но в 30–50-е годы это считалось несущественным⁹. П.П. Ефименко более всего обращал внимание на сходство моравских памятников и памятников костенковской культуры, особенной культуры верхнего палеолита в его понимании (даже если речь шла о высшей точке развития культуры человека эпохи верхнего палеолита, как он ее иногда воспринимал). Точно так же и подход С.Н. Замятнина к разного рода изделиям – пластинам с ретушью, пластинам с притупленным краем, наконечникам с боковой выемкой, как вообще наконечникам метательного оружия¹⁰, – кажется идеей Ефименко.

Более последовательным, чем П.П. Ефименко, предстает С.Н. Замятнин, когда отстаивает всеобщность схемы развития верхнего палеолита Брейля–Ефименко. П.П. Ефименко колебался, какую же причину приписать развитию каменных орудий верхнего палеолита, объясняющую смену одних разновидностей орудий другими. Однако он довольно скоро снял свой тезис об эволюции солютрейского инвентаря в мадленский как отражение перехода от матриархальных порядков к патриархальным, указав только на изменение их образа жизни, как возможную причину перемен в каменных орудиях. Более абстрактную схему, причем технологическую, для объяснения того же развития орудий предложил С.Н. Замятнин¹¹. Он видел прямую эволюцию от "гладкого" наконечника ориньякской стадии к наконечнику с одним зубцом – солютрейскому и далее – к наконечнику мадленскому с многими зубцами. Отношение двух во многом различных авторов к типологии временами столь сходно, что остается только поражаться и думать, кто же первый сформулировал такие положения. Говоря о наконечнике с выемкой из стоянки Гагарино, С.Н. Замятнин пишет:

"Это ... орудьице хорошо известно как специфическая форма финального ориньяка во всей Европе ..., но ... этот вид кремневого орудия значительно варьирует по форме". Что же это за вариации? Вариации эти от наконечника с боковой выемкой костенковского типа до различных пластин – острий с притупленным краем из Лякост, ля Фераси и Ментоны.

Основанием для отождествления совершенно различных форм, из которых многие не попадают даже в сверхкатегорию наконечника, является положение: "Постепенная выработка форм ... происходила у различных групп охотничьего населения центральной и восточной Европы в одном направлении, вызываясь одними и теми же потребностями в связи с изменением способов охоты ..." ¹².

Если П.П. Ефименко предложил схему ступеней верхнего палеолита Восточной Европы, то С.Н. Замятнин построил не менее важную схему – схему развития верхнего палеолита на Кавказе¹³. Развитие верхнего палеолита на Кавказе не укладывалось в схему юго-западной Франции, оттого С.Н. Замятнин пришел к мысли об особой зоне развития культуры в эпоху верхнего палеолита. С.Н. Замятнин отождествил эту зону с Средиземноморьем, следуя за А.Брейлем. Правда, А.Брейль под Средиземноморьем понимал хорошо знакомую ему Италию. С.Н. Замятнин соединил с Италией и памятники Кавказа, Крыма, Ближнего Востока. В дальнейшем С.Н. Замят-

нина поправляли, указывая на разницу между каспийскими памятниками и памятниками Кавказа. Однако в широком плане С.Н. Замятнин был прав. Он показал возможность выделения нескольких зон развития культуры именно через особенности развития, через разницу в ступенях такого развития. Отсюда прямой путь к его работе о локальных различиях в верхнем и нижнем палеолите¹⁴. П.П. Ефименко принял идеи, высказанные С.Н. Замятниным, и сочувственно цитировал его в последнем издании "Первобытного общества"¹⁵. Правда, одобряя его в одном месте, он в другом месте высказал мысль о множественности инвентаря в ашельскую эпоху¹⁶, с чем С.Н. Замятнин не соглашался и потратил много энергии на доказательство мысли: чопперы есть в любом ашельском памятнике, только для этого надо "чоппер" заменить термином "грубое рубящее орудие".

Самая знаменитая работа С.Н. Замятнина - "О возникновении локальных различий в культурах палеолитического периода"¹⁷. Она воспринималась и как развитие идей П.П. Ефименко об унифицированном развитии, однолинейном развитии палеолита одними исследователями, и как первое проявление идей местного своеобразия палеолита разных частей ойкумены - другими, противниками идей П.П. Ефименко. На самом деле ее текст не оставляет сомнений в том, что С.Н. Замятнин был противником внимания к местным различиям в палеолите¹⁸. К этому времени П.П. Ефименко претерпел значительную эволюцию, выраженную в его работах, начиная с 1958 г. Он встал на позиции особенного развития верхнего палеолита Центральной Европы, не сходного с развитием палеолита Франции (в домадленское время) и Восточной Европы (там, где она не повторяла в своем развитии этапов, свойственных палеолиту Чехословакии или Венгрии), в докостенковское время. Если говорить об изменении взглядов П.П. Ефименко на задачи археологии в свете нынешних споров о задачах археологии, нельзя пройти мимо того, как он, начав с типологии и периодизации, в духе времени провозгласил самыми существенными задачами первобытной археологии историю первобытного общества и в конце своего пути снова вернулся к типологии, периодизации, археологическим культурам.

¹Рогачев А.Н. П.П. Ефименко и вопросы социологии первобытного общества: (Краткий историографический очерк) // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 5-10.

²Ефименко П.П. Костенковская палеолитическая стоянка // ЕРАО. СПб., 1915. Т.5.

³Kozłowski J.K. *Studia nad zroźnicowaniem kulturowym w paleolicie gornym Europy Srodkowej*. Krakow, 1965.

⁴Breuil H. *Notes de voyage paleolithique en Europe Centrale* // L'Anthropologie. 1925. Т. 34.

⁵Ефименко П.П. Значение женщины в ориньякскую эпоху // Изв. ГАИМК. Л., 1931. Т. XI, вып. 3/4; Он же. Дородовое общество. Л., 1934; Он же. Первобытное общество. Л., 1938; Он же. Первобытное общество. Киев, 1953.

⁶Замятнин С.Н. Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона, ЦЧО) // Палеолит СССР. Изв. ГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 118; Idem. *La station aurignacienne de Gagari no et les données nouvelles qu'elle fournit sur les rites magiques des chasseurs quaternaires* // Изв. ГАИМК. Л., Вып. 88.

⁷Замятнин С.Н. Памятники изобразительного искусства эпохи палеолита и их значение для проблемы происхождения искусства // С.Н. Замятнин. Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961. С. 56.

⁸Ефименко П.П. Первобытное общество ... 1953. С. 484-485.

⁹Там же. С. 390.

- ¹⁰Zamiatnine S.N. La station aurignacienne ... P. 51.
- ¹¹Замятнин С.Н. Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита // Пробл. истории первобытного общества. М.; Л., 1960. С.80-108.
- ¹²Там же. С. 52, 53.
- ¹³Замятнин С.Н. Новые данные по палеолиту Закавказья // СЭ. 1935. № 2. С.116-123.
- ¹⁴Замятнин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического человека // Происхождение человека и древнейшее расселение человечества. ТИЭ. Н.с. М., 1951. Т.16. С.88-152.
- ¹⁵Ефименко П.П. Первобытное общество ... 1953. С.136, 161.
- ¹⁶Там же. С.179.
- ¹⁷Замятнин С.Н. О возникновении локальных различий ...
- ¹⁸Ср.: Лубин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.

З.А. Абрамова

П.П. ЕФИМЕНКО И ИЗУЧЕНИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

В кратком сообщении трудно осветить все многообразие, всю глубину мыслей и разработок П.П. Ефименко, касающихся такого сложного, многопланового и своеобразного явления, как палеолитическое искусство. Остановлюсь лишь на тех моментах, которые необходимо помнить для дальнейшего развития науки о древнейшей творческой изобразительной деятельности, ни в коей мере не ставя своей задачей исправить то, что с течением времени, с накоплением фактов могло бы изменить или опровергнуть положения П.П. Ефименко.

Напомню, что в дореволюционный период на территории России при раскопках палеолитических поселений был открыт ряд произведений искусства малых форм, но им не было уделено должного внимания, и только исследования в Костенках, начатые П.П. Ефименко в 20-х годах, сделали возможным научную постановку проблем палеолитического искусства. Таким образом, П.П. Ефименко является не только основоположником советского палеолитоведения в целом, но и зачинателем особой отрасли науки о палеолите, доказавшим своими работами, что совокупность мелкой пластики, содержащейся в культурных слоях поселений, представляет собой важнейший исторический источник.

В 1923 г. П.П. Ефименко открыл в Костенках I первую на территории СССР фигурку женщины, изготовленную из бивня мамонта и обладающую всеми признаками, характерными для уже известных в Западной Европе так называемых ориньякских статуэток. Справедливости ради надо заметить, что еще в 1915 г. С.А. Круковский в одном из шурфов на стоянке Костёнки I нашел обломок торса фигурки из мергеля, но эта находка осталась незамеченной исследователем и лишь в 1922 г. была открыта заново С.Н. Замятниным в фондах Воронежского краеведческого музея и опубликована в местном издании¹. Художественная ценность этого обломка невелика, значение его в том, что он открывает серию фрагментов мергелевых статуэток, обнаруженных с тех пор в Костенках I.

Статуэтка, найденная в 1923 г. и сразу же воспроизведенная², была замечена во Франции³ и с тех пор начала свое триумфальное шествие, пользуясь выражением П.П. Ефименко, по всем публикациям, касающимся палеолитического искусства. В 1926 г. П.П. Ефименко посвятил ей особую статью⁴. В этой небольшой по

объему статье сосредоточены почти все основные направления анализа палеолитических женских статуэток, которые в дальнейшем будут развиты в работах как самого П.П. Ефименко, так и его последователей.

Прежде всего это строго научное описание самих объектов исследования, образцом которого является в дальнейшем глава VIII известной монографии П.П. Ефименко "Костенки I", посвященная исчерпывающей характеристике изображений людей и животных, найденных при многолетних раскопках Костенок I, исчерпывающей и вместе с тем данной сжато, лаконично и образно, без словесных украшательств и излишних эмоций. В общих замечаниях к этой главе П.П. Ефименко пишет: "Одной из самых ярких сторон жизни древних обитателей палеолитического поселения Костенки I, о которой мы можем судить по дошедшим до нас вещественным остаткам, являются, несомненно, предметы из кости и камня, художественно воплощающие окружавших их творцов мир живых существ - людей и животных. По своему содержанию эти художественные образы вполне отвечают тому, что мы знаем для изобразительного творчества первобытных общественных коллективов времени позднего палеолита на его более ранних ступенях. И если они все же поражают нас в находках, сделанных в Костенках, то это, с одной стороны, своим исключительным обилием и многообразием, с другой, что не менее важно и интересно, - высокой художественностью, настоящим мастерством их исполнения"⁵.

В исключительно важной работе 1931 г. "Значение женщины в ориньякскую эпоху", посвященной всестороннему анализу женских статуэток, П.П. Ефименко дает обобщенное описание женского образа в палеолите и впервые выделяет в женских фигурках, воплощающих черты зрелой женщины, женщины-матери, две характерные разновидности: одна передает фигуру очень полной, невысокой, коренастой женщины, другая отличается вытянутыми пропорциями тела и худощавостью, хотя собственно женские формы и у этих статуэток передаются с той же утрированностью⁶.

Уже в упомянутой статье 1926 г. впервые произведен анализ условий залегания рассматриваемого объекта. П.П. Ефименко отмечает, что в том месте, где культурный слой был особенно утолщен и особенно интенсивно окрашен, ниже него была обнаружена небольшая западина, по мере расчистки превратившаяся в четырехугольную более или менее правильную ямку глубиной в полметра, заполненную отбросами обитания, видимо, затекшими в нее сверху. На дне этой ямки лежали несколько концов бивней мамонта, представлявших, очевидно, сырье для изделий, несколько ребер, возможно, лошади, иногда со следами излома по надрезу и вместе с ними костяные лощила и небольшое острие из бивня. Здесь же, в заполнении ямы находилась и статуэтка⁷. В дальнейшем П.П. Ефименко уточнит, что статуэтка лежала головой вниз и под некоторым углом, как бы сброшенная в яму, дно которой уже было покрыто слоем земли⁸.

Глубокий анализ пространственного соотношения элементов культурного слоя, получившего теперь название планиграфического анализа, именно на поселении Костенки I позволил П.П. Ефименко впервые связать находки женских статуэток с жильными комплексами, с очагами, понимая это слово значительно шире обозначения узко локального зольного пятна. П.П. Ефименко отметил, что стоянки лесозных областей Австрии и Моравии (Виллендорф, Пшедмость, Дольни Вестонице), давшие женские изображения, представляют места длительного обитания, о чем свидетельствуют мощные культурные напластования и сопровождающие их всегда огромные скопления костей животных, главным образом мамонта. Особенное внимание было уделено анализу расположения и характеру культурных остатков

в только что исследованной С.Н. Замятниным стоянке Гагарино, а также в стоянках Ланг-Маннерсдорф и Линзенберг, тем более что последняя дала находки женских статуэток на полу жилища в небольшом углублении.

На основании пространственного анализа культурных остатков в памятниках широкой зоны, включающей Восточную и Центральную Европу, П.П.Ефименко еще в 1930 г. пришел к выводу, что скульптурные изображения женщин не представляют собой случайного явления, а имеют глубокие внутренние связи со всем хозяйственно-бытовым укладом охотников ориньяко-солотрейского времени (имелась в виду первая половина позднего палеолита. - З.А.). Положение это, которое сейчас кажется нам таким обычным, в свое время коренным образом меняло представления о позднепалеолитическом обществе в целом. Позже П.П. Ефименко писал: "Следует напомнить, что вследствие крайне упрощенного, совершенно ненаучного способа ведения раскопок в Западной Европе мы до последнего времени были лишены возможности сказать что-нибудь определенное об условиях, в которых встречаются рассматриваемые нами статуэтки. Всеми принимались без дальнейшего обсуждения, что они были просто забыты на охотничьих становищах, в пещерах или на месте открытых стойбищ среди всяких иных оставленных здесь предметов обихода. Ни у кого из буржуазных исследователей и не возникал вопрос: нельзя ли все же найти какую-нибудь связь между постоянным присутствием этих загадочных изображений на местах древних стойбищ и характером самих поселений, то есть прежде всего, естественно, связь с условиями определенной бытовой обстановки, в каких они бывают находимы в таких поселениях?". А между тем "сами условия нахождения ... фигурок, постоянно обнаруживаемых ... в особых помещениях, устроенных внутри жилища, вблизи очагов, говорят с достаточной определенностью о том важном месте, которое они должны были занимать в жизни обитателей древних, палеолитических стойбищ"⁹.

Впервые это положение было высказано в докладе, прочитанном в январе 1931г. в рабочей группе по изучению дородового общества ГАИМК. Доклад этот в дополненном и несколько переработанном виде был опубликован в уже упомянутой основополагающей работе "Значение женщины в ориньякскую эпоху". В дальнейшем П.П. Ефименко развивал и обосновывал это положение в ряде своих работ. Не повторяя всем известных фактов и аргументов, отмечу лишь главное в построениях П.П. Ефименко: объединение семейной или хозяйственной ячейки у очага (огня) ассоциируется с хранильницей очага - женщиной-матерью, которая в силу своих биологических особенностей привязана к жилищу, домашнему хозяйству, детям. Домашняя деятельность женщин до возникновения общественного разделения труда имела общественное значение. Важным был вывод, что складывание материнской родовой организации в верхнем палеолите нашло отражение в женском образе, символе единства и родственной связи членов оседлых охотничьих общин.

Необходимо отметить в этой связи следующее: то, что это не единственное объяснение сущности женских статуэток, П.П. Ефименко, со свойственной ему широтой взглядов, понимал и принимал. "В условиях охотничьей жизни... магия всегда должна была являться одним из очень важных моментов производственной деятельности первобытных общественных групп. Вероятным объектом этих магических действий, направленных, без сомнения, на то, что больше всего могло интересовать первобытный коллектив, - удачную охоту и связанные с ней благосостояние, обилие пищи, - был тот же образ женщины"¹⁰. Обычно, говоря о различных толкованиях образа женщины, противопоставляют взглядам П.П. Ефименко известную точку зрения С.Н. Замятниной, забывая о том, что уже в 1931 г.

П.П. Ефименко заметил жест поднятых рук, общий у статуэтки из Гагарина и у рельефа из Лоссель: "Это сходство позы ..., конечно, не случайно. В нем отчетливее, чем в чем-либо ином проявляется значение этого образа"¹¹. И, кроме того, П.П. Ефименко указывает на неслучайное нахождение в рельефах из Лоссель двойного, антиподального изображения, которое в своей трактовке опускает С.Н. Замятнин.

Возвращаясь к идеям статьи 1926 г., следует отметить еще одно направление анализа женских статуэток: связь этих источников с сопровождающим инвентарем, которая подтверждает наличие специфических археологических общностей, распространенных во времени и в пространстве. П.П. Ефименко писал: "Изучение инвентаря Костенковской стоянки показывает с полной очевидностью, что она принадлежит к той группе стоянок, которые длинной цепью протягиваются через всю Европу от области Пиренеев, побережья Бискайского залива и пещер Ментоны, через Баварию и Нижнюю Австрию (Виллендорф) к берегам Дона. Не только находки статуэток намечают эту цепь памятников, кремневая индустрия говорит определенно о том же"¹². Кремневые орудия, продолжает далее П.П. Ефименко, дают основание "с уверенностью говорить о культурных связях Костенок с ранними лёссовыми стоянками Австрии, а через них с классической страной памятников палеолитической культуры - Францией, и преимущественно южной ее областью. В особенности наконечник с боковой выемкой, форма весьма своеобразная и характерная, позволяет проследить этапы намеченного выше пути"¹³.

Отметив, что С. Рейнак на основании находки первой статуэтки в Костенках выдвинул в противовес обычным представлениям гипотезу о зарождении древнейшего палеолитического искусства в Южной России, а может быть, и далее, за рубежом Азии, П.П. Ефименко рассматривает вопрос о месте возникновения и дальнейшего распространения культуры с развитым искусством. "Откуда шел путь распространения этой культуры - с востока, из Азии, как думает Рейнак, или, наоборот, восточноевропейская область являлась только далекой окраиной передовой средиземноморской культуры, решить пока трудно"¹⁴, хотя, как считает П.П. Ефименко, на стороне последнего предположения аргументов больше.

И наконец, в статье 1926 г. затрагиваются вопросы хронологической позиции культурного слоя Костенок I, содержавшего статуэтку. Статуэтка, наиболее совершенная из всех известных к тому времени палеолитических фигурок, не может считаться прототипом подобных произведений искусства еще и потому, что относится к более позднему времени, когда в кремневой индустрии становятся вполне заметны навыки новой, солютрейской техники. Возраст слоя, а следовательно, статуэтки устанавливается П.П. Ефименко главным образом на основании сравнения со стоянкой Пшедмость. Упомянув, что стилизованное изображение женщины из Пшедмости в сущности представляет тот же образ, что и костенковская статуэтка, и что найденная в Костенках фигурка мамонта из мергеля при всей ее незаконченности и схематичности имеет значительное сходство с изображением мамонта из чешской стоянки, П.П. Ефименко относит Костенки I "к той большой группе восточноевропейских стоянок верхнего палеолита, которая может быть названа Виллендорфско-Костенковско-Пржедмостской. Эти стоянки, обладающие особой культурой, имеют ряд характерных черт и в формах кремневой индустрии, и в художественных изделиях из мягкого камня и кости. Они обнимают время, которое может быть обозначено в хронологических терминах Западной Европы, как позднеориньякское и солютрейское"¹⁵.

Более подробно хронология и культурная принадлежность памятников, содержащих женские изображения, рассмотрены в более поздних работах П.П. Ефименко. Хронология и обозначение подразделений позднего палеолита не всегда согласуются с современными представлениями, но главное не в этом, а в поставленном впервые вопросе о хронологических рамках существования женского образа.

В монографии, посвященной Костенкам I, П.П. Ефименко писал: "При наличии несомненных черт своеобразия в проявлениях второстепенного порядка памятники ... Чехословакии и СССР вместе с тем во всем основном обнаруживают замечательную близость всего характера и общего строя культуры. Вряд ли такой факт можно было бы объяснить простым совпадением или рассматривать его в качестве явления, носящего чисто стадийный характер. За этой близостью, часто тождеством в характере охоты, приемах домостроительства, замечательным сходством в разнообразных орудиях труда, особенностях быта, мировоззрения, в наборе украшений, нередко весьма оригинальных в проявлении своеобразного высокохудожественного изобразительного мастерства, - во всем этом естественно усматривать скорее ... наличие каких-то давних и вполне реальных исторических связей, очевидно, объединявших каким-то образом уже в ту отдаленную эпоху первобытные родо-племенные общественные образования обеих территорий"¹⁶.

В качестве одной из поразительных черт сходства П.П. Ефименко упоминает факт массовых находок в Чехословакии маленьких женских фигурок, вылепленных из глины и затем обожженных: "Такие фигурки во всем, кроме материала, поразительно сходны с фигурками из мергеля, описанными ... для Костенок I, в частности и в смысле обычной для них, несколько упрощенной схематической трактовки"¹⁷.

В упомянутой работе 1931 г. впервые широко рассматриваются и вопросы общей эволюции верхнего палеолита на Русской равнине, в частности отмечается, что в бассейне Днепра-Десны "дальнейшее развитие тех первобытных общественных групп эпохи позднего ориньяка, которые оставили нам свои замечательные поселения и приуроченные к ним женские фигурки, проходят иным и чрезвычайно интересным путем"¹⁸. Искусство Мезина рисует "зрелое творчество охотников за мамонтом, выросшее на почве общеевропейского позднеориньякского искусства, но совершенно по-иному оформившееся, чем искусство пещерных местонахождений Франции, Швейцарии, Бельгии. В полную противоположность последнему оно абсолютно не реалистично - в смысле художественной манеры воспроизведения. В этом смысле оно целиком условно"¹⁹.

Особенно большое внимание вопросам эволюции искусства П.П. Ефименко уделил в обобщающем фундаментальном труде "Первобытное общество"²⁰, равно которому до сих пор не знает мировое палеолитоведение. Здесь он останавливается на характере древнейшего искусства (с. 394), уточняет и развивает положение о значении изображений женщин (с. 396), распространяя анализ и на изображения животных времени расцвета палеолитического искусства (с. 405), описывает материалы Мезина и Мальты как памятников переходного этапа (с. 459), детально характеризует мадленское искусство (с. 496) и наряду с искусством малых форм уделяет большое внимание наскальному искусству.

Раскрытие каждой из этих тем может служить основой особого рассмотрения, поэтому позволю себе закончить общим определением палеолитического искусства, которое П.П. Ефименко назвал "изобразительным художественным творчеством": "Можно подходить с разных точек зрения к тем фактам, которые представляет так называемое искусство позднего палеолита. В нем естественно видеть не

только выражение эстетического вкуса и художественной одаренности первобытного человека, но довольно сложный комплекс явлений, ключ к которому следует искать в кругу идей, питавших мировоззрение охотника поздней ледниковой эпохи" 21.

- 1 Замятнин С.Н. Очерки по доистории Воронежского края. Воронеж, 1922
- 2 Отчетная выставка Этнографического отдела за 1923 г. (Русский музей). Пг., 1924.
- 3 Reinach S. Une nouvelle statuette féminine en ivoire de mammoth // L'Anthropologie. 1924. Т. 34, N 3-4.
- 4 Ефименко П.П. Статуэтка солотрейского времени с берегов Дона // Материалы по этнографии. Л., 1926. Т.3, вып. I.
- 5 Ефименко П.П. Костенки I. Л., 1958. С.342.
- 6 Ефименко П.П. Значение женщины в ориньякскую эпоху // ИГАИМК. 1931. Т. II, вып. 3-4. С.3.
- 7 Ефименко П.П. Статуэтка солотрейского времени ... С.139.
- 8 Ефименко П.П. Костенки I. С.54.
- 9 Ефименко П.П. Первобытное общество. 3-е изд. Киев, 1953. С.404.
- 10 Ефименко П.П. Значение женщины ... С.61.
- 11 Там же. С.25.
- 12 Ефименко П.П. Статуэтка солотрейского времени ... С.140.
- 13 Там же. С.141.
- 14 Там же.
- 15 Там же. С.142.
- 16 Ефименко П.П. Костенки I. С.428.
- 17 Там же. С.422.
- 18 Ефименко П.П. Значение женщины ... С.68.
- 19 Там же. С.69.
- 20 Ефименко П.П. Первобытное общество.
- 21 Ефименко П.П. Костенки I. С.300.

А.П. ЧЕРНЫШ

П.П. ЕФИМЕНКО И ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ ПАЛЕОЛИТА

В 1984 г. научная общественность широко отмечала столетие со дня рождения Петра Петровича Ефименко - выдающегося советского ученого, внесшего крупный вклад в советскую археологическую науку и в советское палеолитоведение в частности. П.П. Ефименко принадлежит большая заслуга в создании крупных обобщающих работ сводного характера по истории первобытного общества, являющихся и сегодня настольными книгами для всех, кто интересуется проблемами первобытной истории. В этих трудах на основании исторического материализма был обобщен огромный археологический материал по древнейшей истории человеческого общества с широким привлечением разнообразных источников, последних достижений как советской, так и зарубежной науки.

Много внимания в трудах П.П. Ефименко было уделено вопросу хронологии, определению этапов развития производства, материальной и духовной культуры на древнейших этапах истории человеческого общества на основании комплексных данных различных отраслей научных знаний. Основной идеей по проблеме хронологии являлось положение о том, что в развитии общества наблюдаются закономерности, свойственные древнему населению на больших территориях, что в истории материальной культуры прослеживаются последовательные этапы и ступени развития, которые фиксируются археологическими материалами и другими видами источников.

Проблему хронологии палеолита в двадцатых и тридцатых годах П.П. Ефименко рассматривал на основании применения к памятникам нашей территории западно-европейской хронологической шкалы **Мортилье-Брейля**¹; позже он отошел от этой хронологической шкалы, предположив хронологию позднего палеолита на основании обобщения материалов нашей страны путем выделения семи ступеней в развитии культуры позднепалеолитического времени (раннетельманская, позднетельманская, костенковская, мезинская, кирилловская, гонцовская и борщевжуровская ступени). Новым в хронологических построениях П.П. Ефименко было положение о том, что западноевропейская хронологическая шкала отражает лишь локальные особенности позднего палеолита Западной Европы и не может быть принятой для всей территории Европы². Выделяя северный и южный пути развития позднего палеолита Европы, П.П. Ефименко никогда, однако, не забывал о закономерностях в развитии общества³. Ученики П.П. Ефименко в дальнейшем развили взгляды своего учителя, его идеи, предложив свои классификации, дополнявшие и уточнявшие его хронологические разработки⁴. В дальнейшем в отношении решения проблемы хронологии наступили существенные изменения, так как стали развиваться и преобладать взгляды о сосуществовании культур в позднем палеолите, в результате чего взгляд о наличии общих закономерностей в развитии общества стал отодвигаться на второй план, ему не уделялось должного внимания, больше внимания стало уделяться так называемому конкретно-историческому изучению памятников, поискам локальных особенностей и культурных отличий.

Так, в частности, учеником П.П. Ефименко А.Н. Рогачевым было выдвинуто положение о том, что в Костенковско-Борщевском районе в позднепалеолитическое время существовало четыре культуры (костенковско-стрелецкая, костенковско-городцовская, костенковско-тельманская, костенковско-спицынская), что ряд культур сосуществовал⁵.

В дальнейшем эта тенденция конкретно-исторического изучения стала развиваться многими исследователями, в результате чего общепринятая хронологическая шкала для позднего палеолита Европейской части СССР фактически перестала существовать, а выделение культур превратилось в своеобразную моду, как в свое время модным было отнесение почти всех памятников позднего палеолита к ориньякскому времени.

В настоящее время на территории Европейской части СССР выделяется около 25 культур, поискам же общих закономерностей в развитии материальной культуры уделяется мало внимания. Исследователи стараются выявить прежде всего те конкретные локальные отличия, которые могли бы служить основанием для выделения культур. В то же время пока еще нет общепринятых критериев для выделения культур, многие культуры выделяются на основании субъективных взглядов тех или иных исследователей, другие – на основании лишь материалов подъемного

характера, а не на основании комплексных данных и в первую очередь на основании отличий массовых стратифицированных материалов.

Все это вносит путаницу в данный вопрос. Одним из печальных примеров ошибочных выделений культур является "липская культура", сочиненная на основании подъемных материалов и широко вошедшая в литературу⁶. "Культура" эта не имеет ничего общего с материалами памятников, исследованных путем стационарных раскопок в районе с.Липа, Ровенской обл. УССР.

Существует в литературе по палеолиту также и определенная путаница в отношении терминологии. Так, например, широко распространены такие термины, как костенковско-виллендорфская культура, костенковско-виллендорфский ареал, костенковско-виллендорфское единство, которые применяются различными исследователями, вкладывающими в них различное содержание в попытке обобщить яркое развитие позднепалеолитической культуры, свойственное памятникам огромной территории Восточной и Центральной Европы. Предложенные термины только запутывают понимание общей картины развития общества этой поры. Если придерживаться взгляда о наличии закономерностей в развитии общества данного времени, то перед нами, на наш взгляд, костенковско-виллендорфский этап в развитии позднего палеолита, закономерный для своего времени, в пределах него могли существовать и культуры в различных районах.

Следует отметить, что П.П. Ефименко, являясь сторонником взгляда о наличии закономерностей в развитии общества на его древнейших этапах, выделяя этапы развития палеолитической культуры, рассматривал мустьерские памятники отдельно от раннепалеолитических, позднепалеолитические отдельно от среднепалеолитических, т.е. он был фактически сторонником трехчленного деления палеолита, согласно которому ранний, средний и поздний палеолит можно рассматривать в качестве трех различных последовательных этапов в развитии палеолита⁷.

В связи с этим пока остается непонятным существование в литературе среди ряда археологов и антропологов взгляда о двухчленном делении палеолита, согласно которому в понятие ранний палеолит включаются памятники раннего палеолита и среднего, т.е. мустьерские. Тем самым в один этап, в одну ступень объединяются культуры питекантропов и неандертальцев, что не является правильным в научном отношении. Этот взгляд явно устарел, по нашему мнению. Дискуссия по этому вопросу, состоявшаяся несколько лет назад, явно ни к чему не привела, о чем свидетельствует ряд опубликованных работ.

За последнее время в археологическую науку стали широко внедряться методы естественных наук и, в частности, методы радиоуглеродного и радиофизического датирования стоянок, определения абсолютного возраста. В настоящее время многие памятники палеолита и мезолита имеют определения абсолютного времени как в нашей стране, так и за рубежом. Ряд памятников имеет колонки радиоуглеродных дат. Это дает возможность получить критерии объективного характера для сравнения памятников между собой, для разработки хронологической шкалы палеолита Европейской части СССР, выделения этапов развития палеолитической культуры и определенных ступеней в их границах. При этом учитываются как радиоуглеродные даты, так и другие данные (условия геологического залегания, состав фауны, данные о пыльце и т.д.), отражающие как закономерности в развитии общества, так и экологические условия времени существования палеолитического человека.

В опубликованных в последние годы сводных работах⁸ содержатся ценные сведения, позволяющие сопоставлять материалы памятников различных районов, выяв-

лять как общие черты в развитии культуры, так и местные особенности и, что особенно важно, выделять закономерности, свойственные обширным районам, отражающие развитие общества на различных его этапах. Создание хронологической шкалы на основании новых комплексных данных является продолжением – на новом уровне – прежних пионерских разработок, проблем хронологии П.П. Ефименко.

Первые серьезные шаги в данном направлении уже сделаны⁹. Необходимы дальнейшие усилия с целью разработки объективной всесторонней общепринятой хронологической шкалы, отражающей на основании комплексных данных закономерности развития материальной и духовной культуры первобытного общества.

¹Ефименко П.П. Первобытное общество. Л., 1938. С.1–636.

²Ефименко П.П. Первобытное общество. Киев, 1953. С. 3–663.

³Ефименко П.П. К вопросу о характере исторического процесса в позднем палеолите (О памятниках так называемого селетского и гримальдинского типа) Восточной Европы // СА. 1956. № 26. С.28–53.

⁴Борисковский П.И. Палеолит Украины // МИА. 1953. № 40. С.6–443.

⁵Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на русской равнине // МИА. 1957. № 59. С.9–134.

⁶Островский М.И., Григорьев Г.П. Липская палеолитическая культура // СА. 1966. № 4. С.3–12.

⁷Ефименко П.П. Первобытное общество. Киев, 1953. С. 3–663.

⁸Палеолит Костенковского района. Л., 1982. С.5–285.

⁹Палеолит СССР. М.; Л., 1984. С.5–382.

В.П. Ксензов

ДВА ЭТАПА ЗАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССИИ В КАМЕННОМ ВЕКЕ

Развитие культуры древнего населения происходило не изолированно от окружающей природы, а во взаимодействии с ней. Географическая среда является необходимым постоянным естественным условием материальной жизни общества. При крайне низком уровне развития производительных сил и примитивности общественных отношений зависимость людей от окружающей среды была значительной. Поэтому естественно без учета изменений природной среды нельзя ставить и решать вопросы исторического и культурного развития древнего человека.

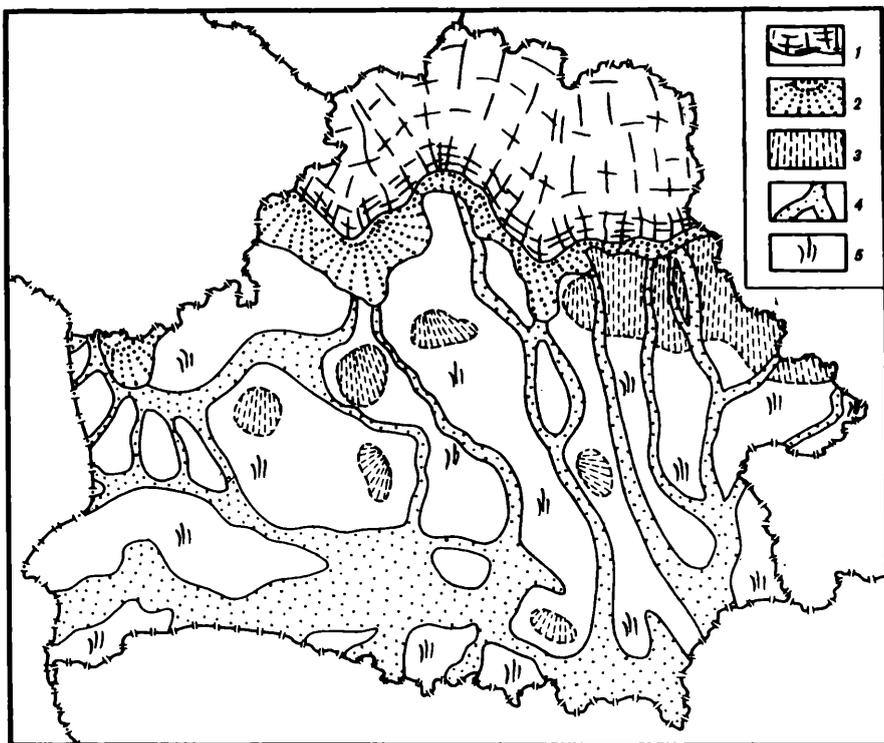
В настоящее время в заселении территории Белоруссии в каменном веке выделяются верхнеплейстоценовый и голоценовый этапы, обусловленные суровой географической средой периода наступления и деградации последнего оледенения.

Верхнеплейстоценовый этап заселения представлен палеолитическими памятниками. Мустьерских и более ранних поселений на территории республики нет. Единичные находки, датируемые эпохой мустье (Светиловичи, Клеевичи, Ново-Быхов, Обидовичи), происходят не из культурного слоя, лишены должного геологического и палеонтологического обоснования, не бесспорна их археологическая датировка, установленная типологическим путем. Единственное орудие мустьерского облика найдено К.М. Поликарповичем в 1928 г. в культурном слое Бердыжской стоянки. Такие орудия, однако, нередки для памятников Русской равнины ранней и средней поры верхнепалеолитического времени и являются пережиточной формой.

Достоверным свидетельством обитания человека в эпоху палеолита на территории республики являются Оровичская и Бердыжская верхнепалеолитические стоянки. Культурная принадлежность Оровичей в связи с невыразительностью и малочисленностью инвентаря до сих пор не выяснена. Бердыжская стоянка большинством советских палеолитчиков отнесена к памятникам костенковско-авдеевской культуры. Памятники датируются XXVII и XXIX тысячелетиями до н.э., т.е. началом поздневалдайского времени. По аналогии с условиями, выявленными по данным разрезов Шапурово, Борисово, Дунаево климат этого периода был резко континентальный, довольно холодный и сухой. О холодном климате свидетельствуют, в частности, находки в интерстадиальных отложениях многочисленных сингенетических криогенных нарушений, рогов северного оленя, большое содержание спор и пыльцы тундровых, арктобореальных, гипоарктических растений, а также гелиофитов, галофитов, степных ксерофитов из числа микротермов - растений открытых местобитаний, обнаженных незадернованных субстратов, сухих песчаных и каменистых склонов, солончаков и солонцов. Среди перигляциальной "тундростепи" с несомкнутым травянистым покровом и большим участием ксерофитных и галофитных ассоциаций в долинах рек протягивались тогда узкие полосы галерейных боров, ельников и березников, а на защищенных от ветра участках междуречий были разбросаны березовые колки и небольшие еловые леса"¹. Важным в деле палеогеографических реконструкций является остеологический материал, находки которого на палеолитических поселениях часты. В раскопках К.М. Поликарповича 1929 и 1931г. в Оровичах были обнаружены костные останки мамонта (преимущественно), лошади, быка, песца. Эти находки также свидетельствуют о холодном климате. В таких же, если не более суровых условиях, находилось население Бердыжа.

В период максимального распространения ледникового покрова, произошедшего 17-18 тыс. лет назад, природные условия стали еще более суровыми (рис. I). Перигляциальные районы Белоруссии, лежащие южнее линии Гродненская возвышенность - Островец-Докшицы-Лепель-Орша, превратилась в лёссовую тундростепь с минимальным участием в скудном растительном покрове лесных формаций². Количество древесных пород уменьшается до 1,8% при полном отсутствии широколиственных, господствует пыльца травянистых растений, в том числе с участием таких ксерофитов, как эфедра и польнь³.

Крайней степени суровости климат достигает в поздневалдайское время, для отложений которого характерно сплошное развитие систем псевдоморфоз (мерзлотных клиньев) по повторножильным льдам. В современной области многолетней мерзлоты формирование полигональных систем и жильного льда по ним идет в районах с наиболее суровым климатом даже для области многолетней мерзлоты - на севере и северо-востоке Сибири⁴. В позднеледниковое время по всей территории Восточной Европы распространился так называемый сибирский тип мерзлотных процессов с температурами на уровне слоя годовых колебаний - 3-5° и мощностями многолетнемерзлой толщи не менее 100-200 м. "Характерно, что именно в конце ледниковой эпохи, когда валдайский ледник стремительно сокращался, за его пределами произошло максимальное расширение области многолетней мерзлоты"⁵, - с этим мнением А.А. Величко не расходится мнение Л.Н. Вознячука, который пишет, что в этот период "природные условия Белоруссии стали наиболее суровыми за весь антропоген и перигляциальная зона приобрела многие черты "субарктической пустыни", превратившись в лёссовую тундростепь с минимальным участием в скудном растительном покрове лесных формаций"⁶. Не противоречат вышесказан-

Р и с. 1. Палеогеографическая обстановка на территории Белоруссии в период максимальной стадии валдайского оледенения (по данным Е.П.Мандер)

1 - лед, 2 - зандровые поля, 3 - лёссовые образования, 4 - криоаллювиальные потоки и их отложения, 5 - растительность перигляциального типа

ному и данные палинологических анализов, проведенных другими белорусскими геологами⁷, которые подтверждают существование на территории Белоруссии в позднеледниковое время условий субарктического климата. Все это позволяет предположить, что в этот период человек откочевал с территории Белоруссии в более теплые и пригодные для жизни края⁸. Белоруссия во второй половине максимальной стадии последнего оледенения вплоть до аллередского потепления, видимо, была мало пригодна для жизни человека. На территории республики пока не обнаружены и археологические памятники, относящиеся к этому времени.

Около 14 тыс. лет назад началось отступление ледника от браславских конечных морен. Холодная лесостепь и тундра сменяются березово-сосновыми лесами с открытыми пространствами и островками редколесья в период бellingского потепления, когда ледник освободил Ильменскую низину и большую часть Эстонии. Кратковременное среднелидниковое похолодание (12200-12000 тыс. лет назад) приостановило сокращение ледника, однако вскоре оно сменилось аллередским потеплением, в период которого территория Белоруссии покрывается сосново-березовыми лесами. Аллередское потепление оказало существенное влияние на весь ход природных процессов, выразившееся в последовательном потеплении климата, в быстром развитии органической жизни. На всей территории Белоруссии шли интенсивные почвообразовательные процессы. На юге распространяются сосновые боры,

хвойные и березово-хвойные леса в центральной части. Создаются благоприятные условия для заселения в конце верхнего плейстоцена-начале голоцена. Начинается второй, голоценовый этап заселения в каменном веке.

В раннем мезолите (пребореаль-бореаль) на территории Белоруссии в настоящее время выделяются две группы населения. Первая, постсвидерская, более многочисленная, представлена памятниками Бобровичи, Ополь II, Свитязь, Яново, Латки, Лудчицы и др.⁹ Для их кремневого инвентаря характерны призматические нуклеусы со скошенными и горизонтальными площадками, черешковые наконечники стрел из пластин, имеющие как свидерскую технику обработки (крутая ретушь на спинке черешка и плоская с брющка), так и постсвидерскую: черешок выделялся полукрутой ретушью со стороны спинки или брющка, причем в ряде случаев плоская ретушь отсутствует. Резцы срединные, боковые, угловые, появляются также на углу сломанной пластинки. Наряду с концевыми скребками из целых и усеченных пластин встречаются подокруглые из отщепов. В коллекциях находятся проколки, пластины-вкладыши, пластины со скошенным ретушью концом, топоры с перехватом. Судя по инвентарю (других данных нет) большинство памятников имеют голоценовый возраст, возможно, наиболее ранние из них датируются поздним дриасом. Генетическая связь этой группы населения со свидерской культурой, оставившей памятники на территории Польской и Западно-Полесской низменности, на сегодняшний день сомнений не вызывает.

Вторую группу населения представляют памятники с гренскими наконечниками стрел - Боровка, Гренск, Коромка, Хвойная¹⁰. Наиболее характерная черта их кремневого инвентаря - гренские наконечники стрел, изготовленные из пластинчатых отщепов. Наконечники асимметричны, один край обработан крутой ретушью полностью, на противоположном такой же ретушью выделен выемкой черешок. Среди орудий черешковые симметричные наконечники стрел, массивные срединные и боковые резцы, концевые и подокруглые скребки из пластин и отщепов, проколки, призматические нуклеусы. Искать генетическую основу гренским памятникам в верхнепалеолитических поселениях Верхнего и Среднего Поднепровья¹¹ не представляется возможным из-за большого хронологического разрыва между ними (около 10 тыс. лет). Более реальной является точка зрения Л.В. Кольцова о генетической связи с памятниками аренсбургской культуры, сложившейся на территории современной Германии в конце плейстоцена. Асимметричность гренских наконечников, выбор заготовок (пластинчатые отщепы), крутое ретуширование при изготовлении наконечников при полном отсутствии плоской ретуши с брющка, схожесть ряда типов орудий свидетельствуют в пользу данного предположения. Население гренской культуры (видимо, целесообразно в целях избежания путаницы сохранить прежнее название культуры, уточнив характер материальной культуры, хронологию, генезис) продолжало обитать на территории современной Белоруссии и в позднем мезолите.

¹Вознячук Л.Н. К стратиграфии и палеогеографии неоплейстоцена Белоруссии и смежных территорий // Пробл. палеогеографии антропогена Белоруссии. Минск, 1973. С.59.

²Левков Э.А., Матвеев А.В., Махнач Н.А. и др. Геология антропогена Белоруссии. Минск, 1973. С.59.

³Величко А.А. Природный процесс в плейстоцене. М., 1973.

⁴Там же. С.48.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Вознячук Л.Н. К стратиграфии ... С.62.

⁷ Якушко О.Ф., Махнач Н.А. Основные этапы позднеледниковья и голоцена Белоруссии // Пробл. палеогеографии антропогена ... С.79.

⁸ Ксензов В.П. Палеолит и мезолит белорусского правобережья Днепра: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. С.7; Ксянзоу У.П. Засяленне тэрыторыі Беларусі ў эпоху палеаліту // (Весті АН БССР (Сер. грам. навук). 1983. № 2.

⁹ Исаенко В.Ф. Неолит Припятского Полесья. Минск. 1976. С.28, 29; Гурина Н.Н. Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии // МИА. 1965. № 126. С. 146-145; Копытин В.Ф. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977; Тихоненков И.М. Кремневый инвентарь стоянки Латки // Вопр. истории и археологии. Минск, 1966. С.256-261.

¹⁰ Копытин В.Ф. Новые данные по мезолиту Юго-Восточной Белоруссии // The mesolithic in Europe, Warsaw, 1973. С. 304-314; Он же. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии. С.9-16; Он же. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии // КСИА. 1977. Вып. 149. С.60-66; Капыцін В.Ф. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць. Мінск, 1986. С.134, 135, 298.

¹¹ Вудько В.Д. Палеолит // Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1970. Ч.1; Копытов В.Ф. Мезолит ...

Г.Н. Матюшин

ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЛИТА УРАЛА

К раннему палеолиту Урала до недавнего времени относили лишь местонахождение Пещерный лог¹, где в 1939 г. М.В. Талицкий нашел бифас и несколько отщепов. Сборы В.П. Денисова 1973 г. дали новые орудия мустьерского облика, но культурный слой там до сих пор не выявлен. Пермские археологи нашли два аналогичных изделия в Резановском логу. Собраны изделия палеолитического облика у Слудков и Гоничат².

Единственным памятником раннего палеолита с культурным слоем является Мысовая на Южном Урале³, в 1961-1969 гг. нами вскрыто 342 кв. м. Памятник многослойный, верхние слои относятся к неолиту и мезолиту⁴, нижние - к раннему палеолиту. Раннепалеолитические находки лежат под плейстоценовыми отложениями, прямо на скальном основании. По степени патинизации материалы нижнего слоя подразделяются на две группы: густо патинизированная, состоящая из чоппингов и бифасов, и менее патинизированная, представленная остроконечниками, черепаховидными нуклеусами и другими изделиями мустьерского типа. В слое с раннепалеолитическими находками (супесь со щебнем) прослежены три горизонта землероек⁵, представляющих, видимо, остатки древних погребенных почв, что позволяет предположительно отнести ашельский (сильно патинизированный) комплекс ко времени не позднее Рисса.

Аналогичные изделия были обнаружены в нижнем слое Муллино I⁶ В.Л. Яхимович, описанном ею, как "глина белая в верхней части за счет высокого содержания пепла (зола); ниже голубовато-серая, алевролитистая с прослоями иловатого глинистого песка". Палеолитические материалы располагались, по ее данным, "в зольном прослое, лежащем в верхней части глины (слой 5) или на границе слоев 4 и 5". Глубина залегания слоя 2,5-3,75 м. Сверху над слоем с палеолитическими находками последовательно залегали слои: мезолита, три слоя неолита, перекрытых в свою очередь двумя слоями энеолита (агидельская культура)⁷. В слое с палеолитическими находками прослежены следы геомагнитной инверсии. Из пере-

крявающих слоев получены даты по C_{14} последовательно Муллино I (мезолит) - 8320 ± 110 , 8460 ± 130 , 8500 ± 180 ; Муллино II (неолит) - 8050 ± 160 ; Муллино III (энеолит) - 6460 ± 80 и др. Достаточно четкая корреляция дат и стратиграфии свидетельствует о непрерывности слоев.

Исследование Мысовой и находки на Муллино I заставили пересмотреть материалы наших раскопок на Айдосе в 1958 г.⁸

В Айдосе по обе стороны ручья нами в 50-е годы обнаружены и частично исследованы два пункта. Один из них, протянувшийся вдоль р. Уфы, содержал неолитические находки в основании голоценовых суглинков и супесей. Другой пункт - Айдос I, расположенный на восточном мысу, ограниченном с одной стороны оврагом, а с другой - р. Уфой, содержал остатки палеолитического времени. Находки палеолитического типа залегали в основании плейстоценовых суглинков под слоем погребенной почвы, на глубине около 3 м. Единичные находки встречались и в низу погребенной почвы. Сверху погребенная почва была перекрыта почти двухметровым слоем плейстоценовых суглинков и голоценовой почвой 40 см толщиной.

Всего на памятнике найдено 192 изделия из камня, 56 из них - орудия и изделия с ретушью.

Большая часть инвентаря Айдос I - орудия архаичного облика типа скребел, протолимазов и кливеров (рис. I). Орудия типа бифасов (в отличие от Мысовой) единичны и плохо выражены. Наиболее близкие аналогии им можно найти в материалах шестого слоя Королево⁹, Каратау I и Лахути I¹⁰. Они отличаются своей архаичностью от материалов Муллино I (нижний слой), где более четко выражены бифасы, остроконечники мустьерского типа и другие изделия, аналогичные второму комплексу с Мысовой (менее патинизированному). Видимо, Айдос относится к наиболее ранним памятникам раннего палеолита Южного Предуралья. Своеобразие комплекса может быть объяснено либо доашельским возрастом Айдоса I, либо особенностями ашельских памятников Предуралья. Отнести его к мустье не позволяют отличия от четко выраженных памятников типа второго комплекса Мысовой, Муллино I (нижний слой) и др.

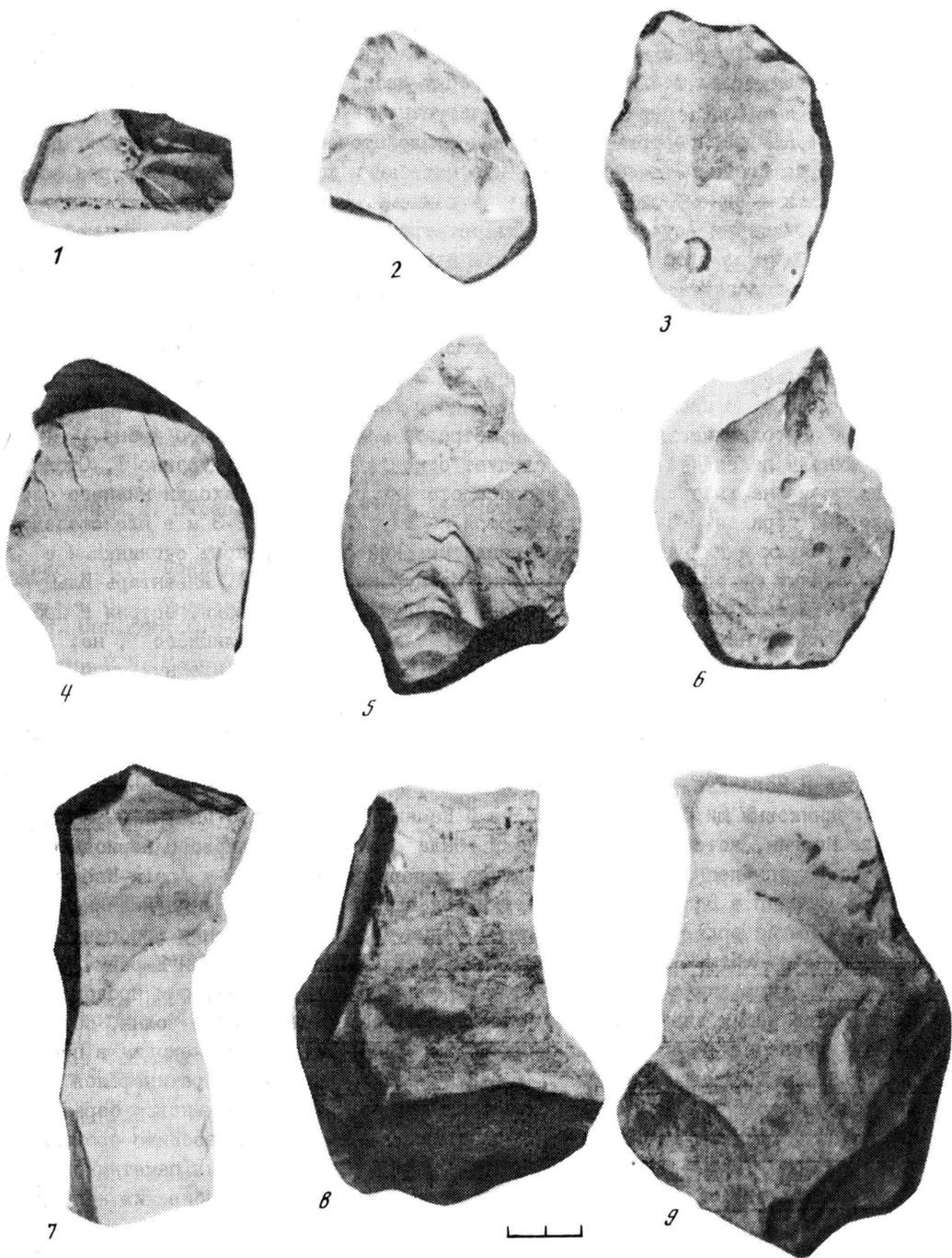
Не исключено, что к раннему палеолиту относятся и находки у с. Новые Узели в Матвеевском р-не Оренбургской обл., хранящиеся в Оренбургском пединституте. Там также представлены изделия типа остроконечников Муллино I, скребел, но здесь же найдены и подпризматические нуклеусы, которые не позволяют опускать эту стоянку глубоко в мустье. Видимо, она относится к самому его финалу.

Первые позднепалеолитические памятники на Южном Урале открыты С.Н. Бибиковым¹¹ в 30-е годы. В начале 50-х годов К.В. Сальников открыл местонахождение палеолитического времени¹² в пещере Смеловская II, исследовавшееся О.Н. Бадером, при участии автора¹³. В конце 50-х годов были открыты рисунки в Каповой пещере А.В. Роминым, позднее исследовавшиеся О.Н. Бадером¹⁴.

Все пещерные палеолитические стоянки дают картину очень бедных временных убежищ охотников. Наиболее богатой из них является пещера Смеловская II, где найдено при раскопках 53 изделия из камня, II из них О.Н. Бадер относит к мезолиту, а 23 отщепа, 6 пластин и 2 маловыразительных нуклеуса - к палеолиту¹⁵.

В последние годы ряд палеолитических местонахождений был обнаружен нами в пещерах Сабакай III и Козырбаковская.

Козырбаковская пещера расположена на правом берегу р. Дрюзан, у г. Малоязь¹⁶. Небольшой шурф, заложенный у входа, показал, что культурные остатки

Р и с. I. Основные типы инвентаря стоянки Айдос I на Южном Урале

располагаются на глубине 125–130 см в слое щебня, насыщенном костями ящериц, змей и крупных млекопитающих плейстоценового возраста. В слое обнаружены два концевых скребка¹⁷ и костяное орудие¹⁸. Слой с культурными остатками перекрыт метровым слоем щебня с песком. Вверху щебня (до 50 см) кости грызунов, на глубине 1 м в слое, перекрывающем культурные остатки, найдены кости полевок вида *Hintoni**, распространенных в раннем плейстоцене, но здесь, видимо, доживающих и до позднего плейстоцена, ибо скребки и костяное орудие скорее всего относятся к позднему палеолиту, чем к раннему. В низах перекрывающего культурный слой щебня встречаются также остатки змей и ящериц, но в меньшей концентрации, чем в слое с находками палеолитических изделий.

К концу палеолита относятся находки из пещеры Сабакай III, в низовьях Дрюзани. Здесь нами обследовано восемь пещер, в пяти из них обнаружен культурный слой. В пещере Сабакай III заложен раскоп площадью 8 м². В нижнем слое, насыщенном угольками и золой, на глубине 2,7 м найдены скребок позднепалеолитического типа¹⁹ и несколько отщепов. Слой с палеолитическими находками отделен от слоя с неолитическими находками метровой толщей стерильного щебня.

К финалу палеолита, видимо, следует отнести стоянку Ильмурзино I. Стоянка расположена на высокой второй террасе старицы р. Белой. Находки нижнего слоя (условные горизонты 6–7) располагаются на глубине около 2–3 м в плейстоценовых суглинках и глинах. Сверху палеолитический слой перекрыт суглинками с двумя слоями мезолитического времени (Ильмурзино II, III). Инвентарь Ильмурзино I – мелкие дисковидные нуклеусы, угловые резцы, скребки, острия и проколки – имеет некоторое сходство с материалами стоянки Талицкого²⁰, но, вероятно, несколько древнее, ибо здесь присутствуют дисковидные нуклеусы и скребла мустьерского облика.

Наиболее острой проблемой палеолита Урала является проблема заселения и характера культуры палеолита и мезолита. В литературе давно утвердился взгляд, что Урал и Поволжье в плейстоцене и в начале голоцена были изолированы от Европы ледниковым щитом и трансгрессиями Каспия. Впервые это мнение высказал Жак де Морган, который писал: "Сибирь была с начала ледникового периода отрезана от Европы ледниками, покрывавшими **пикнорусские** степи, и Арало-Каспийским озером. Доступ в Западную Европу открылся вдруг после окончания ледникового периода. Тогда орды Сибири, гонимые холодом, пришли в движение в погоне за более удобной жизнью и наводнили последовательными вторжениями Европу, Иран Индию. Эти миграции с Востока на Запад начались очень давно, они продолжают почти до наших дней, посылая непрерывно все новые и новые волны. Вот в этих-то движениях заключается причина изменений, которые мы находим в последовательных западных индустриях, а также причина появления брахицефалов и арийских языков"²¹. О.Н. Бадер, разделяя мнение о водно-ледниковом барьере, считал, что граница культур не только в палеолите, но и в мезолите проходила не по Уралу, а по Волге²². Однако характер палеолитических памятников Урала не позволяет согласиться с предположением о господстве сибирских культур в палеолите и мезолите Урала.

Новейшие палеогеографические данные также противоречат гипотезе о водно-ледниковом барьере. По данным Величко²³, максимальным оледенением, которое

---

*Определение фауны сделано В.П. Суховым.

доходило до Волгоградской излучины, было окское, а не днепровское, датируемое ранним плейстоценом. Данных о заселении Сибири в раннем плейстоцене нет, и серьезно говорить о том, что ледник препятствовал переселению населения из Европы в Азию и наоборот, вряд ли можно. Трансгрессии Каспия также не могут быть решающим фактором, препятствующим миграциям или обуславливавшим их с востока (исключительно из Сибири, по мнению Ж.Моргана и О.Н. Бадера), ибо даже в самую крупную раннехвалынскую трансгрессию воды Каспия не выходили за пределы Общего Сырта, причем эта эпоха характеризовалась безледным режимом. Ледник тогда не выходил за пределы Прибалтики. В целом в валдайское время Каспий не выходил за пределы Прикаспийской низменности и потому не мог быть препятствием для миграций или обуславливать их. В период максимума похолодания (между 18 и 16 тыс. лет назад) уровень Каспия был ниже современного, позднее он достиг уровня мирового океана, но в X тысячелетии до н.э. он стал снова падать и к середине IX тысячелетия до н.э. был на 58 м ниже уровня мирового океана²⁴. Представляется, что мнение о роли водно-ледникового барьера в палеолите и мезолите явно преувеличено.

- ¹Талицкий М.В. Палеолитическая стоянка "Пещерный Лог" // КСИИМК. 1946. Вып. 12. С. 9-14.
- ²Денисов В.П. Доклад на секции палеолита, на Пленуме ИА АН СССР (1982).
- ³Матюшин Г.Н. Многослойное поселение Мысовое на оз. Карабалыкты // КСИА. 1973. Вып. 136. С. 67-76.
- ⁴Матюшин Г.Н. Мезолитические и неолитические комплексы поселения Мысового на Южном Урале // СА. 1973. № 4.
- ⁵Цейтлин С.М. К геологии палеолитической стоянки Урта-Тюбе (Мысовая) в восточной Башкирии // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 27-31.
- ⁶Шокуров А.П., Киктенко С.И. Стоянка Муллино 2. К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа, 1969. С. 127.
- ⁷Матюшин Г.Н. Энеолит Ю.Урала. М., 1982. С. 196-197.
- ⁸Матюшин Г.Н. Памятники каменного века на территории БашССР // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 22-24.
- ⁹Гладилин В.Н. Королево - опорный памятник раннего палеолита в Закарпатье // Археологические исследования на Украине в 1976-1977 гг. Ужгород, 1978.
- ¹⁰Ранов В.А. Палеолит переднеазиатских нагорий // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л., 1978.
- ¹¹Бибииков С.Н. Пещерные палеолитические местонахождения в нагорной полосе Южного Урала // СА. 1960. № 13. С. 95-138.
- ¹²Сальников К.В. Южно-Уральская археологическая экспедиция // КСИИМК. 1952. Вып. X. С. 15-23.
- ¹³Бадер О.Н. Смеловская II палеолитическая стоянка в степях Южного Урала // МИА. 1971. № 173. С. 200-209.
- ¹⁴Бадер О.Н. Каповая пещера. М., 1965.
- ¹⁵Бадер О.Н. Смеловская II пещера ...
- ¹⁶Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976. С. 94.
- ¹⁷Там же. Рис. 20, 1, 2.
- ¹⁸Там же. Рис. 20, 3.

- ¹⁹ Там же. Рис. 20, 7.
- ²⁰ Там же. Табл. 4.
- ²¹ Морган Ж. де. Доисторическое человечество. М., 1926. С. 75-76.
- ²² Бадер О. Н. К истории Урала и Волго-Камья в эпоху древнего и среднего каменного века // Из истории Урала. Свердловск, 1960.
- ²³ Величко А. А. Вопросы палеогеографии и хронологии раннего и среднего плейстоцена // Возраст и распространение максимального оледенения Восточной Европы. М., 1980. С. 189-205.
- ²⁴ Варушенко А. Н., Варушенко С. И., Клиге Р. К. Изменение уровня Каспийского моря в позднем плейстоцене - голоцене // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 79-89.

М. В. Аникович

ЮЖНАЯ И ЮГО-ЗАПАДНАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЛАСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

Среди обобщающих понятий, складывающихся в первобытной археологии в ходе сравнительного анализа разных памятников, наиболее популярным является, бесспорно, "археологическая культура" (АК), являющаяся, по мнению большинства исследователей, "основополагающим, фундаментальным понятием археологической науки"¹. Столь же бесспорно, что АК не в состоянии исчерпать всего многообразия в разной степени сходных явлений, фиксирующихся в процессе сравнения памятников друг с другом. Единства взглядов на иные понятия среди археологов нет. Однако подавляющее большинство археологов, пытающихся так или иначе (чаще всего в ходе практического анализа памятников более или менее обширного региона) установить иные обобщающие понятия и соотнести их с понятием "археологическая культура", рассматривают их как прямо соподчиненные друг с другом по иерархическому принципу. Так, например, В. Н. Гладилин при анализе мустерских памятников Восточной Европы пользуется тремя иерархически соподчиненными дефинициями, основанными на представлениях исследователя о большем или меньшем значении определенных технико-типологических признаков: вариант-фашиа-тип (от более общих к более частным показателям)². А. А. Кротова при рассмотрении позднепалеолитических памятников юго-востока Украины устанавливает целых пять иерархически соподчиненных дефиниций: тип памятника - культура, локальный вариант культуры - культурно-территориальный или культурно-исторический район-культурно-историческая область-зона (от более частных к более общим). При установлении иерархии определяющую роль здесь играют пространственные границы рассматриваемых явлений³.

Я считаю более правильным иной подход, исходящий из того, что ряд обобщающих археологических понятий по самой своей природе не может находиться друг с другом в иерархическом соподчинении. В палеолитоведении эту мысль, насколько мне известно, впервые высказал Г. П. Григорьев, который вот уже много лет на неоднократно возобновляемый вопрос об иерархическом соотношении понятий "путь развития" и "археологическая культура", снова и снова отвечает, что сама постановка вопроса неправомерна: поскольку эти понятия базируются на разных основах, ни о какой их иерархической связи друг с другом не может идти речи. Данное положение я считаю принципиально важным, поскольку оно связано с одной из наиболее существенных сторон археологических источников: то, что

в этих источниках, в единстве и статичности вещных форм скрыто отражены самые разные стороны человеческой деятельности, человеческого бытия. Один и тот же предмет одновременно может являться и свидетельством определенного уровня развития производительных сил, выраженного в технологии его изготовления и в соответствии его формы назначению, и одним из знаков, призванных отделять коллектив, где он был изготовлен, от соседних коллективов, и информатором о функции того участка поселения, где он был обнаружен, и свидетельством о развитии эстетических представлений, идеологии данного коллектива и т.д., и т.п. Задача археологии – разделить в системе понятий то, что в самих археологических источниках выступает в неразрывном единстве и, таким образом, перейти к изучению общественных отношений, скрытых за отношениями вещей. Поэтому нет и не может быть "единственно правильного" пути к обобщению исходных данных: в зависимости от поставленной цели данные эти могут обобщаться разными способами, а возникающие при этом понятия вовсе не обязательно должны образовывать нечто вроде "русской матрешки", когда понятия более широкие по объему последовательно охватывают ряд более узких понятий. Действительные связи между обобщающими понятиями археологии должны быть гораздо более сложными, нежели простое иерархическое соподчинение.

В современном палеолитоведении на практике складываются три типа дефиниций, не находящиеся друг с другом в иерархической связи. При этом один из этих типов представлен только одной дефиницией, а два других включают по крайней мере по три дефиниции, связанные между собой иерархически.

1. Археологическая культура (АК) отражает систему традиций, выработанных в определенных социальных группировках под влиянием определенных исторических условий, нашедшую свое материальное выражение в тех результатах человеческой деятельности, которые смогли стать археологическими источниками, и раскрываемую посредством анализа этих источников. В современном палеолитоведении АК раскрываются в первую очередь через традиции формообразования, выраженные в типологических понятиях. Иерархически соподчиненные дефиниции: локальный вариант АК и хронологический этап АК выражают собой развитие АК во времени и ее вариабельность в пространстве. Оба они занимают более "низкое" иерархическое положение по отношению к понятию АК, но друг с другом иерархически не соподчинены (нельзя сказать, что локальный вариант – более широкое понятие по отношению к хронологическому этапу; столь же неправомерно и обратное утверждение).

Как показывает археологическая практика, в палеолите культурные традиции отличались очень большой консервативностью; АК существовали на протяжении тысячелетий, и за это время памятники, принадлежащие одной АК, могли распространяться на сотни и тысячи километров. Поэтому неправомерно говорить о палеолитических АК как о "локальных культурах" с более или менее четкими границами.

2. Путь развития (ПР) отражают конвергентно возникающие, довольно устойчивые связи между определенными техническими приемами и сочетанием ряда общих форм орудий. Это понятие было введено в науку Г.П. Григорьевым, который характеризует его следующим образом: "Пути развития выделяются на основе устойчивого сочетания категорий инвентаря и субкатегорий. Пути развития не отражают местного своеобразия того или иного подразделения ойкумены. Они отражают общие тенденции развития каменных орудий мустьерской эпохи... Многочисленные категории... распределяются довольно правильно, образуя устойчивые (как скребло и остроконечник) сочетания (сопряженные группы)... Все пути развития примерно одновременны, поскольку по длительности они почти равны всей мустьерс-

кой эпохе. Пути развития экстерриториальны⁴. Григорьев связывает пути развития только с мустьерской эпохой. Я полагаю, что данное понятие вполне пригодно и для характеристики таких явлений, давно зафиксированных в археологии позднего палеолита, как "ориньякоидность", "селетоидность", "граветтоидность". Во всяком случае сейчас достаточно ясно, что этим явлениям невозможно дать ни стадияльное, ни культурно-генетическое объяснение.

3. Историко-культурная область (ИКО) по своей сущности тождественна соответствующему этнографическому понятию: "историко-этнографические, или историко-культурные области - часть ойкумены, у населения которой в силу общности социально-экономического развития длительных связей и взаимного влияния складываются сходные культурно-бытовые (этнографические) особенности. Наиболее ясно особенности эти выступают обычно в материальной культуре - жилище, средства передвижения, пища и утвари, одежде, обуви, головных уборах и т.п., - но охватывают также некоторые явления из области духовной культуры, в той или иной степени связанные с хозяйством и бытом".⁵ Разница между "археологическими" ИКО и "этнографическими" ИЭО (ИКО) состоит в том, что в силу ограниченности археологических источников, "археологические" ИКО всегда будут беднее "этнографических" по своему конкретному содержанию. При фиксации таких различий можно договориться о том, что для характеристики одних и тех же явлений по археологическим данным предпочтительнее употреблять термин "историко-культурная область" (ИКО), а по этнографическим - "историко-этнографическая область" (ИЭО).

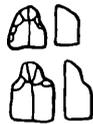
Чем конкретно могут выражаться черты культурного сходства в пределах "археологических" ИКО? В области анализа каменных изделий к ним относятся прежде всего такие характеристики, которые, будучи обязательными при полном и всестороннем описании АК, не выражают собой их конкретную специфику: общие особенности техники первичного раскалывания, предпочтение одних приемов вторичной обработки другим, включая отсутствие какого-либо приема, распространенного на соседних территориях, сочетание одних технико-морфологических групп (ТМГ) орудий при постоянном отсутствии других. Иногда в признаки, определяющие ИКО, включаются и такие, которые, рассмотренные в иной связи, активно участвуют в определении конкретных АК. ИКО - не "чисто типологическое" понятие; оно призвано отражать такие сходные стороны человеческой деятельности, которые лишь частично проявляются в технико-типологических показателях. Поэтому для выделения ИКО археологи вправе привлекать и сходство в составе охотничьей добычи, характере жилищ, структурной организации поселений, признаках, свидетельствующих о продолжительности их существования, и т.д. При сравнении ИКО и АК мы видим, что в основе их выделения лежат качественно различные показатели, лишь частично связанные друг с другом. В отличие от АК, ИКО обязательно локальны: бессмысленно говорить о выделении ИКО, не очертив, хотя бы приблизительно, ее пространственные границы. Хотя ИКО определяются показателями, взятыми в конкретных АК конкретной территории, сами эти АК по отдельности могут выходить и выходят далеко за пределы данной ИКО и там, за ее пределами, могут участвовать (но уже по иным показателям) в формировании иных ИКО. Сходным образом в этнографии соотносятся "историко-этнографические области" и "этнические общности"⁶.

Вместе с тем, как и в этнографии, в археологии с ИКО иерархически соподчиняются два понятия, стоящие последовательно на двух более высоких ступенях: "историко-культурный регион" (ИКР)⁷ и "историко-культурная зона" (ИКЗ)⁸.

Рассмотрим два конкретных ИКО, входящие в восточноевропейский историко-культурный регион европейской приледниковой историко-культурной зоны эпохи позднего палеолита.

На Юго-Западе Русской равнины, охватывающем Волыно-Подольскую возвышенность и среднее течение Днестра и Прута, в настоящее время известно большое количество позднепалеолитических стоянок и выделен ряд археологических культур (бронзенская, гордишештская, молодовская, днестровская, липская), в том числе и резко отличные друг от друга по своему археологическому облику (культуры с ярко выраженным набором мустьерских орудий, с развитой техникой двусторонней обработки и пластинчатые "граветтоидные" культуры). Вместе с тем все или по крайней мере абсолютно подавляющее большинство разновременных и разнокультурных индустрий Юго-Запада обнаруживают совокупность общих признаков, отличающих этот регион от позднего палеолита соседних территорий. Эти признаки следующие: 1. Почти во всех позднепалеолитических памятниках Юго-Запада основным объектом охоты являлись лошадь и северный олень, т.е. в разных АК региона направление охотничьей деятельности было единым⁹. Отмечается и общее направление в изменении состава охотничьей добычи: примерно с первой половины позднего валдая лошадь в составе фауны все более уступает место северному оленю¹⁰. 2. Во всех АК региона можно предполагать значительную роль собирательства, что доказывается присутствием на памятниках большого количества пестов-терочников. Подобные орудия есть, конечно, и на отдельных стоянках других регионов (например, в Костенках IV, I слой), но нигде, кроме памятников Юго-Запада, их присутствие не было столь массовым и столь всеобщим, не зависящим ни от культурных, ни от хронологических различий. 3. Во всех культурах региона, хотя и в неодинаковой степени, фиксируется пластинчатая направленность техники первичного раскалывания. Пластины, снятые с призматических ядрищ, имеются даже в тех индустриях, где большинство орудий выполнено на отщепах, леваллуазских сколах или осколках (бронзенская АК). 4. Микроорудия присутствуют практически во всех индустриях региона, в разных АК их процент заметно различен, но нигде они численно не преобладают над другими группами орудий. 5. Техника резцового скола прослеживается во всех индустриях, но значимость ее в разных АК очень различна. 6. Наблюдается своеобразное явление, которое я называю "миграцией типов". Ярко выраженные типы орудий - двусторонне обработанные наконечники с округлым основанием, высокие скребки с суженным или выделенным лезвием, острия климауцкого типа^{II}, ножи молодовского типа (с дугообразно скошенным обушком), ножи с подтеской, двуконечные острия бабинского типа, своеобразные костяные ножи с пазом для крупных вкладышей - встречаются здесь не только в "своем" культурном контексте, но и в памятниках иных АК (рис. I). Разумеется, в разнокультурных индустриях эти типы включаются в разные системы связей, сочетаются с разными наборами других групп орудий, по-разному выражены в количественном отношении и т.д., иначе не было бы возможности говорить о разнокультурности индустрий, включающих эти общие типы.

Судя по характеру позднепалеолитических индустрий Румынской Молдовы, Юго-Западная ИКО распространяется, по-видимому, и на западную сторону р.Прут, ограничиваясь с запада и северо-запада Карпатами. Труднее провести границу Юго-Западной ИКО на северо-востоке; во всяком случае характеристика позднего палеолита бассейна Днестра и Десны уже иная: здесь с начала позднего валдая распространяются специфические культуры охотников на мамонтов. По-видимому, Куличивка расположена на самой границе Юго-Западной ИКО; Радомышльская стоянка уже

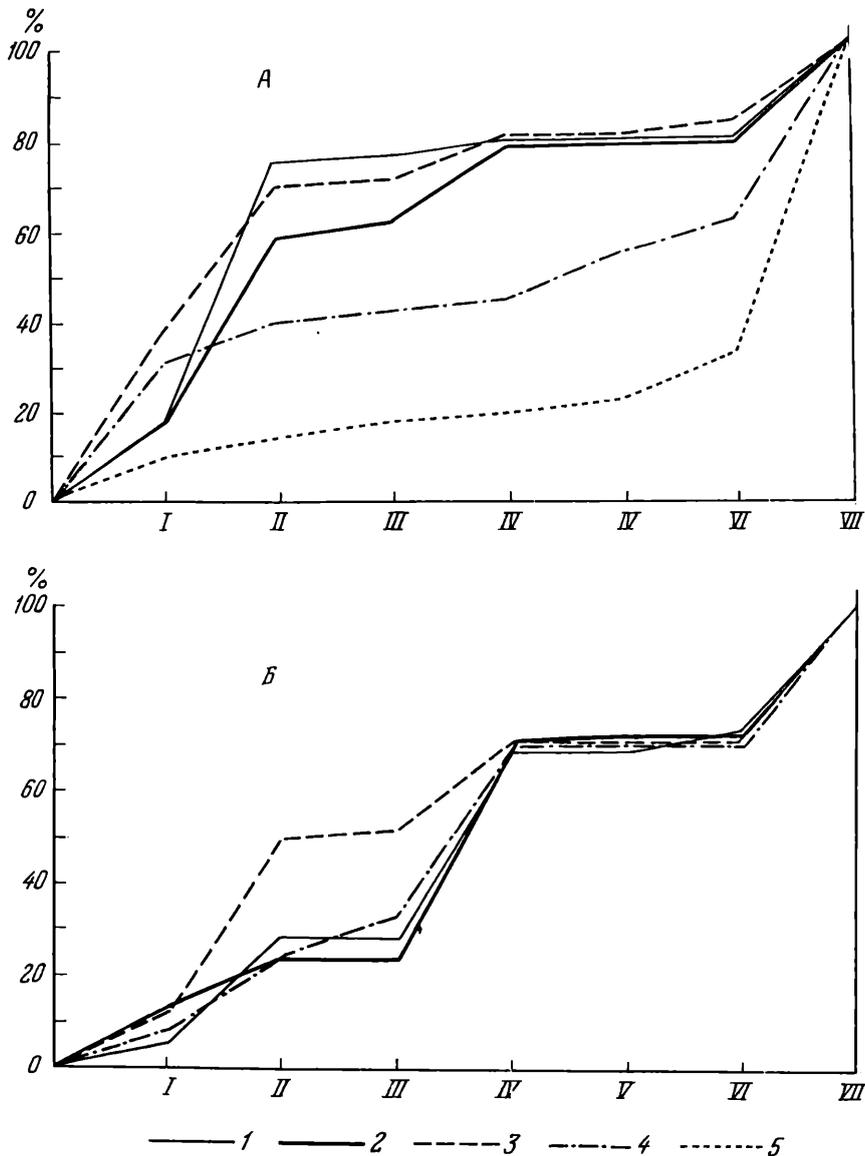
Разнокультурные стоянки юго-запада Русской равнины							
							
Молодова 5, сл. X	+	+		+			
Молодова 5, сл. VI		+		+	+	+	+
Бабин I, н. сл.						+	
Бабин I, ср. сл.					+		
Вороновица I, II сл.	+						
Вороновица I, I сл.			+		+	+	
Чугулешты I						+	
Брынзены I, III сл.		+					
Бобулешты 6	+	+					
Гординешты	+	+					
Климауцы I		+	+				•
Корпач, IV сл.	+	•		+			
Корпач-Мыс	+						
Куличивка, II сл.	+	+					+
Куличивка, I сл.					+		
Липа I					+		
Липа 6, II а сл.							+
Червонный Камень					+		

←

выходит за ее пределы. К югу и юго-востоку граница Юго-Западной ИКО в целом совпадает с геоморфологической границей между юго-западным склоном Русской равнины и Причерноморской впадиной. В культурном отношении здесь проходит раздел между Юго-Западной и Южной ("степной") историко-культурными областями.

Южная ИКО, распространенная в Северном Причерноморье, - Приазовье - характеризуется чертами сходства, ярко проявляющимися на фоне рассмотренных выше характеристик Юго-Западной ИКО, и с другой стороны, - служащими "культурным фоном" для "проявления" последних. Эти черты сходства были отмечены еще П.И. Борисковским, который высказал на их основе гипотезу о существовании в данном районе особой культурно-хозяйственной зоны, характеризовавшейся особыми формами хозяйства, связанными с условиями окружающей степной среды (массовая облавная охота на диких быков), распространением недолговременных охотничьих стойбищ, своеобразием кремневого инвентаря¹². Эту гипотезу оспаривали М.Д. Гвоздовер¹³ и Г.В. Григорьева¹⁴, которые доказывали существование в данном регионе разных археологических культур. Аргументация их в основном была мимо цели, так как выделение археологических культур никак не может препятствовать иным способам группировки материала, рассматриваемого под иным углом зрения. В настоящее время большинство археологов, занимающихся данным районом, в той или иной форме поддерживают гипотезу П.И. Борисковского¹⁵.

Черты сходства, позволяющие рассматривать поздний палеолит Юга Русской равнины как особую ИКО, следующие: 1. Для всех индустрий здесь характерны небольшие размеры орудий и нуклеусов (в большинстве призматических), которые здесь часто переделывались в орудия. 2. Ограниченный список технических групп (ТГ) и технико-морфологических групп (ТМГ) орудий: до 70% всего набора орудий составляют скребки, резцы и ретушированные микропластинки; им обычно сопутствуют пластинки с усеченными концами и проколки; орудия иных ТМГ редки. 3. Высокий, а в большинстве случаев преобладающий процент микроорудий. Показательно, что признаки, объединяющие памятники Южной ИКО, при детальном сравнении с соответствующими характеристиками индустрий Юго-Запада разделяют эти две области. Так, о "микрولитизации" даже самых поздних верхнепалеолитических индустрий Юго-Запада можно говорить только в условном смысле (с течением времени размеры орудий несколько уменьшаются по сравнению с более ранними индустриями, где орудия длиной 15-20 см - обычное явление), тогда как южные индустрии содержат в большом количестве не только ретушированные микропластинки, но и миниатюрные скребки, резцы, проколки, а орудия крупных размеров там практически отсутствуют. На Юго-Западе список ТГ и ТМГ орудий в разных культурах различен и, как правило, разнообразен; резко различны здесь и процентные соотношения между разными ТГ и ТМГ. На Юге, напротив, список ТГ и ТМГ в разных индустриях очень близок и весьма ограничен, а процентные соотношения между разными ТМГ хотя и не тождественны, но отличаются далеко не так резко, как соответствующие показатели в разнокультурных индустриях Юго-Запада Русской равнины (рис. 2). Существенно и то, что на Юге не наблюдается межкультурной "миграции типов"; здесь, как правило, выделенные типы четко совпадают с археологическими культурами (например, каменнобалковские типы пластинок с притупленным краем, мураловские типы скребков и резцов). Таким образом, как и при

Р и с. 2. Процентное соотношение основных групп орудий (I - скребки; II - резцы; III - острия; IV - микропластинки с притупленным краем; V - двусторонние, листовидные; VI - мустьерские формы; VII - прочие) в разнокультурных индустриях Юго-Запада (А) и Юга (Б) Русской равнины

А: I - Молодова У, I культурный слой; 2 - Молодова У, VII культурный слой; 3 - Костешты I; 4 - Гордишты; 5 - Брынзены I, III культурный слой; Б: I - Амвросиевка; 2 - Мураловка; 3 - Каменная Балка; 4 - Большая Аккаржа

выделении археологических культур, признаки, объединяющие каждую из двух рассмотренных ИКО, одновременно выступают фоном, на котором проявляется специфика другой ИКО.

Помимо перечисленных технико-типологических характеристик, в признаки, определяющие Южную (степную) ИКО, бесспорно, следует включить преобладание в

составе фауны костей бизона, в ряде случаев не сопровождающихся никакими другими фаунистическими остатками. Что же касается характера поселений, то здесь требуются уточнения, так как их характер в данном регионе, по-видимому, определяется их сезонностью, что, в свою очередь, было связано с характером охоты¹⁶.

О западной границе Южной ИКО сказано выше. Северная ее граница определяется труднее. В Южном Побужье к данной ИКО по своим характеристикам относятся Анетовские стоянки и противоречат материалы многослойной стоянки Владимировка. Стоянки, расположенные в порожистой части Днепра (Осоковровка, Дубовая Балка, Кайстрова Балка и пр.), по-видимому, относятся к Южной ИКО, а более северные – к иной ИКО, объединяющей культуры охотников на мамонтов. Далее граница условно проводится по Северскому Донцу. Поздний палеолит Прикубанья, непосредственно связанный с проблемами кавказского палеолитоведения, представляет собой, по-видимому, особое культурное явление. Не отвечают понятию "Южная ИКО" и позднепалеолитические памятники Крыма.

Обозначенные границы кратко охарактеризованных двух позднепалеолитических ИКО, конечно, не абсолютны. Следует помнить, что любые закономерности, открытые в археологическом материале, как и любые исторические закономерности, не есть лишены исключений физические, химические или математические законы. Здесь отклонения в ту или иную сторону не только возможны, но и неизбежны. Так, например, несомненные генетические связи, может быть на уровне принадлежности одной АК, прослеживаются между индустриями стоянки Климауцы (Юго-Западная ИКО) и Зеленый Хутор (Южная ИКО). Но здесь мы имеем дело с тем случаем, когда, невзирая на культурно-генетические связи, материалы этих стоянок, учитывая изменения индустрии Зеленого Хутора по отношению к Климауцам, в принципе не противоречат отнесению их к разным ИКО. Подлинными исключениями, не вписывающимися в совокупность признаков, определяющих Южную и Юго-Западную ИКО, являются открытая недавно И.А. Борзляком у того же с. Климауцы новая стоянка с жилищами из костей мамонта, свидетельствующая, по-видимому, о проникновении на Средней Днестр с севера или северо-запада какой-то отдельной группы охотников на мамонтов, составлявших во второй половине позднего палеолита в Днепро-Донецком регионе особую ИКО. На территории Южной ИКО подобным же исключением, не вписывающимся в систему признаков данной ИКО, является исследуемая А.Е. Матюхиным стоянка Бирчий Лог, относящаяся по своим технико-типологическим характеристикам к среднему этапу костенковско-стрелецкой АК. Впрочем, эта стоянка, равно как и давно известная пещера Ильинка, возможно, свидетельствуют лишь о том, что данная ИКО сформировалась только во второй половине позднего палеолита, в поздневаддайское время; в предшествующий же период, данные о котором для Юга Русской равнины практически отсутствуют, культуры, существовавшие в данном районе, отличались иными особенностями.

Поиски путей к интерпретации Юго-Западной и Южной ИКО определяются характером признаков, объединяющих каждую из них, а также некоторыми дополнительными характеристиками распространенных здесь АК. Так, для интерпретации Юго-Западной ИКО важно то, что для входящих в нее АК фиксируется длительное автохтонное развитие. Существенна при этом значительная вариабельность набора и процентного соотношения разных ТГ и ТМГ в разнокультурных индустриях, – при межкультурной "миграции типов". Это позволяет предположить, что в сложении Юго-Западной ИКО главную роль играл факт длительного сосуществования автохтонного развития разных коллективов на одной территории, межкультурные контакты, приведшие к известной нивелировке образа жизни, традиций по обработке кремня.

Для интерпретации Южной ИКО важно отметить не местное, а пришлое происхождение разных АК (каменнобалковской с Кавказа, мураловской, по-видимому, из Центральной Европы), а также известное сходство разнокультурных индустрий по процентному соотношению основных ТГ и ТМГ при культурной "замкнутости" наиболее выразительных типов. Это позволяет предположить, что в сложении Южной ИКО большую роль играл хозяйственный уклад, нивелировавший разные культурные традиции в одном направлении, каждая из которых вместе с тем в другом отношении осталась "замкнутой". Это подтверждает гипотезу П.И. Борисковского о существовании в южнорусских степях в эпоху позднего палеолита особой хозяйственной зоны. В данном случае можно говорить о совпадении историко-культурной области с хозяйственно-культурным типом.

- ¹Захарук Ю.Н. Об одной концепции археологической культуры // Первобытная археология. Поиски и находки. Киев, 1980. С. 256.
- ²Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1989. С.30.
- ³Кротова А.А., Зализняк Л.Л., Неприна В.И. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986. С.65.
- ⁴Григорьев Г.П. Эпохи палеолита как показатель // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л., 1988. С. 14-15.
- ⁵Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. М., 1985. С.222.
- ⁶Там же. С. 229-233.
- ⁷Рогачев А.Н. Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969. С.191.
- ⁸Замятнин С.Н. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнее расселение человечества: ТИЭ АН СССР. Н.с. М., 1951. Т.16.
- ⁹Исключения составляют стоянка Куличивка, расположенная на северной границе Юго-Западной ИКО, и недавно открытая И.А. Борзьяком стоянка Климауцы 2; в этих памятниках преобладающим видом фауны является мамонт.
- ¹⁰Черныш А.П. Поздний палеолит Среднего Приднестровья // ТИИЧП. М., 1959. Вып. XV. С. 171.
- ¹¹Борзьяк И.А. Верхнепалеолитическая стоянка Климауцы I на Среднем Днестре // АИМ (1974 - 1976 гг.). Кишинев, 1978. С. 20.
- ¹²Борисковский П.И., Праслов Н.Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья // САИ. М.; Л., 1964. А1-5. С. 13.
- ¹³Гвоздовер М.Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // ВА. М., 1967. С. 27.
- ¹⁴Григорьева Г.В. Позднепалеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Л., 1968.
- ¹⁵Смирнов С.В. Позднепалеолитические памятники Надпорожья и их место среди памятников степной полосы Европейской части СССР // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977. С. 153-157; Рогачев А.Н., Анико-вич М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. Археология СССР. М., 1984. Т. 1. С. 205; Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев. 1986. С. 71-72; Сапожников И.В. Поздний палеолит степей Нижнего Приднестровья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 14.
- ¹⁶Сапожников И.В. Поздний палеолит. ... С. 13,14.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА СТЕПНОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ОБЛАСТИ

Одним из основных положений историографии палеолитоведения Русской равнины является концепция "особого типа культуры позднепалеолитических охотников на зубров", разработанная П.П. Ефименко. По мнению ученого, этот тип культуры возник в степях Северного Причерноморья на определенном этапе позднего палеолита в результате продвижения южных племен с Кавказа на основании общего специализированного хозяйства - охоты на зубров¹. П.И. Борисковский расширил круг памятников этого типа и объединил их в степную область развития позднепалеолитической культуры². Позже он предложил рассматривать поздний палеолит Северного Причерноморья и Приазовья в рамках степной природно-хозяйственной и историко-культурной области. П.И. Борисковский считает, что особенности хозяйственного уклада в этой области (зоне) определялись общими культурно-бытовыми (этнографическими) чертами различных археологических культур³. В настоящее время культурно-историческая специфика археологических культур и отдельных памятников степной области признается большинством исследователей⁴. В то же время вопросы реконструкции хозяйства во многом спорны и требуют дальнейшего изучения.

Как считают П.П. Ефименко и П.И. Борисковский, особенности хозяйства населения южнорусских степей в позднем палеолите определялись двумя факторами - сезонным характером стоянок и специализацией охоты на зубров. Вывод о сезонности был сделан П.П. Ефименко на основании анализа культурных слоев Амвросиевки и Большой Аккаржи, где остатки жизнедеятельности залегали рассеянно, отсутствовали следы жилых сооружений, очагов и кострищ, не прослеживался "пол" жилого пространства. П.И. Борисковский считает сезонными и Каменные Балки I и II, хотя и отмечает наличие очагов на второй из них. Находки на Амвросиевке и Большой Аккарже остатков одного вида животных - зубра и его преобладание на Каменных Балках свидетельствуют о специализированной охоте на этих животных⁵. Против такой интерпретации степных памятников выступили М.Д. Гвоздовер и Г.В. Григорьева, которые считают, что наличие очагов и, возможно, остатков жилищ на Каменных Балках, Мураловке и Сагайдаке I противоречит выводу об их сезонности. Присутствие в фауне этих памятников других видов животных, в свою очередь ставит под сомнение тезис об охотничьей специализации⁶. С.В. Смирнов допускает сохранение понятия степной области как зоны хозяйственных отличий, вызванных специализацией охоты на зубров, но не считает степные стоянки сезонными⁷. Итак, возражения оппонентов П.П. Ефименко и П.И. Борисковского сводятся к объяснению присутствия на ряде памятников степной области остатков жилищ и других более или менее долговременных сооружений, а также разнообразного состава их фауны.

Такое объяснение с точки зрения природной зональности сделано В.И. Бибиковой и Н.Г. Белан, которые подразделили единый позднепалеолитический терриоконекс Юго-Восточной Европы на локальные варианты и группировки. В рамках степного фаунистического варианта ими выделены две группировки - бизоно-рангиферная (надпорожская - Осокоровка, Кайстровые Балки) и бизонья (собственно степная - Сагайдак I, Амвросиевка, Большая Аккаржа). К степному варианту отнесены Каменные Балки и Мураловка, фауна которых, возможно, составляет еще одну группировку, свидетельствующую о некоторой облесенности этого района⁸.

Спорность предложенного районирования состоит в том, что фауна поселения не может отражать все своеобразие животного мира окружающей территории. Она должна рассматриваться "с учетом возраста стоянок, специфики охоты, промыслового или непромыслового характера животных, способности к миграциям, стадного или нестадного образа их жизни, сезона массовой охоты, сезонности и долговременности поселения и т.д."⁹. В таблице автором сделана попытка сравнения с учетом указанных факторов состава промысловой фауны степных памятников, публикации которых достаточно информативны для этой цели¹⁰.

Анализ материалов позволяет сделать следующие выводы. По характеру состава фауны, а также по наличию или отсутствию более или менее долговременных сооружений поселения подразделяются на две группы. К первой относятся Амвросиевка, Большая Аккаржа и Золотовка I, в которых представлен только бизон, сходен характер культурных слоев и не отмечены следы долговременных жилищ и других конструкций. Ко второй группе относятся Сагайдак I, Мураловка и Каменная Балка II, где бизон преобладает, но есть и другие виды животных. В Сагайдаке I обнаружены очаги, зольные пятна, хозяйственно-бытовые комплексы; в Мураловке – очаги, вымостка из камней, зольное скопление, остатки жилого комплекса; в Каменной Балке II – очаги, остатки строительных конструкций, возможно, жилища. При интерпретации Анетовки II настораживает, что следы жилищ и очаги не выявлены, хотя зафиксирована сложная планиграфия поселения¹¹. Кости бизона составляют на стоянке 97,5%, а остатки северного оленя представлены рогами, использовавшимися для изготовления наконечников копий¹², что сближает Анетовку II со стоянками первой группы. Отметим, что поселения обоих выделенных типов относятся к двум климатическим фазам позднего плейстоцена – максимуму вюрмского (валдайского) оледенения и позднеледниковью (см. табл. I).

По мнению автора, различия между стоянками с моно- и поливидовой фауной, отмеченные М.Д. Гвоздовер и Г.В. Григорьевой, необходимо объяснять не особенностями природной среды разных районов степной зоны и степенью сохранности их культурных слоев, а исходя из сезонности массовой охоты на различные виды животных и длительности функционирования поселений¹³. Как известно, бизоны совершали сезонные миграции на значительные расстояния, но в теплое время года бизоны и зубры привязаны к степным ландшафтам¹⁴. Поэтому массовая круглогодичная охота на бизонов на одном месте невозможна. На основании половозрастного анализа животных, убитых в Амвросиевке, И.Г. Пидопличко определил сезон охоты как май-июнь¹⁵. Сказанное подтверждает правоту П.П. Ефименко, который считал амвросиевское костяше местом неоднократной сезонной охоты¹⁶. При этом не исключается и точка зрения П.И. Борисковского о ритуальном характере костяша¹⁷, что хорошо иллюстрируется этнографическими и археологическими материалами мест загонной охоты на бизонов в Северной Америке¹⁸. Следовательно, стоянки первой группы следует считать сезонными (весенне-летними), а специализацию охоты на бизонов и других животных рассматривать только как сезонное явление¹⁹. В отличие от бизонов северные олени и лошади совершали сезонные миграции в обратном направлении – зимой на юг, летом на север²⁰. Доказано, что северные олени достигали зоны степей зимой²¹. По-видимому, то же относится и к лошадям. Значит, вторую группу поселений можно интерпретировать как более долговременные в течение годового хозяйственного цикла, возможно, как летне-зимние или осенне-зимние²².

Основными чертами, сближающими комплексы кремневых орудий стоянок степной зоны, как считают П.П. Ефименко и П.И. Борисковский, являются преобладание

Таблица

Соотношение возраста и состава фауны памятников степной области

Памятники	Даты	Состав фауны										Очаги, жилища и другие кон- струкции	
		Бизон*	Лошадь*	Сайгак*	Север- ный олень*	Благо- родный олень*	Носо- рог	Бурый мед- ведь	Баран	Заяц	Песец		
Сайгайдак I (нижний слой)	21240±200 (JE-1602)	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
Мураловка	19630±200 (JE-1601) 18730±300 (JE-1438)	+	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	+
Анетовка II	18040±150 (JE-2424)	+	+	+	+	+	-	-	-	+	+	+	-
Амвросиевка (костище)	20620±150 (JE-1805) 15250±150 (JE-1637)	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Золотовка I	17400±700 (ГИН-1968)	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Каменная	15350±550	+	+	-	+	-	-	-	+	+	+	+	+
Балка II (2 слой)	(ГИН-3472)	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Большая Аккаджа		+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

*Виды животных, для которых характерны сезонные миграции.

микроострий и микропластин с притупленным краем, а также бедность и невыразительность других типов изделий со вторичной обработкой²³. С.В. Смирнов допустил существование прямой взаимосвязи специализированной охоты на бизонов с преобладанием вкладышевого микроинвентаря на степных памятниках²⁴. Однако исследование, проведенное М.Д. Гвоздовер с целью установления зависимости процентного соотношения различных групп каменного инвентаря с охотничьей специализацией, показало, что охота на разные виды животных не вызвала потребности в специфических формах кремневых орудий²⁵. Большое содержание микроострий и микропластин с притупленным краем отмечено на ряде стоянок других районов²⁶. Более того, и в самой степной зоне известно значительное число памятников, в наборе орудий которых микроинвентарь не занимает ведущего места.

Есть все основания полагать, что различное процентное соотношение острий, микроострий и пластинок с притупленным краем, служивших в большинстве случаев для оснащения вооружения, с другими группами инвентаря связано не со специализацией охоты на определенные виды животных, а с разным функциональным назначением поселений. Так, памятники первой группы – Большую Аккаржу, Амвросиевку, Анетовку II и Золотовку I можно рассматривать как сезонные охотничьи лагеря, а амвросиевское костыше – как место неоднократного сезонного забоя и разделки бизонов (kill site). В комплексах изделий со вторичной обработкой этих памятников микроинвентарь преобладает и достигает 40–50%, исключая амвросиевскую стоянку, но этот факт легко объяснить тем, что места забоя и охотничьего лагеря в Большой Аккарже и Анетовке II совпадают или максимально приближены друг к другу, а в Амвросиевке удалены на 200 м. Исходя из обилия останков бизонов и значительного количества кремневых орудий, Большую Аккаржу, Амвросиевку и Анетовку II следует интерпретировать как многоразовые, а Золотовку I – как односезонный охотничьи лагеря. Поселения второй группы являются долговременными круглогодичными базовыми стойбищами – Каменная Балка II, Сагайдак I и Мураловка. Отметим высокое процентное содержание микроинвентаря в Мураловке – 44,2% и Сагайдаке I – 31,4%²⁷, но в этих случаях он представлен миниатюрными остриями с изогнутым профилем на скребковых чешуйках, которые использовались в качестве микроскребков, скобелей, проколов и резчиков²⁸, т.е. не применялись для оснащения оружия. Особую группу памятников составляют стоянки-мастерские, на которых преобладают отходы кремнеобработки, а орудия встречаются крайне редко.

Таким образом, новые материалы по позднему палеолиту Северного Причерноморья и Приазовья с учетом того, что специализация охоты на бизонов и другие виды животных носила сезонный характер, подтверждают правильность выделения П.П. Ефименко и П.И. Борисовским особой степной природно-хозяйственной области и снимают несоответствия, которые были отмечены их оппонентами.

¹Ефименко П.П. Переднеазиатские элементы в памятниках позднего палеолита Северного Причерноморья // СА. 1960. № 4. С. 21–25.

²Борисовский П.И. Проблема развития позднепалеолитической культуры степной области: Докл. на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М. 1964.

³Борисовский П.И. Введение. Краткая история изучения палеолита. Обзор источников // Палеолит СССР. М., 1984. С. 11–12; Он же. Заключение. Проблемы палеолитических культур, хозяйства и социального строя // Там же. С. 349–350.

4. Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977. С. 57-58; Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984. С. 204-205, рис. 72; Бадер Н.О. Поздний палеолит Кавказа // Там же. С. 287; и др.
5. Ефименко П.П. Переднеазиатские элементы...; Борисковский П.И. Проблема развития... .
6. Гвоздовер М.Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // ВА. 1967. Вып. 27. С. 82-101; Григорьева Г.В. Позднепалеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1966. С. 15-16.
7. Смирнов С.В. Позднепалеолитические памятники Надпорожья и их место среди памятников степной полосы Европейской части СССР // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977. С. 149-157.
8. Бибикова В.И., Белан Н.Г. Локальные варианты и группировки позднепалеолитического териокомплекса Юго-Восточной Европы // БМОИП. 1979. Т. 84, вып. 3. С. 3-14.
9. Лазуков Г.И. Взаимодействие палеолитического человека и природы // Природа и древний человек. М., 1981. С. 212-213.
10. При составлении таблицы использованы следующие работы: Палеолит СССР. М. 1984. С. 356-357; Борисковский П.И. Проблема развития...; Праслов Н.Д., Филиппов А.К. Первая находка палеолитического искусства в южнорусских степях // КСИА. 1967. Вып. III. С. 24-30; Станко В.Н., Григорьева Г.В. Исследование памятников каменного века на р. Ингуле // Древности Поингулья. Киев, 1977. С. 37-51; Праслов Н.Д., Иванова М.А., Малысова Е.С. Золотовка I - поселение охотников на зубров на Нижнем Дону // БКИЧП. 1980. № 50. С. 168-175; Леонова Н.Б. Планиграфическое исследование утилизации охотничьей добычи на материалах верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // КСИА. 1985. Вып. 181. С. 12-17; Бибикова В.И., Старкин А.В. Териокомплекс позднепалеолитической стоянки Анетовка II // Корреляция отложений, событий и процессов антропогена. Тез. докл. VI Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Кишинев., 1986. С. 202-203.
11. Станко В.Н., Григорьева Г.В. Позднепалеолитическая стоянка Анетовка II // АО 1984 г. 1986. С. 310-311.
12. Бибикова В.И., Старкин А.В. Териокомплекс... С. 202-203; Смольянинова С.П. Палеолит и мезолит степного Побужья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1985. С. 7-8.
13. Сапожников И.В. К вопросу о хозяйстве позднепалеолитической степной области // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конференции молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986. С. 131-132; Он же. Поздний палеолит степей Нижнего Приднестровья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 13-14.
14. Баскин Л.М. Поведение копытных животных. М., 1976. С. 109-110; Он же. Экология и поведение зубра // Зубр. М., 1979. С. 442-470.
15. Лидопличко И.Г. Амвросиевская палеолитическая стоянка и ее особенности // КСИА АН УССР. 1953. Вып. 2. С. 66.
16. Ефименко П.П. Первобытное общество. Киев, 1953. С. 547-550.
17. Борисковский П.И. Палеолит Украины // МИА. 1953. № 40. С. 349-352.
18. Kehoe T.F. The Gull Lake site: A prehistoric Bison Drive site in Southwestern Saskatchewan // Milwaukee Public Museum, 1973. P. 174-187; Сапожников И.В. Еще раз об интерпретации амвросиевского костяка // Тез. докл. научно-практического семинара "Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе". Донецк, 1989. С. 72-73.
19. Сапожников И.В. Поздний палеолит ... С. 14; Он же. Степная модель адаптации и фактор культурной конвергенции // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: Тез. докл. советско-американского симпозиума. Л., 1989. С. 30.

- ²⁰Баскин Л.М. Поведение копытных... С. 42-43, 87-91.
- ²¹Лазуков Г.И. Взаимодействие... С. 212; Маркова А.К. Териофауна позднего валдая // Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. М., 1982. С. 110.
- ²²Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986. С. 72; Сапожников И.В. Проблемы палеоэкономики степной историко-культурной области в позднем палеолите // Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. Кемерово, 1987. Ч. I. С. 56-58; Он же. Степная модель... С. 30-31.
- ²³Ефименко П.П. Переднеазиатские элементы... С.23-24; Борисковский П.И. Критерии выделения позднепалеолитических историко-культурных областей (На примере степной зоны) // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита: Тез. докл. советско-американского симпозиума. Л., 1989. С. 24-27.
- ²⁴Смирнов С.В. Позднепалеолитические памятники... С. 155-157.
- ²⁵Гвоздовер М.Д. Специализация охоты и характер кремневого инвентаря верхнего палеолита // Первообытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. С. 48-52.
- ²⁶Артемова В.Д. Некоторые данные о микроинвентаре: (К вопросу о зонах развития в верхнем палеолите) // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М., 1985. С. 38-46.
- ²⁷Праслов Н.Д. Некоторые специфические формы изделий Мураловской стоянки // КСИА. 1972. Вып. 131. С. 70-77; Станко В.Н., Григорьева Г.В. Исследование... С. 43, 45-46.
- ²⁸Филиппов А.К. Трасологический анализ каменного и костяного инвентаря из верхнепалеолитической стоянки Мураловка // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. С. 167-170; Сапожникова Г.В. Изделия из чешуяк в позднем палеолите Северного Причерноморья // Проблеми Історії та археології давнього населення Української РСР. Київ, 1989. С. 200-201.

В.Я. Саргин

О СЕЗОНАХ ОБИТАНИЯ НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ

Существенным пробелом в изучении палеолитических поселений нашей страны является отсутствие определения сезонов их использования. Восполнение его важно не только для кратковременных поселений, но и для относительно долговременных. До середины 70-х годов соображения о многолетнем обитании людей на этих поселениях не детализировались в данном отношении. В дальнейшем такие попытки делались неоднократно.

По мнению К. Скленаджа, зимнее поселение - это предельно возможная степень оседлости в палеолите, и лишь в виде исключения теоретически можно допустить существование поселений, использовавшихся несколько лет¹. Другие исследователи полагают, что поселения, сходные с Межиричем, были обитаемы в течение многих лет, но только в холодное время². Еще раньше Р. Клейн также предполагал только зимнее использование среднднепровских и других относительно долговременных поселений, указывая на отсутствие на них остатков новорожденных или очень молодых животных как свидетельств летнего обитания людей. Это соображение он подкреплял ссылкой на редкость или полное отсутствие на поселениях остатков промысловых видов птиц и рыб. Однако в отличие от упомянутых авторов Р. Клейн не считает возможным определить диапазон "довольно продолжительного" обитания на поселениях: равнялся ли он нескольким неделям или месяцам одного года или таким же периодам, часто повторявшимся в течение ряда лет³.

В зарубежной литературе вопрос о сезонах обитания на поселениях успешно разрабатывается на основе детального расчленения возраста молодых животных (в основном оленя), остатки которых обнаруживаются на поселениях⁴. При наличии подобных материалов такой путь может быть основным и у нас. Однако по большей части период обитания людей на поселениях придется устанавливать, по-видимому, с помощью разнообразных признаков, которые удастся выявить в каждом отдельном случае.

Признаки сезонов обусловлены годичной динамикой географической среды, прежде всего климата. Поэтому и установление их по какому-либо поселению должно бы производиться, исходя из данных о характере климатических процессов, присутствующих в период существования поселения. Но климатические условия жизни палеолитических поселений в лучшем случае известны лишь по отдельным параметрам в максимальном и минимальном их выражении. Поэтому выявляемые по материалам поселений признаки сезонов пока невозможно соотнести с реальным (по реконструкции) климатом мест обитания.

В принципе допустимо основываться на современных климатических показателях мест поселений. Это сдвинет границы указаний на теплое и холодное время года в зависимости от меры расхождения древнего климата с современным, но не изменит основу заключений. Более приемлемо основываться на аналогиях древнего климата каких-либо мест обитания с современным климатом определенных областей. Это также даст возможность исходить из целостной динамики природных процессов, но, кроме того, позволит точнее оценивать параметры признаков. Естественно, климатические аналогии не могут быть полными, и предшествующее развитие природы современной области-аналога, иное ее географическое окружение, отличия в рельефе, обводненности и пр. вносят неточности в оценку признаков. Но поскольку климат области-аналога фактически является моделью древнего климата, в эту модель со временем могут быть внесены необходимые коррективы. Неизбежным недостатком использования климатической аналогии, будь то современный климат мест обитания древнего человека или климат области-аналога, является выпадение из рассмотрения отдельных сезонноиндикаторных признаков, например, отсутствие в современной фауне некоторых видов перелетных птиц, иных, чем в палеолите, ареалов обитания каких-либо животных и т.д.

В качестве примера кратко проанализируем вопрос о сезонах обитания на Межиричском поселении⁵. Оно датируется 15245 ± 1080 лет и 14320 ± 270 лет⁶. И если климат брянского интервала считается в целом сходным с современным климатом Центральной Якутии, то климат времени накопления лессов, с которыми связано это поселение, оценивается как более холодный и сухой, чем в брянское время, что сближает его с климатом равнинных частей северо-востока Якутии⁷. Характеристики последнего, а также современного климата Среднего Приднепровья взяты из справочников⁸.

Все признаки сезонов, выявляемые по материалам поселения, связаны с хозяйственно-бытовой деятельностью его обитателей. Однако в одних случаях лимитирующее воздействие тех или иных физико-географических факторов на деятельность людей сказывалось сравнительно прямо, а в других было опосредовано сезонными аспектами жизни животных. Признаки первого типа отражены в верхней части таблицы. Например, добыча разнообразного каменного и минерального сырья могла происходить в период, когда поверхность земли не была скована морозом и покрыта снегом. Если материал брали из речного ложа, то имел значение и уровень речных вод. Из подобных факторов для Межирича возможно было учесть

4. Зак. 1703

лишь промерзание грунта. Динамика промерзания и оттаивания грунта⁹ определяла и предельные сроки вкапывания черепов мамонта, отсыпки завалинок и выкапывания ям.

Таблица

Признаки	Месяцы											
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Переход среднесуточной температуры			У	Я					Я		У	
через 0°												
через -5°				Я					Я			
Наличие жилищ фундаментальной конструкции, утепление их входов	—————											
Наличие внутренних очагов с приочажными устройствами	—————											
Наличие ламп-светильников	—————											
Использование ям для хранения мяса	—————											
Заглубление черепов мамонта, отсыпка завалинок	- - - - -											
Добыча каменного и минерального сырья	- - - - -											
Размещение производства каменных и костяных изделий под открытым небом	- - - - -											
Использование внешних кострищ	- - - - -											
Выкапывание хозяйственных ям	- - - - -											
Наличие остатков орлана-белохвоста	- - - - -											
лебедя	- - - - -											
гусей	- - - - -											
утки	- - - - -											

Примечание. Сплошной горизонтальной линией обозначены календарные параметры признаков постоянных, штриховой - эпизодических действий людей (жирной линией - в проекции на климат Якутии, слабой - Среднего Поднепровья). Точками отмечено время смены маховых перьев у птиц, буквой Я - температурные параметры северо-восточной Якутии, У - центральной Украины.

Хранение мяса в ямах предполагалось возможным в первую половину года при отрицательной температуре на глубине 0,8 м, а во вторую - начиная с установления отрицательных температур в поверхностном слое земли. Использование внешних кострищ и обработка камня под открытым небом отнесены к теплому периоду с небольшими прямыкающими частями холодного: до переходов среднесуточной температуры через -5°. Ослабление морозов весной и усиление осенью в резко континентальном климате происходят быстро, вследствие чего к данным условным границам очень близки отрицательные температуры, при которых использование внешних участков в указанных целях чрезвычайно затрудняется или становится невозможным. Сопряженная с холодами необходимость переноса обработки камня и разведения огня в жилище лишь в некоторых случаях может фигурировать в качестве

признака обитания людей на поселениях в это время. То и другое в небольших масштабах мыслимо в жилищах и в теплое время. И лишь такие факты, как наличие специально устроенных очагов в жилищах Межирича или особая насыщенность культурного слоя в жилище Аносовка II¹⁰, правомерно рассматривать в качестве признаков холодного периода.

Конструкция жилища также может служить признаком теплого или холодного периода далеко не во всяком случае. Известно, например, что чумы использовали сибирскими народами круглый год, а по археологическим данным нельзя было бы установить, какое покрытие имело легкое жилище. Но наличие в Межириче фундаментальных жилищ с утепленными входами — несомненное свидетельство зимнего пребывания людей. Нет никаких оснований отрицать вероятность использования этих жилищ и в теплое время. Наличие в жилище I арки, широко раскрывающей вход, вероятно, говорит об обратном. Но в остальном общая конструкция межиричских жилищ в определении теплого периода нейтральна. Наличие светильников в Межириче учтено как признак зимнего периода, когда только, как представляется, и могла возникать в них необходимость. Очень условно период использования светильников ограничен моментами равноденствия.

Признаки второго типа связаны с наличием остатков мигрирующих птиц. Причем в данных по лебедю, гусю и утке из-за сложности видовых определений суммированы сведения по видам, наиболее распространенным в рассматриваемых областях¹¹. В Центральной Украине гуси и утки — гнездящиеся и пролетающие, лебеди — пролетающие. В прошлом и они, судя по общей ситуации, видимо, также здесь размножались. Орлан-белохвост присутствует в Среднем Поднепровье и Якутии более полугода¹².

По индикационному значению признаки можно разделить на две группы. К первой относятся те из них, которые связаны с определенными, часто повторяющимися или постоянными действиями людей в течение того или иного периода. Таковы в холодное время поддержание в надлежащем состоянии жилищ, использование внутренних очагов, светильников, ям для хранения мяса, в теплое — изготовление и использование под открытым небом каменных изделий и пользование внешними очагами и кострищами. Признаки второй группы связаны с эпизодическими действиями людей в определенный период, внутри которого их хронологическая привязка твердо не устанавливается. Поэтому удостоверяются как бы моменты пребывания людей на поселении в этот период, хотя в действительности их присутствие заведомо было более продолжительным, вплоть до длительности всего периода: например, выкапывание ям, занимавшее немного времени и происходившее теоретически в любой момент размороженного состояния грунта, или добыча нескольких гусей, моменты которой могли быть рассредоточены в течение всего периода их присутствия в районе поселения.

Если исходить из наиболее распространенной точки зрения об относительной долговременности памятников, подобных Межиричу, необходимо также иметь в виду, что признаки отражают не один год, а некоторое число лет. Это в какой-то мере ослабляет значение признаков, а при увеличении вероятной длительности бытования поселения может даже переводить некоторые признаки первой группы во вторую.

Анализируя свидетельства сезонов жизни на Межиричском поселении, отметим, что холодный период достаточно надежно документируется несколькими признаками постоянных действий. Теплый период продолжительностью около 4 месяцев подт-

верждается рядом признаков эпизодических действий. Причем едва ли данные признаки можно отнести лишь к какой-то небольшой части этого периода. Так, возобновление запасов каменного и минерального сырья требовалось, вероятно, по крайней мере сразу же после окончания холодного периода и перед наступлением новых холодов; выкапывание новых ям было целесообразно в конце теплого периода, а водоплавающие птицы скорее всего добыты в его середине, при смене у птиц маховых перьев. Имеются и два признака постоянных действий в теплый период. Поэтому непрерывное пребывание людей на поселении вполне вероятно и в теплый период.

Аналогичные данные, привести которые здесь нет возможности, получены нами и для ряда других, относительно долговременных поселений. И поскольку набор признаков в каждом случае несколько отличается, сведения дополняют друг друга, повышая вероятность круглогодичного использования относительно долговременных поселений.

- ¹Sklenář K. Nejstarší lidská obydlí v Československu. Praha, 1977. S. 14, 15, 144.
- ²Гладких М.И., Корниенко Н.Л., Соффер О. Жилища из костей мамонта на Русской равнине // В мире науки. 1985. № 1. С. 73.
- ³Klein R.G. Ice-age hunters of Ukraine. Chicago, L., 1974. S. 54, 55, 109.
- ⁴Spieß A.E. Reindeer and caribou hunters. An archaeological study. N.Y., 1979.
- ⁵Пидопличко И.Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев, 1976.
- ⁶Палеолит СССР. М., 1984. С. 357.
- ⁷Величко А.А., Морозова Т.Д. Изменения природной среды в позднем плейстоцене по данным изучения лессов, криогенных явлений, ископаемых почв и фауны // Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. М., 1982. С. 119, 120; Величко А.А., Грехова Л.В., Губонина З.П. Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М., 1977. С. 124.
- ⁸Климат СССР. Л., 1961. Вып. 5; Климат Якутска. Л., 1982; Климат Украины. Л., 1967; Климат Киева. Л., 1980.
- ⁹См.: Павлов А.В. Теплообмен почвы с атмосферой в северных и умеренных широтах территории СССР. Якутск, 1975. Прилож. 3.
- ¹⁰Рогачев А.Н. Об аносовско-мезинском типе жилищ на Русской равнине // КСИИ. 1962. Вып. 92. С. 14.
- ¹¹Птицы Советского Союза. М., 1952. Т. IV.
- ¹²Птицы Советского Союза. М., 1951. Т. I. С. 234.

А.А. Щепинский

МУСТЬЕРСКИЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМА И ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ
ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕАНДЕРТАЛЬСКОГО
ЧЕЛОВЕКА

Роль Крыма в изучении палеолита и в частности эпохи мустье Юго-Восточной Европы общеизвестна. Достаточно напомнить, что если в 1879 г., как об этом более 50 лет назад писал П.П. Ефименко, здесь был известен единственный для России мустьерский памятник, то сейчас по количеству и степени их изученности Крым по праву занимает одно из первых мест в нашей стране¹. Напомним: К.С.Ме-

режковский более 100 лет назад знал здесь только один пункт с находками мустьерского времени², Г.А. Бонч-Осмоловский в 1934 г. — шесть³, П.П. Ефименко в 1953 г. — восемь⁴, А.А. Формозов в 1959 г. — около двадцати⁵, Н.А. Береговая в 1960 г. — шестнадцать⁶, С.Н. Бибииков в 1971 г. — пятьдесят⁷, Е.А. Векилова в 1979 г. только беспспорных стоянок — двадцать две⁸, П.И. Борисковский в 1979 г.⁹ и В.Н. Гладилин в 1985 г.¹⁰ — более сорока. В настоящее время их количество возросло до 150, а с учетом многослойных стоянок до 180 и более.

Как известно, сведения о количестве и типах археологических памятников, их первоначальном хозяйственно-бытовом назначении и природном окружении особенно важную роль играют при реконструкции социально-экономического уклада первобытного общества. В СССР наиболее ярко это нашло свое отражение в работах С.Н. Бибицова и В.М. Массона¹¹. Настоящее сообщение посвящено дальнейшей разработке палеоэкономики конца раннего палеолита Крыма. В отношении мустьерских памятников этого региона прежде всего следует отметить три существенных момента.

Первое — они хорошо делятся на расположенные под естественными укрытиями (в гротах, скальных навесах) и под открытым небом, второе — их разнотипность (табл. 1) и третье — повсеместное географическое распространение (табл. 2). В отношении разнотипности мустьерских местонахождений существенно заключение В.П. Любина о том, что это, по всей вероятности, отражает различные аспекты хозяйственной и социальной деятельности мустьерского населения¹².

Таблица 1

№ ц/п	Типы памятников	Количество памятников		
		Полупещерные	Открытые	Всего
1	Долговременные (стационарные) поселения	24	3	27
2	Сезонные стоянки (стойбища)	13	26	39
3	Кратковременные охотничьи лагеря	17	52	69
4	Единичные мастерские	1	41	42
5	Кремневые мастерские	—	4	4
В с е г о		55	126	181

Насколько нам известно, в настоящее время общепринятой типологии мустьерских памятников пока что не существует. Наиболее же обоснованно этот вопрос нашел свое отражение в работах В.П. Любина¹³. Всесторонний анализ материалов более чем 180 разнообразных мустьерских памятников Крыма дает нам право предложить следующую их классификацию, основанную на социально-производственно-экономических показателях населения этого времени. С учетом этого при определении вида и первоначального назначения того или иного памятника прежде всего принимались во внимание следующие признаки: 1) местоположение памятника, 2) особенности окружающей природной обстановки, 3) занимаемая памятником площадь, 4) мощность и насыщенность культурного слоя, 5) характер инвентаря, 6) наличие очагов, кострищ, ям и т.д. В результате проделанной работы можно четко выделить пять основных типов памятников (см. табл. 1)

1. Поселения — долговременные (стационарные, базовые) места проживания сравнительно крупных охотничьих коллективов. О длительности существования по-

Таблица 2

№ п/п	Историко-географические районы Крыма	Терри- тория км ²	Типы памятников				Количество памятников			
			Посе- ления	Сто- янки	Лаге- ря	Едини- чные мес- тонахож- дения	Мас- тер- ские	В с е - Г о	% к общему количеству	На 100 км ² района
Равнинный Крым (20 310 км ²)										
1	Присивашско-прибрежный	2885	2	-	5	5	-	10	5,5	0,3
2	Тарханкутский увалистый	2400	-	-	-	-	-	-	-	-
3	Центральный равнинный	9930	-	-	5	1	-	6	3,3	0,06
4	Керченский холмистый	3000	-	-	-	2	-	2	1,1	0,07
5	Предгорно-равнинный Гор- ный Крым (5690 км ²)	2065	-	-	5	5	-	8	4,4	0,4
6	Горно-лесной	4260	27	37	36	19	4	123	68,0	3
7	Яйлинский	342	-	1	12	4	-	17	9,4	5
8	Южнобережный	1088	-	1	8	6	-	15	8,3	1
	Всего	26000	27	39	69	42	4	181	100,0	0,7

селений свидетельствуют значительные размеры их жилой площади (от 30 до 250 м², а в среднем около 150 м²), хорошо выраженные (мощностью от 0,2; 0,3 до 2 м) культурные слои с очагами, кострищами, разнообразными и многочисленными (от нескольких сот до десятков тысяч) каменными орудиями труда, отходами их производства (продукты обработки камня – осколки, нуклеусы, отщепы, чешуйки) и расколотыми костями животных. Иногда налицо попытки создания искусственных заслонов от непогоды. Судя по отдельным скоплениям археологического материала, очагам, и т.д., подобные "поселки" состояли из нескольких, очевидно, родственных охотничьих групп.

2. Стоянки (стойбища) – места остановок небольших сезонных охотничье-собираТЕЛЬСКИХ мустьЕРСКИХ "таборов". От поселений они отличаются непродолжительностью своего существования (очевидно, от нескольких недель до нескольких месяцев). Это находит свое отражение в малой жилой площади (в среднем 10–15 м²), маломощности (в среднем 5–10 см) и невыразительности культурного слоя с остатками кострищ, немногочисленными (до 10 находок на 1 м²) кремневыми орудиями, отходами их производства и костями животных, последних часто довольно много. Выделяются стоянки, расположенные на открытых местах, очевидно, кочевые, летние, а также полупещерного типа (весенние, осенние убежища от непогоды). В Крыму памятники этого рода известны только в горной части. Здесь они размещаются в местах, удобных для более или менее длительной жизни: у источников воды, под защитой скал, каменных глыб, крутых косогоров, близ охотничьих угодий и т.д.

3. Охотничьи лагеря – места остановок мелких охотничьих групп на срок от нескольких часов до нескольких дней. Характеризуются отсутствием культурного слоя, кострищ и т.д. В пределах лагерей, средняя площадь которых редко превышает 5–6 м², количество археологических находок обычно не превышает 10–15 наименований.

4. Единичные местонахождения – пункты обнаружения отдельных мустьЕРСКИХ кремней. Наряду с лагерями, очерчивая границы охотничьих угодий, они одновременно фиксируют излюбленные пути продвижения человека, его тропы, горные перевалы, места засад на животных и т.д.

5. Кремневые мастерские – особый вид памятников. В отличие от поселений, стоянок, лагерей и единичных местонахождений, отражающих охотничье-промысловую деятельность человека, мастерские связаны с производственно-технической деятельностью мустьЕРСКОГО общества. Памятники этого рода приурочены к кремневым месторождениям. Здесь среди многочисленных естественных кусков кремня нередко встречаются желваки со следами искусственных сколов, ядрища, краевые отщепы, а также обломки, заготовки и полуфабрикаты каменных орудий. Готовые изделия единичны. Не отмечаются и другие следы постоянной жизни – кострища, кости животных и т.д.

Картографирование перечисленных нижнепалеолитических объектов, изменяя сложившееся представление о том, что все мустье Крыма сосредоточено в районе внутренней горной гряды, показало, что зона распространения мустьЕРСКИХ памятников охватывает весь полуостров. Нельзя, однако, отрицать и тот факт, что между их типологическим размещением по историко-географическим районам¹⁴ и локальными природными условиями существует определенная связь (см. табл. 2).

Наиболее насыщенным оказался горный Крым (155 памятников), и в частности его горно-лесной район (123 памятника), в котором сосредоточены все поселения (27), подавляющая масса стоянок (37 из 39), более половины лагерей (36 из 69)

и все заготмастерские (4). Важно отметить, что разные типы хозяйственно-жилых мустьерских памятников (поселения, стоянки, лагеря) здесь нередко размещаются в непосредственной близости друг к другу, как бы "кустами" протяженностью до 0,5 км. Так, в Кобазинском кусте насчитывается 12 памятников, в Заскальненском — 10, в Старосельском — 7, в Шайтанкобинском и Ак-Кайском — по 5, в Сары-Кайском, Холоднобалкинском, Высокогорном и Трутолюбовском и др. — по 2. Если же учитывать многослойность местонахождений, то количество памятников в отдельных кустах возрастает более чем до двадцати.

Чем это вызвано, сейчас сказать трудно, но, несомненно, ведущую роль в этом сыграли природные условия. Совершенно очевидно, что в эпоху мустье, как и ныне район внутренней горной гряды (в частности, средние течения речных долин) по своим природным условиям (наличие гротов, скальных навесов, других укрытий от непогоды, многочисленных выходов пресной воды, полезных ископаемых, богатство фауны и флоры и т.д.) был наиболее благоприятен для жизни человека.

Следует отметить, что все так называемые "пещерные стоянки" Крыма к этому виду памятников могут быть отнесены очень условно. Пещерные палеолитические памятники, хорошо представленные во Франции, Испании, на Кавказе в СССР и т.д., как правило, приурочены к темным, длинным (от нескольких десятков до сотен метров) карстовым полостям коридорного типа. Крымские "пещерные стоянки", напротив, размещаются в неглубоких (до 5–6 м), широко открытых, светлых и хорошо обогреваемых солнцем скальных убежищах. К памятникам, расположенным в таких природных условиях, более приемлем термин "полупещерные стоянки"¹⁵. Полагаем, однако, что и они использовались палеолитическим человеком главным образом в непогоду и для ночлега. Днем же, даже в зимние, но тихие и солнечные дни, большую часть времени обитатели этих гротов и навесов проводили на площадках перед ними. С наступлением теплого времени года основная часть жителей подскальных поселений, очевидно, переселялась на расположенные поблизости открытые сезонные стоянки или переходила на подвижной охотничье-собираательный образ жизни с кратковременными лагерями.

Судя по местонахождению отдельных орудий, в горной части Крыма охотничьи тропы неандертальцев проходили не по долинам рек, а по водораздельным хребтам вдоль них с последующим выходом в бассейны соседних рек, на яйлинские плоскогорья, южный берег и т.д. На водоразделах в отличие от долин не такой густой лес, он легче проходим, таит в себе меньше опасностей, а главное, с них лучше обозревается окружающая местность.

Остальные историко-географические регионы Крыма посещались мустьерцами эпизодически. Здесь известны только их лагеря и находки отдельных предметов. Судя по занимаемой лагерями площади и количеству находок, их происхождение связано с дневными привалами, ночевками, изготовлением орудий, разделкой туш убитой дичи и т.д. Этой текущей хозяйственно-бытовой деятельностью, очевидно, объясняется и отсутствие закономерностей в расположении лагерей. Они встречаются в самом разнообразном природном окружении. Что же касается отдельных находок равнинного Крыма, Керченского полуострова, Присивашья и приморской полосы, то в отличие от горной части полуострова они приурочены к бортам неглубоких долин, балок и береговым обрывам. Здесь в небольших лесо-кустарниковых зарослях, камышах, обнажениях грунта было легче, чем на открытых местах, не только охотиться и найти питьевую воду, но и укрыться от непогоды и других опасностей.

Учитывая тип памятников, их количество и местоположение, а также характер собранного в них археологического материала и особенностей окружающей природной обстановки, полагаем, что равнинный Крым для неандертальцев являлся зоной летних угодий, яйлы - весенне-летне-осенних, южный берег - зимних. Что же касается горно-лесного и предгорно-равнинного историко-географических районов, то здесь охотничье-собираТЕЛЬская деятельность мустьерского населения носила круглогодичный характер.

Не имея возможности из-за ограниченного объема настоящей статьи останавливаться на других аспектах, вытекающих из обработки данных о многочисленных и самых разнообразных, порой казалось бы, самых незначительных, мустьерских памятниках Крыма, отметим необходимость самой тщательной фиксации и исторического анализа материалов не только крупных археологических объектов, но и отдельных находок. Массовость и разнотипность палеолитических памятников того или иного региона открывает перед исследователями не только новые возможности во всесторонней реконструкции первобытного общества и окружающей его природы, но и способствует раскрытию закономерностей многих экологических процессов.

- ¹ Ефименко П.П. Дородовое общество. М.; Л., 1934.
- ² Мережковский К.С. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму // Изв.РГО. 1880. Т.ХVI, № 2. С. 106; Мережковский К.С. Отчет об антропологической поездке в Крым. // Изв. РГО. 1881. Т. XVII, № 2. С. II.
- ³ Бонч-Осмоловский Г.А. Итоги изучения крымского палеолита // Труды II международной конференции АИЧЕ. М.; Л., 1934. Вып. У. С. 132-148.
- ⁴ Ефименко П.П. Первобытное общество. Киев, 1953. С. 190-204.
- ⁵ Формозов А.А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА. 1958. № 71. С.14.
- ⁶ Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР // МИА. 1960. № 81. С. 28-32.
- ⁷ Бибиков С.Н. Плотность населения и величина охотничьих угодий в палеолите Крыма // СА. 1971. № 4. С. 12, 13.
- ⁸ Векилова Е.А. К столетию открытия палеолита в Крыму (1879-1979) // Исследования палеолита в Крыму. Киев, 1979. С.10.
- ⁹ Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979. С. 145.
- ¹⁰ Гладилин В.Н. Ранний палеолит // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. I. С. 29.
- ¹¹ Бибиков С.Н. Плотность населения ...; Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- ¹² Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977 С. 190.
- ¹³ Там же. С. 5, 9, 190; Любин В.П. Нижний палеолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970.
- ¹⁴ Подгородецкий П.Д., Щапинский А.А., Шумская Л.А. Природа Крыма и ее освоение в эпоху энеолита // Физическая география и геоморфология. Киев, 1983. Вып. 30. С. 61.
- ¹⁵ Палеогеографический словарь. М., 1985. С. 206.

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЮГО-ЗАПАДА СССР

Поздний палеолит Юго-Запада СССР представляет пеструю картину, свидетельствующую о существовании различных по времени и индустриям памятников. Проблема периодизации их сложна из-за малочисленности стратифицированных стоянок.

Речь пойдет о памятниках, расположенных в междуречье Днестра и Прута, в Северо-Западном Причерноморье, Нижнем Поднепровье, Надпорожье и Приазовье. Материалы их опубликованы и хорошо известны, поэтому мы ограничимся региональными и общими периодизациями позднего палеолита и попытаемся проследить взаимосвязь между ними.

П.И. Борисковский выделил в Приднестровье пять ступеней развития позднепалеолитической культуры или пять хронологических групп¹. А.П. Черныш связывал поздний палеолит Приднестровья с мустье Молодова I и У. Им предложено шесть хронологических ступеней развития позднего палеолита в Приднестровье².

По мере накопления материалов Н.А. Кетрару разделил все известные стоянки позднего палеолита междуречья Днестра и Прута на две хронологические группы³: памятники ранней поры - Чутулешты I, Гура Каменка I, IУ, Варваровка VII, Рашков VII и поздней поры - Старые Дуруиторы (2 к. сл.*), Костешты I, Атаки I, II, Йоржница, Курешница, Реча.

В периодизации, предложенной мною, позднепалеолитические стоянки рассматриваемого региона тоже отнесены к двум периодам: ранней поре и концу позднего палеолита - позднеледниковью⁴. Памятники ранней поры: Климауцы I, Бобулешты VI, Брынзены I (3 к. сл.). Для них характерны две линии развития: а) с ориньякскими типами орудий; б) с сериями микропластинок с притупленным краем. Общим для тех и других являлось наличие двустороннеобработанных орудий и высокий процент зубчато-выемчатых форм. Обе линии развивались на основе мустье стинковско-дуруиторского типа. К позднеледниковью отнесены три группы: 1) ориньяковидная - Рашков VII, VIII, IX и, видимо, Брынзены II; 2) с листовидными наконечниками - Йоржница, Курешница I, Голошница и раковецкие пункты; 3) с элементами граветийской культуры - Костешты I, Атаки I и II. Данная периодизация неполная, ибо в нее вошли не все стоянки и местонахождения.

И.А. Борзьяк на основе технико-морфологического и типологического анализов инвентарей выделил на рассматриваемой территории четыре хронологические группы⁵.

Первая группа - ранний этап, гроты Брынзены I (3 к. сл.), Чунту, стоянки Бобулешты VI, Климауцы I; сюда же включены памятники первой хронологической ступени позднего палеолита Поднепровья: Молодова У (10 слой), Бабин (I стоябище, нижний слой), Оселивка II (нижний слой), Кормань IУ (7 слой) и румынские стоянки Четэцике I и Миток - Валя Изворулуй. Для раннего периода отмечены две линии развития: 1 - Брынзены I (3 к. сл.) и Чунту; 2 - Климауцы I. Обе линии развития имеют связь с мустье региона.

Вторая группа представлена стоянками Гордишты I, возможно, Ын Поноаре и Ла Моара Попей, исследованными еще Н.Н. Морошаном, и Рипичень-Извор, оринь-

*К. сл. - культурный слой.

якские слои (Румыния). Предложено выделить Гординышты I вместе с "нижнеориньякскими слоями" Рипчень-Извор и Четацке I в прутский вариант культуры позднего палеолита в Днепроовско-Прутском регионе.

Третью группу составляют стоянки Чутулешты, Корпач (4 к.сл.), Гура Каменка I, IV, Варваровка VII, Корпач-Мыс. Среди них представлено несколько культурных вариантов: 1) Чутулешты I отнесены к среднеднепровской позднепалеолитической культуре; 2) Корпач-Мыс - к группе ориньякских памятников Ишталиошко-Пешко; 3) Корпач (4 к.сл.) выделен в особый вариант культуры. Радиоуглеродная дата 4 к.сл. Корпача 25250 ± 300 (GrN- 9758).

В четвертую группу включены памятники, относящиеся к позднеледниковью. И.А. Борзияк выделяет среди них четыре варианта: 1) Старые Дуруиторы (2 к.сл.), Ла Сэрэтурь (горизонт "А"); 2) Брынзаны II и Старые Куконешты IV; 3) Костешты I, Реча, Атаки I и II; 4) Рашков VII и VIII. При выделении вариантов И.А. Борзияк руководствовался следующими общими критериями: преобладание подпризматической техники расщепления, доминирование скребков и резцов, в некоторых памятниках большое распространение комбинированных форм орудий, пластинок и микропластинок с притупленным краем, единичность и атипичность мустьерских орудий. Отмечены изменения и в фауне: "исчезает мамонт, встречаются единичные кости шерстистого носорога и увеличивается доля костей северного оленя" (с.54). Нам представляется, что Старые Дуруиторы (2 к.сл.) и Рашковские стоянки, в которых обнаружены кости мамонта и шерстистого носорога, обитавших в данном регионе 25-23 тыс. лет назад, нельзя относить к позднеледниковью. В Рашкове VII мамонт и шерстистый носорог занимают третье и четвертое места по количеству найденных костей и особой после северного оленя и лошади. Радиоуглеродная дата Рашкова VII - 12220 ± 500 лет (LE-1601) представляется нам омоложенной. Рашков VII и VIII следует относить, очевидно, к средней поре позднего палеолита, а не к позднеледниковью, как это имеет место в упомянутой выше периодизации Г.В. Григорьевой и И.А. Борзияка.

Далее на просторах южнорусских степей известны многочисленные стоянки и местонахождения, культурная принадлежность и периодизация которых до сих пор вызывает дискуссии.

П.И. Борисковский выделил в Северном Причерноморье и Приазовье степную зону развития позднепалеолитической культуры⁶. Памятники, входящие в эту зону, как справедливо отмечалось, разнокультурны и разновременны. На данном этапе исследований их нельзя объединять ни в одну культурно-историческую общность, ни в одну хозяйственно-культурную зону.

Для Северного Причерноморья и Приазовья существует несколько региональных периодизаций.

С.В. Смирнов, проанализировавший позднепалеолитические памятники Надпорожья, разделил их на четыре хронологические группы⁷: 1) ранний этап представлен Ненасытцем III; 2) средний - Мерзлой балкой и Кайстровой балкой VI; 3) первая половина заключительного этапа - Кайстровой балкой IV и Вороной II; 4) вторая половина заключительного периода - Вороной I и Подпорожним II, последние предшествуют мезолиту. Автор отмечает, что перечисленные памятники за исключением Ненасытца III относятся к развитому и финальному позднему палеолиту. Они настолько отличаются по своим технико-типологическим показателям, что не образуют единой линии этнокультурного развития.

Подробное освещение позднего палеолита Северного Донца и Приазовья дано в работе А.А. Кротовой⁸. Долгое время наиболее известной стоянкой в Приазовье

являлась Амвросиевка, которую П.П. Ефименко датировал мадленским временем⁹. П.И. Борисковский относил ее ко второй половине позднего палеолита, или архаичному мадлену¹⁰; М.И. Гладких при изучении материалов Антоновки III разделил степные стоянки на три периода: к наиболее раннему он отнес Мураловку; к среднему – Каменные балки I и II; к заключительному – Амвросиевку и Большую Аккаржу II.

Позднепалеолитические стоянки на Северском Донце и в Приазовье, которые исследует сейчас А.А. Кротова, разделены на три хронологические группы: 1) позднебугским–дофиновским временем, по Н.А. Сиренко, датированы Ямы на Северском Донце, памятники в Приазовье в этот период неизвестны; 2) к раннесредне-причерноморскому времени, по М.Ф. Векличу, отнесены Миньевский Яр на Северском Донце, Антоновка III, Мураловка, Золотовка I, Каменные балки I и II, Амвросиевка, Федоровка (2 и I слои) в Приазовье; 3) к позднепричерноморскому времени отнесены Говоруха на Северском Донце и Янисоль в Приазовье.

А.Н. Рогачев и М.В. Аникович в периодизации позднего палеолита СССР поместили Амвросиевку в раннюю пору позднего палеолита, Золотовку I, Мураловку вместе с Каменными балками I и II – в среднюю пору; Большую Аккаржу отнесли к поздней поре¹². Датировка Амвросиевки явно удревнена и это доказала, по нашему мнению, А.А. Кротова¹³.

На Нижнем Днепре успешно исследует палеолитические памятники Н.П. Оленковский. Стоянки и местонахождения, изучаемые им, разделены на четыре хронологические группы¹⁴: 1) ранняя пора представлена местонахождением Перемога; 2) конец ранней–средняя пора – Любимовкой I, IV, Вознесенкой IV; 3) первая половина заключительной поры позднего палеолита – Нововладимировкой II, Первопокровкой I, Каштаевой балкой; 4) вторая половина заключительного периода – Дмитриевкой, Любимовкой III, Сомовой балкой, Леонтьевкой, Михайловкой II. Только на четырех стоянках Нижнего Поднепровья сохранились участки с культурным слоем, остальные представлены подъемными материалами, поэтому периодизация основана главным образом на анализе кремневого инвентаря. Характерной особенностью позднеледниковых памятников является присутствие выразительных серий долотовидных орудий, не характерных для стоянок смежных территорий.

Несколько схем периодизаций, как региональных, так и общих, предложено В.Н. Станко для Северо-Западного Причерноморья. Первоначально в данном регионе было выделено два периода: ранний и заключительный¹⁵. Занимаясь вопросами генезиса мезолита, он разделил позднепалеолитические памятники на четыре хронологические группы, включив в них стоянки Приазовья и Надпорожья¹⁶.

В монографии о мезолитической стоянке Мирное В.Н. Станко представил культурно-историческое членение позднепалеолитических памятников и периодизацию для Нижнего Поднепровья¹⁷. К наиболее архаичным по технике расщепления и облику кремневого инвентаря принадлежат Зеленый Хутор II и Кулударь. На следующем этапе, к которому отнесены Чебручи, Чебручи II, Барабой II, III, Дальник, Дальницкая балка, Татарка II и др., автор усматривает развитие памятников типа Зеленый Хутор II. Далее Каменка и Усатово, по В.Н. Станко, продолжают эту линию развития. К заключительному периоду позднего палеолита причислена Большая Аккаржа, существенно отличающаяся от предшествующих памятников. Данная периодизация создана в основном на памятниках с подъемным материалом, за исключением Большой Аккаржи и Каменки, которые раскапывались.

В.Н. Станко особо подчеркивает формирование в Нижнем Поднепровье позднепалеолитической культурной группы, связанной генетически с зубчатым

микромустье. Особенностью данной группы памятников являются архаичность техники расщепления и наличие мустьерских орудий. Однако сразу же замечу, что мустьерские элементы сохраняются в памятниках междуручья Днестра и Прута, а стало быть, и в Нижнем Поднепровье вплоть до конца позднего палеолита. Кроме того, в Зеленом Хуторе II представлены ориньякские элементы в виде скребков с "носиком", ладьевидных, скребков-нуклеусов, выделяющие этот памятник в данной группе. В других стоянках и местонахождениях ориньякские формы отсутствуют. Для Чебручей характерны серии микропластинок с притупленным краем и микроострий, отсутствующие в Зеленом Хуторе II, и немногочисленные в Каменке и Усатово (например, в Усатово из 105 изделий со вторичной обработкой только 12 микропластинок с притупленным краем)¹⁸. Даже упомянутых признаков достаточно, чтобы перечисленные памятники, исключая Большую Аккаржу, не считать эволюцией одной культурной группы.

И.В. Сапожников, диссертация которого посвящена позднему палеолиту Нижнего Поднепровья, относит к ранней поре Зеленый Хутор и предположительно пещеру Ильинка (памятники средней поры считает маловыразительными), а к заключительному этапу - "индустрии аккаржанской культурной традиции"¹⁹. Позже он делает вывод, что аккаржанская археологическая культура, включающая Калфу, Каменку, Большую Аккаржу и Чебручи, генетически связана с нижнеднепровской археологической культурой²⁰. По технико-морфологическим показателям Большая Аккаржа резко отличается от Зеленого Хутора, проследить генетическую связь между указанными комплексами трудно.

Открытие и изучение новых стоянок в Степном Побужье способствовали созданию еще одной региональной периодизации²¹, в которой памятники были разделены на четыре хронологические группы: 1) к раннему периоду отнесен Сагайдак I; 2) к раннему этапу в пределах второй половины позднего палеолита - Владимировка (8-6 горизонты), Ивашково поле, 3) к следующему периоду - Анетовка I и Владимировка (3 горизонт), 4) к заключительному этапу - Анетовка II, Владимировка (2, I горизонты), Ивашково VI, Срединный Горб.

Близкая к вышеприведенной периодизация для степного Побужья изложена в диссертации С.П. Смольяниновой²². В ней уточнены сами периоды позднего палеолита: 1) первая половина позднего палеолита; 2) середина позднего палеолита; 3) вторая половина позднего палеолита; 4) финальная пора позднего палеолита.

В одной из последних опубликованных работ В.Н. Станко, суммируя региональные схемы, дал обобщающую периодизацию для Юго-Запада СССР, отнеся памятники к четырем хронологическим периодам²³: 1) к концу молого-шекинского-началу ошастковского времени (дофинские горизонты), по М.Ф. Векличу, относятся Сагайдак I, Владимировка (10-7 горизонты), Осокоровка (6-5а слои); 2) к максимальному развитию ошастковского оледенения (раннапричерноморские горизонты), по М.Ф. Векличу, - Анетовки I, II, Владимировка (6-4 горизонты) в Побужье, Мураловка, Золотовка I, Ямы в Приазовье. Отмечена близость Мураловки, Золотовки I и Анетовок I, II и разные генетические корни Владимировки и Ям; 3) к началу позднеледниковья - Амвросиевка, Каменные балки I, II, Федоровка (2 к.сл.), Миньевский Яр в Приазовье, Кайстровая балка IV и Осокоровка (3в слой) в Надпорожье; 4) к заключительному этапу позднеледниковья - Большая Аккаржа, Ивашково VI, Владимировка (3-I горизонты) в Северо-Западном Причерноморье, Янисоль, Федоровка, Говоруха в Приазовье. Каменная балка II отнесена в данной схеме к началу позднеледниковья. М.Д. Ивздовер, учитывая геологические условия залегания, фауну, характер культурного слоя, показатель прокаливания 414 и особенности инвентаря, датировала памятник не моложе сере-

дины позднего палеолита²⁴. Полученные для Каменной балки II радиоуглеродные даты дают большой разброс от 10 тыс. до 15 тыс. лет, поэтому на них трудно опираться. Перечисленные стоянки различны по своей культурной принадлежности, что неоднократно отмечалось исследователями. В частности, Каменные балки I и II тяготеют к более южной культурно-исторической общности.

Последняя опубликованная обобщающая периодизация опирается на стратиграфию, фаунистические данные, где они есть, и радиоуглеродные даты. Она повторяет в основном предшествующую схему, внося вместе с тем некоторые уточнения²⁵: 1. Наиболее ранние памятники относятся к концу молого-шекснинского-началу осташковского времени, верхи дофинского горизонта, по М.Ф. Векличу, это Сагайдак I, Владимировка (8,7 слои), Осокоровка (6-5а слои). Радиоуглеродная дата Сагайдака I - 21240 ± 200 лет (ЛЕ-1602). Более ранними, судя по кремневому инвентарю, по В.Н. Станко, являются Зеленый Хутор II и Кулударь в Нижнем Поднестровье и Ненаомтец III в Надпорожье. 2. Вторая группа связана с максимальным развитием осташковского оледенения, нижнепричерноморским временем, по М.Ф. Векличу, это Анетовка I, II, Владимировка (6-4 слои), близки к ним Мураловка и Золотовка I. Для Анетовки II получено несколько радиоуглеродных дат по кости: 18040 ± 150 лет (ЛЕ-2424), 18265 ± 1650 лет (ЛЕ-4066), 19170 ± 120 лет (ЛЕ-2947) и по костному углю - 19090 ± 980 лет (ЛЕ-4610). Абсолютный возраст Мураловки, полученный по костям, - 19630 ± 200 лет (ЛЕ-1601) и 18780 ± 300 лет (ЛЕ-1438); Золотовки I - 17400 ± 700 лет (ГИН-1938). 3. Третья группа связана с последним периодом осташковского похолодания-наступлением постледниковья (среднепричерноморский горизонт), по М.Ф. Векличу, это Амвросиевка, Каменные балки I, II в Приазовье, Кайстровая балка IV и Осокоровка (3в слой) в Надпорожье, Чобручи в Нижнем Поднестровье. Для Амвросиевки получены две радиоуглеродные даты по костям: 15250 ± 150 лет (ЛЕ-1637) и 20620 ± 150 лет (ЛЕ-1805), первая дата считается рядом исследователей омоложенной. 4. В четвертую группу (постледниковье), по В.Н. Станко, вошли Большая Аккаржа, Ивашково У1, Владимировка 2, 1 слои в Северо-Западном Причерноморье, Янисоль в Приазовье. Культурный слой Большой Аккаржи, по наблюдениям М.Ф. Веклича, отнесен к причерноморскому горизонту-послеаллередскому времени²⁶. Радиоуглеродных дат для этих памятников нет. Индустрии памятников различны. Разнообразие и многочисленность существующих схем подчеркивают сложность проблемы периодизации памятников южно-русских степей. Малочисленность стоянок с четкой стратиграфией затрудняет работу. В последнее время исследователи все чаще приходят к выводу, что памятники нужно датировать, опираясь в первую очередь на археологический материал, анализируя производственный инвентарь и обязательно учитывая технику первичного раскалывания.

Приведенные региональные и общие схемы периодизаций позднего палеолита южно-русских степей, включая междуречье Днестра и Прута, позволяют систематизировать памятники, наметить время их существования. Разные гиперметрические уровни, на которых расположены стоянки, затрудняют зачастую их стратиграфическую корреляцию. Уже сейчас, очевидно, следует пересмотреть датировку ряда стоянок, таких, как Рашков VII и VIII, чтобы удревнить их, несмотря на омоложенную радиоуглеродную дату. Нижнеднестровская палеолитическая группа включает памятники с различными культурными традициями, а поэтому даже в развитии ее нельзя представить как единое целое. Хронологического уточнения, на наш взгляд, требуют Каменные балки I и II; комплекс данных позволяет считать их древнее, чем на это указывает разброс радиоуглеродных дат от 10 тыс. до 15 тыс. лет.

Несомненно, существующие периодизации еще будут уточняться и изменяться по мере открытий новых и изучения известных памятников.

- 1 Борисковский П.И. Палеолит Украины. М.; Л., 1953. С.128.
- 2 Черныш А.П. Палеолит и мезолит Приднестровья. М., 1973. С.52, 53.
- 3 Кетрару Н.А. Памятники эпох палеолита и мезолита Молдавии // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1974. С.30, 21.
- 4 Григорьева Г.В. Некоторые итоги изучения позднего палеолита в Молдавии // Первобытная археология - поиски и находки. Киев, 1980. С.71-82.
- 5 Борзияк И.А. Поздний палеолит Днестровско-Карпатского региона: (опыт систематизации) // Первобытные древности Молдавии. Кишинев, 1983. С.33-64.
- 6 Борисковский П.И. Проблемы развития позднепалеолитической культуры степной области. М., 1964.
- 7 Смирнов С.В. Палеоліт Дніпровського Надпоріжжя. Київ, 1973. С.154, 155.
- 8 Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986. С.3-73.
- 9 Едимиенко П.П. Первобытное общество. Киев, 1953. С.315, 316.
- 10 Борисковский П.И. Палеолит Украины. С.396.
- 11 Гладких М.И. Некоторые итоги исследования позднепалеолитического местонахождения Антоновка III // Материалы по четвертичному периоду Украины к VIII конгрессу ИАНУА. Киев, 1969. С.265, 266.
- 12 Палеолит СССР. М., 1984. С.225.
- 13 Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. С.62.
- 14 Оленковский Н.П. Поздний палеолит и мезолит Нижнего Днепра // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1989. С.11.
- 15 Станко В.Н. Некоторые итоги изучения палеолита и мезолита степей Северо-Западного Причерноморья // 150 лет Одесскому Археологическому музею АН УССР. Киев, 1975. С.19.
- 16 Станко В.Н. Поздний палеолит и сложение мезолита в степях Северного Причерноморья // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. Киев, 1980. С.17, 18.
- 17 Станко В.Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. Киев, 1982. С.89, 90.
- 18 Станко В.Н. Поздний палеолит ... С.13, 15.
- 19 Сапожников И.В. Поздний палеолит степей Нижнего Приднестровья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. С. 15.
- 20 Сапожников И.В. К характеристике аккаржанской культуры // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Київ, 1989. С.200.
- 21 Станко В.Н., Смольянинова С.П. Исследование палеолита и мезолита степного Побужья // СА. 1985. № 4. С.5-20.
- 22 Смольянинова С.П. Палеолит и мезолит степного Побужья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1985. С.16.
- 23 Станко В.Н., Свеженцев Ю.С. Хронология и периодизация позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья // БКИЧП. 1988. № 57. С.116-120.
- 24 Гвоздовер М.Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // САИ. М.; Л., 1964. Вып. А 1-5. С.41.

- ²⁵ Станко В.Н., Григорьева Г.В., Швейко Т.Н. Позднепалеолитическое поселение Анатовка II. Киев, 1989. С.87-97.
- ²⁶ Григорьева Г.В. Позднепалеолитические памятники Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1968. С.5.

Н.П. Оленковский

ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО ДНЕПРА

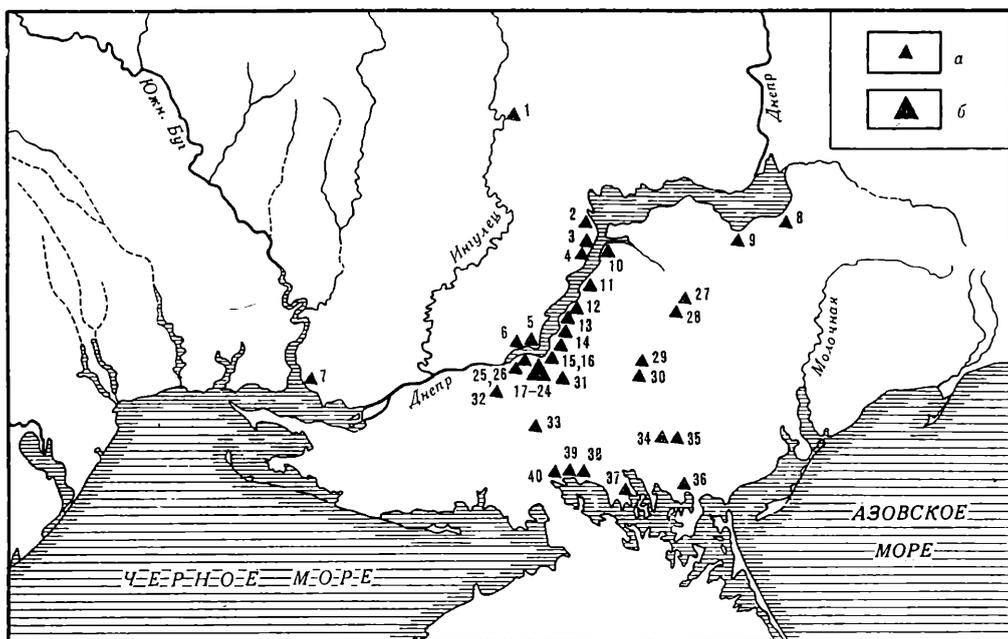
До последнего времени поздний палеолит Нижнего Днепра был практически неизвестен. Несколько бедных местонахождений - Широкая балка, Мерзлякова балка, Лысогорска, Балки, Вальвальская балка, Любимовский пляж, Сомова балка - открыты Д.Я. Телегиным, В.Н. Станко и А.В. Бодянским в 1957-1971 гг.¹ С 1974 г. автором был открыт и изучен ряд новых памятников, среди которых можно отметить Леонтьевку, Нововладимировку II, Любимовку I, III, IV, Михайловку II. В 1981-1982 гг. местными краеведами, а также разведкой А.И. Болдина³ выявлены местонахождения Дмитриевка, Петропокровка I и Перемога I.

Большинство выявленных памятников находится на левобережье Нижнего Днепра. Их можно разделить на три группы. Памятники первой группы расположены на берегах Днепра и связаны обычно с мысами впадающих в него плейстоценовых балок (вторая - третья террасы). Памятники второй - выявлены на берегах степных подов или на берегах впадающих в них балок. Третья группа памятников расположена на северном берегу Сиваша (рис. I).

На стоянках Леонтьевка, Нововладимировка II, Дмитриевка проведены стационарные исследования. На местонахождениях Любимовка I, Любимовка III, Любимовка IV, Сомова балка, Первопокровка I, Перемога I собраны достаточно многочисленные и выразительные коллекции кремневого материала, на большинстве из них проведена шурфовка.

Стоянка Дмитриевка расположена на правом берегу степной балки Камштанак, впадающей в под Зеленый (рис. I, 31). В 1986 г. на памятнике проведены шурфовка и раскопки. Вскрыто 59 м² (раскоп 54 м² и 3 шурфа). Культурный слой вероятно, частично нарушенный, залегает в лёссе на глубине 1,21-1,49 м. Коллекция кремневых изделий (2538 экз.) получена из раскопа, шурфов и сборов. Среди нуклеусов (77 экз.) преобладают одноплощадочные призматические ядрища со скошенными площадками. У части ядрищ площадки прямые или образующие с плоскостью скалывания тупой угол. Среди изделий со вторичной обработкой наиболее характерны резцы (преобладают боковые), скребки (преимущественно концевые), острия и микропластинки с притупленным краем, долотовидные изделия, пластинки и отщепы с ретушью (таблица). Специфику комплексу придают различные острия и микроострия с притупленным краем, количественно преобладающие над пластинками и микропластинками (часть из которых является обломками острий), долотовидные орудия, пластинки и отщепы с выемками. На памятнике также найдены изделия из талька, песчаника, мориона (скребок), кусочки охры.

В северном Присивашье выявлена стоянка Нововладимировка II⁴. Памятник расположен на мысу, образованном впадением небольшой балки в Сиваш (рис. I, 39). В 1985 г. раскопом вскрыто 72 м² площади стоянки. Кремневый материал, изделия из камня, охра и фауна залегали на глубине 0,53-0,84 м в горизонте осолонцованного суглинка. О технике расщепления дает представление небольшая (12 экз.), но выразительная серия нуклеусов. Преобладают двухплощадочные, трехплощадочные и вторичные ядрища со скошенными площадками. Одноплощадочные

Р и с. 1. Карта позднепалеолитических памятников Нижнего Днепра

а - единичные памятники; б - любимовская группа памятников. 1 - Кривой Рог; 2 - Новая Воронцовка; 3 - Леонтьевка; 4 - Михайловка I; 5 - Дремайловка II; 6 - Новобериславская балка; 7 - Скалька; 8 - Лисогорка; 9 - Балки; 10 - Первомаевка; 11 - Широкая балка; 12 - Каиры III; 13 - Каиры II; 14 - Марзлякова Балка; 15 - Васильевский выступ II; 16 - Васильевский выступ I; 17 - Любимовка I; 18 - Любимовка III; 19 - Любимовка IV; 20 - Любимовка VII; 21 - Любимовка VIII; 22 - Вэльвальская балка; 23 - Сомова балка; 24 - Любимовский пляж; 25 - Каховка I; 26 - Каховка II; 27 - Первопокровка I; 28 - Первопокровка II; 29 - Нижние Торгаи I; 30 - Нижние Торгаи II; 31 - Дмитриевка; 32 - Чернянский под; 33 - Черная Долина; 34 - Парамога I; 35 - Парамога III; 36 - Новодмитриевка I; 37 - Сергеевский залив; 38 - Нововладимировка I; 39 - Нововладимировка II; 40 - Нововладимировка VII

нуклеусы для этого памятника нехарактерны. Инвентарь памятника не очень разнообразен, но специфичен. В микрокомплексе преобладают мельчайшие микропластинки с притупленным краем и микропластинки со следами микроретуши. Острия с притупленным краем единичны. Скрепки малочисленны и не выразительны. Среди резцов преобладают срединные и угловые. Боковые резцы для данного комплекса нехарактерны. Свообразна небольшая серия (6 экз.) орудий, изготовленных на сколах с резцов путем нескольких поперечных резцовых сколов и в некоторых случаях подработкой ретушью. Выразительна серия долотовидных орудий.

Стоянка Леонтьевка находится на второй террасе правого берега Днепра (рис. 1, 3). В 1978-1980 гг. на памятнике проведены зачистки берегового среза Каховского водохранилища и заложен раскоп площадью 32 м² 5. На глубине около 4 м в толще делювиальных суглинков выявлены следы культурного слоя толщиной не более 5 см. Учитывая, что выявлена периферия уже почти полностью размывтой стоянки, глубина залегания слоя в прибрежной части террасы была, безусловно, значительно меньшей. Среди изделий с вторичной обработкой наиболее многочисленны скребки. Они очень разнообразны. Преобладают концевые укороченных про-

Изделия со вторичной

Изделия	Памятники		Дмитриевка		Нововладими- ровка II		Леонтьевка		Любимов- ка I	
	кол- во	%	кол- во	%	кол- во	%	кол- во	%		
Скрепки	43	12,2	5	3,6	172	43,1	21	11,2		
Резцы	84	23,8	28	20,0	32	8,0	56	29,8		
Острия	26	7,4	2	1,4	11	2,8	2	1,1		
Пластинки и микропластин- ки с притупленным краем	19	5,4	9	6,4	5	1,3	7	3,7		
Микропластинки с ретушью	4	1,1	7	5,0	-	-	-	-		
Трапеции	-	-	-	-	4	1,0	-	-		
Прямоугольники	-	-	-	-	2	0,5	-	-		
Долотовидные изделия	16	4,6	11	7,9	3	0,8	39	20,7		
Проколки	6	1,7	-	-	8	2,0	2	1,1		
Пластинки и отщепы с выемками	9	2,5	-	-	4	1,0	5	2,6		
Пластинки с поперечной ретушью	5	1,4	-	-	5	1,3	9	4,8		
Пластинки со скошенным концом	1	0,3	3	2,1	3	0,8	-	-		
Комбинированные орудия	2	0,6	2	1,4	3	0,8	2	1,1		
Скребла, скребловидные орудия, лимасы	-	-	-	-	-	-	6	3,2		
Зубчатые изделия	-	-	-	-	1	0,3	-	-		
Пластинки с ретушью	64	18,1	20	14,3	60	15,1	25	13,3		
Отщепы с ретушью	71	20,1	47	33,6	59	14,9	8	4,2		
Единичные изделия и обломки орудий	3	0,8	6	4,3	27	6,0	6	3,3		
В с е г о	353	100,0	140	100,0	399	100,0	188	100,0		

порций, многие из которых имеют скошенные лезвия. Много двойных скребков. Есть подокруглые и стрельчатые. Резцов мало. Боковые и угловые резцы представлены одинаковым количеством. Срединные резцы практически отсутствуют. Есть в комплексе разнообразные острия с притупленным краем. Менее характерны для этого памятника микропластинки с притупленным краем. Особый интерес представляют трапеции и прямоугольники.

Для комплекса местонахождения Любимовка I (рис. I, I7) наиболее характерны срединные многофасеточные и боковые резцы (угловые практически отсутствуют), достаточно крупные пластинки с двумя притупленными краями, долотовидные изделия, пластинки с поперечной ретушью, скребловидные орудия. Скрепки не очень многочисленны, но разнообразны (концевые, округлые, нуклевидные).

Археологический комплекс местонахождения Любимовка III (рис. I, I8) характеризуется прежде всего сочетанием граветтоидных острий, долотовидных изделий и пластинок, и отщепов с выемками. Скрепки преимущественно концевые (есть также подокруглый и двойной). Среди резцов преобладают боковые. Срединные резцы отсутствуют⁶.

ОБРАБОТКОЙ

Любимовка III		Любимовка IV		Сомова Балка		Первопок- ровка		Перемога I	
кол- во	%	кол-во	%	кол- во	%	кол-во	%	кол-во	%
20	18,0	21	16,0	61	19,2	5	3,8	2	3,6
13	11,7	24	18,1	45	14,1	34	25,7	13	23,6
6	5,4	3	2,3	11	3,5	2	1,5	2	3,6
1	0,9	-	-	13	4,1	23	17,5	-	-
-	-	-	-	4	1,3	4	3,0	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
24	21,6	30	22,9	74	23,2	7	5,3	1	1,8
-	-	-	-	2	0,6	2	1,5	-	-
8	7,2	-	-	5	1,6	1	0,8	1	1,8
-	-	2	1,5	2	0,7	-	-	1	1,8
1	0,9	1	0,8	4	1,3	2	1,5	-	-
1	0,9	1	0,8	2	0,7	1	0,8	-	-
1	0,9	4	3,1	2	0,7	-	-	5	9,1
-	-	-	-	1	0,6	-	-	5	9,1
23	20,8	28	21,4	47	14,8	30	22,7	5	9,1
13	11,7	15	11,5	38	12,0	21	15,9	14	25,5
-	-	2	1,5	5	1,6	-	-	6	11,0
III	100,0	131	100,0	318	100,0	132	100,0	55	100,0

Изделия со вторичной обработкой местонахождения Любимовка IV (рис. I, 19) представлены долотовидными орудиями, резцами (боковые, срединные, угловые), скребками (концевые на пластинах и крупные подокруглые на отщепках), скребло-видными орудиями. Микроизделия в комплексе отсутствуют.

Очень разнообразен по набору изделий со вторичной обработкой комплекс местонахождения Сомова балка (рис. I, 23). В инвентаре преобладают долотовидные орудия. Многочисленны скребки (концевые, двойные, на отщепках, с "рыльцем") и резцы (боковые, угловые, срединные). Есть острия с притупленным краем (граве-ттоидные, федермессер), микропластинки и пластинки с притупленным краем (в том числе прямоугольные и треугольные с подработанными концами) и микропластинки с ретушью.

Местонахождение Первопокровка I находится на правом берегу степной балки Серогоз, впадающей в под Агайманский (рис. I, 27). В микрокомплексе преобладают микропластинки с притупленным краем. Есть микропластинки, обработанные мелкой ретушью. Острия с притупленным краем в этом комплексе единичны. Долотовидные орудия и скребки малочисленны. Резцы разнообразны (боковые, угловые, срединные, поперечные).

Специфичен комплекс местонахождения Перемога I, выявленного на берегу относительно небольшого пода (рис. I, 34). Несмотря на типичную призматическую технику, материал здесь выглядит более архаичным, чем комплексы приведенных выше памятников. Среди резцов преобладают многофасеточные срединные. Оба скребка изготовлены из отщепов (концевой, с "рыльцем"). Массивные на отщепах острия близки к остроконечникам. Есть в коллекции скребловидные (3 экз.) и лимасовидные (2 экз.) орудия, а также зубчатые формы.

На основании анализа стратиграфических условий залегания культурных остатков, фауны и коллекций кремневых изделий можно предположительно определить следующую периодизацию памятников. Перемога I, Любимовка IV относятся к концу ранней-средней поре позднего палеолита. Дмитриевка, Нововладимировка II, Первопокровка I, Любимовка III, Сомова балка - памятники позднеледниковья. Леонтьевку можно датировать в пределах финального палеолита - самого начала мезолита.

Близки между собой комплексы двух групп памятников. К одной группе относятся Дмитриевка, Любимовка III, Пидпорижный II (Надпоржье), ко второй - Нововладимировка II, Первопокровка I. Материалы этих памятников специфичны и характерны только для Нижнего Днепра. Они могут быть предварительно выделены в отдельные локальные культуры.

Стоянка Леонтьевка может быть объединена в одну культурную общность с такими памятниками, как Борщево II (верхний слой), Ворона I, Осокоровка (3 в горизонт), Роголик II, Царинка, отражающими один из путей развития позднего палеолита - раннего мезолита Юго-Восточной Европы.

Остальные памятники разнокультурные. Они отличаются не только между собой, но и не находят аналогий среди памятников всего Северного Причерноморья. В целом отличительной особенностью нижнеднепровских памятников являются низкий процент микроизделий в комплексах и высокое содержание долотовидных орудий.

¹Телерін Д.Я. Сліди епіпалеоліту та неоліту на Нижньому Подніпров'ї // Археологічні пам'ятки. Київ, 1961. Т.10. С.194.

²Станко В.Н. Следы палеолита на Нижнем Днестре // АО 1968 г. М., 1969. С.261.

³Болдин Я.И. Обследование древних балок в Херсонской области // АО 1980 г. М., 1981. С.232.

⁴Оленковский Н.П. Работы на Нижнем Днестре и в Северном Приднестровье // АО 1984 г. М., 1986. С.283.

⁵Оленковский Н.П. Стоянка Леонтьевка на Нижнем Днестре // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев, 1983. С.77-88.

⁶Оленковський М.П. Любимівка, III - нова пізньопалеолітична пам'ятка на Нижньому Дніпрі // Археологія. Київ, 1986. Вип. 54. С.47-52.

А.А. Кротова

СТРУКТУРА ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА СЕВЕРСКОГО ДОНЦА

Задача наиболее полного, комплексного исследования культурного слоя, являющегося отпечатком исторической действительности, определяет все возрастающее внимание к изучению планиграфии находок, определению структуры позднеледниковских памятников.

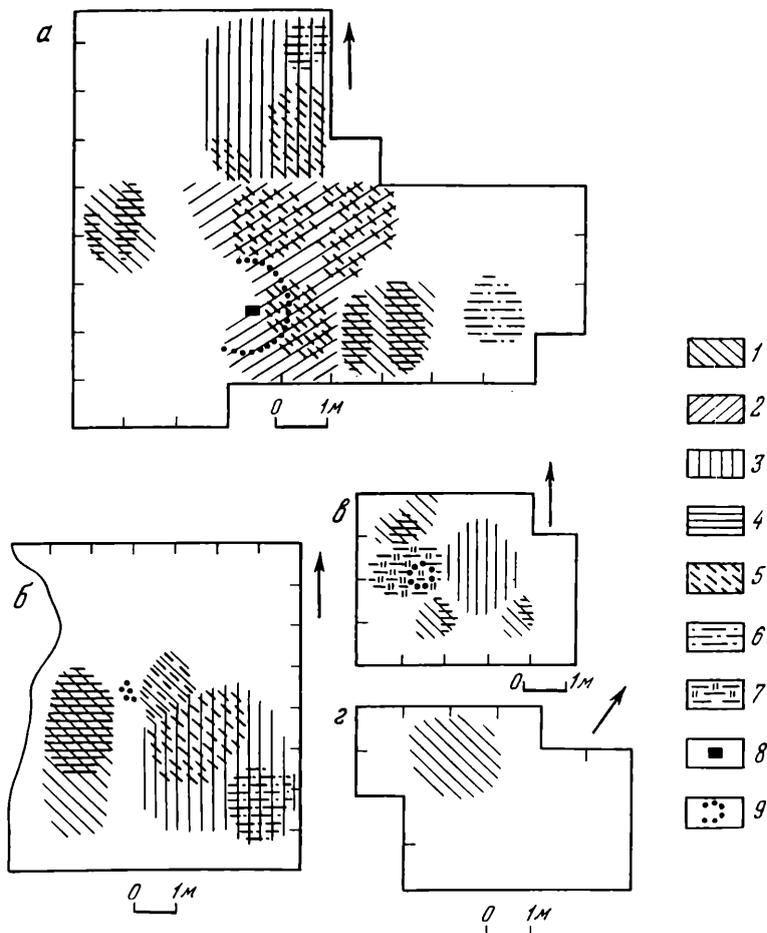
Особый интерес для такого рода исследований представляют памятники с тонким культурным слоем, который формировался в течение непродолжительного отрезка времени, что определяло четкость, "наслазанность" его структуры. Несколько таких памятников изучено в бассейне среднего течения Северского Донца. Качественный и количественный анализ распределения находок на их площади, основывающийся на методике, разработанной Н.Б. Леоновой¹, частично дополненный элементами функционального анализа и ремонтажа кремневых изделий, позволили определить их структуру, относительную продолжительность существования, хозяйственный тип.

Принятая нами терминология обозначает участки, разные по площади и по их производственно-бытовой специфике: 1 - "рабочее место" площадью до 1 м² со следами определенных операций по обработке кремня или использованию орудий; 2 - "производственный комплекс" площадью 2-4 м² преимущественно со следами расщепления кремня; 3 - "производственный центр" площадью 10-12 м² со следами разнообразных производственных и бытовых процессов; 4 - "зона по изготовлению и использованию орудий" площадью от 6 до 12 м² с небольшой насыщенностью находками, высоким процентом орудий; 5 - "хозяйственно-бытовой комплекс" площадью от 20 до 50 м², включающий вышеназванные участки, являющийся отпечатком замкнутого производственно-бытового цикла, связанного с жизнедеятельностью небольшого коллектива.

На стоянке Ямы, где общая вскрытая площадь составила 63 м², культурный слой мощностью 10-12 см располагался пятном площадью около 50 м² со средней насыщенностью находками - 160 кремней на 1 м². Здесь отмечены также следы очага, зольность, пятна охры, фаунистические остатки². Структуру памятника составляют два производственных комплекса (300-400 кремней на 1 м², 1-2% орудий), дающих представление о первоначальных этапах кремнеобрабатывающего производства, производственный центр, имеющий полифункциональный характер (500 кремней на 1 м², 3,7% орудий), и зона по изготовлению и использованию орудий (50 кремней на 1 м², 10% орудий)* (рис. 1, а).

На стоянке Говоруха площадью 52 м² культурный слой мощностью 10-12 см располагался пятном площадью 22 м² со средней насыщенностью находками 50 кремней на 1 м² (рис. 1, б). Отмечены следы кострища, охра, морская раковина, фаунистические остатки³. К западу и северо-востоку от следов кострища располагались два производственных комплекса, к юго-востоку - зона, связанная с использованием орудий. Оба производственных комплекса полифункциональны. На первом представлен почти полный цикл кремнеобрабатывающего производства от расщепления желваков до изготовления и использования орудий. Преобладают заготовки и отходы производства, есть нуклеусы и сколы подправки их площадок. Орудия составляют 2,9% от общего количества кремня. Выделяются три рабочих места: одно связано с расщеплением кремня, второе - с изготовлением резцов, третье - с изготовлением и использованием ретушированных отщепов и пластин. О единстве комплекса свидетельствует факт подборки фрагментов некоторых изделий из разных квадратов. Насыщенность находками в комплексе от 100 до 300 кремней на 1 м².

*Подробнее планиграфия стоянки Ямы рассматривается в статье, которая будет опубликована в сборнике, посвященном 100-летию П.П. Ефименко.

Р и с. 1. Схемы расположения производственно-бытовых участков на площади позднепалеолитических памятников бассейна Северского Донца

а - Лмы; б - Говоруха; в - Миньевский яр; г - Демино-Александровка XII; 1 - производственный комплекс; 2 - производственный центр; 3 - зона по изготовлению и использованию орудий; 4 - рабочее место по раскалыванию кремня; 5 - рабочее место по изготовлению и использованию орудий; 6 - место хранения и обработки охры; 7 - причажная зона; 8 - обожженный суглинок; 9 - зольное пятно

В пределах второго производственного комплекса выделены два рабочих места: одно, по расщеплению нуклеуса, "точка" площадью $0,5 \text{ м}^2$, сплошь забитый кремнем - сколами подправки площадок нуклеуса, пластинами, отщепами и чешуйками, расположенными компактно, другое - по изготовлению резцов. Насыщенность находками в комплексе: 200 кремней на 1 м^2 , доля орудий 4,8%.

Зона по изготовлению орудий, расположенная к юго-востоку от кострища, не имела четких границ. Ее отличает небольшая насыщенность находками (10 кремней на 1 м^2), высокий процент орудий (18,5). Здесь больше, чем где-либо на остальной площади стоянки, найдено кремневых изделий со следами использования, а

также фрагментов костей, охры, раковина *chione gallina*. В пределах зоны выделяются: участок, связанный с интенсивным использованием орудий, и участок по обработке и хранению охры. На первом выделено несколько рабочих мест: по обработке кости (орудия со следами обработки кости и фрагменты трубчатых костей животных), по обработке дерева (орудия со следами строгания и скобления дерева), место, возможно, связанное с приготовлением и потреблением пищи (отщеп и пластина со следами использования в качестве мясных ножей); участок по обработке охры — пятно площадью 3 м², усыпанное порошком охры, где найден ретушированный отщеп со следами скобления абразивного материала и остатками охры в фасетках ретушированного края и раковина.

На стоянке Миньевский яр (IV горизонт) общая вскрытая площадь составила 100 м² 4. Культурный слой мощностью 5–7 см концентрировался в виде пятна площадью 20 м² со средней насыщенностью 180 кремней на 1 м² (рис. I, в). Отмечены следы кострища площадью 0,6 м с обожженными костями и суглинком, фаунистические остатки. Структуру памятника составляют три производственных комплекса, причажная зона и зона по использованию орудий*. Производственные комплексы четко выделялись как небольшие самостоятельные скопления. В первом, северном, культурные остатки включали в основном отходы первичной обработки кремня, орудий не было. Производственная специфика второго, восточного, комплекса заключалась в раскалывании нуклеусов: преобладали заготовки и отходы, орудия составляли 0,6%. Третий, южный, имел "смешанный" характер, обусловленный существованием на его площади двух рабочих мест: одного, связанного с раскалыванием нуклеусов, и другого, связанного с изготовлением орудий (резцов, острий, микропластинок с притупленным краем). Насыщенность находками в комплексах достигает 2 тыс. кремней на 1 м², доля орудий не превышает 1,5%.

Причажная зона предположительно имела производственно-бытовую специфику: использование орудий, в частности резцов (обработка кости?), приготовление и потребление пищи.

Зона по использованию орудий, располагавшаяся к востоку от причажной зоны, характеризовалась небольшой насыщенностью находками (15 кремней на 1 м²), значительной долей орудий (14%), среди которых преобладали резцы.

Местонахождение Демино-Александровка XII было вскрыто на площади 20 м² 5. Культурный слой мощностью 0,2 м содержал исключительно кремневые изделия со средней насыщенностью 85 кремней на 1 м². Основное количество находок концентрировалось в северо-западной части раскопа в виде пятна подовальной формы площадью 4 м². Насыщенность находками: около 400 кремней на 1 м². Преобладали отходы производства. Среди нуклеусов (2%) больше нуклевидных обломков, целых нуклеусов правильной формы нет. Доля орудий незначительна (0,8%), причем четверть их составляют отбойники, сами орудия представлены маловыразительными полуфабрикатами. Среди отщепов более 20% — первичные. Данный участок можно интерпретировать как производственный комплекс, где осуществлялись расщепление кремневых желваков и нуклеусов, получение заготовок, причем нуклеусы и качественные заготовки, видимо, были унесены. Территорию за пределами скопления с единичными находками (II кремней на 1 м²) можно расценивать как периферию комплекса (рис. I, г).

* Структура памятника изучалась по чертежу и описи находок их раскопок 1950 г., составленных И.Ф. Левицим.

Анализ планиграфии находок в культурном слое памятников бассейна Северского Донца позволил разделить их на две группы: 1 - памятники со сложной, но достаточно четкой структурой (Ямы, Говоруха, Миньевский яр), 2 - памятники с простой структурой (Демино-Александровка XII). По методике Н.Б. Леоновой, первые могут быть интерпретированы как базовые, но недолговременные стоянки, а вторые - как кремнеобрабатывающие мастерские⁶.

Все три памятника первой группы представлены одним, относительно небольшим пятном культурных остатков, имевшим определенную структуру. Каждое из них можно интерпретировать как остатки хозяйственно-бытового комплекса со следами замкнутого производственно-бытового цикла, как место недолговременного (возможно, сезонного) обитания небольшого коллектива. Все они имеют сходную структуру, хотя и не являются полностью равноценными ни по размерам пятен, ни по количеству находок, что, возможно, отражает какие-то различия в количестве групп людей, их оставивших, или в продолжительности их обитания. Наличие производственных комплексов по первичной обработке кремня обусловлено близостью всех трех памятников к месторождениям кремня.

Зоны по изготовлению и использованию орудий могут быть интерпретированы как жилые площадки, характерные для стоянок-мастерских⁷. Следы кострищ расположены за пределами предполагаемых жилых площадок, хотя и в непосредственной близости от них, что, видимо, может служить доказательством существования стоянок в летний период, когда не было необходимости обогревать жилища. Можно предположить, что на месте этих площадок сооружались навесы или легкие наземные жилища типа чумов северных народностей⁸, обычно не имеющие очага. Подобные участки, интерпретируемые как жилые площадки или жилища со следами очагов за их пределами, прослежены на некоторых позднепалеолитических памятниках⁹.

Местонахождения второй группы, представленные Демино-Александровкой XII, это кремнеобрабатывающие мастерские со следами кратковременного посещения близлежащих месторождений кремня с целью пополнения запасов кремневого сырья.

¹Леонова Н.Б. Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражения в них специфики палеолитических поселений: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1977. С.20.

²Наприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986. С.13-15.

³Кротова О.О. Пізньопалеолітична пам'ятка поблизу с. Говоруха на Лугані // Археологія. 1980. № 33. С.53-60.

⁴Лавицький І.Ф., Телегін Д.Я. Дослідження стоянки в ур. Минієвський яр на Сіверському Дніпі // Археологічні пам'ятки УРСР. 1966. № 4. С.183-188; Наприна В.И., Зализняк Л.Л. и др. Памятники каменного века...

⁵Кротова А.А. Новые кремнеобрабатывающие мастерские эпохи палеолита на Северском Донце // Материалы каменного века на территории Украины. Киев, 1984. С.43-57.

⁶Леонова Н.Б. Закономерности распределения ...

⁷Там же. С.17.

⁸Лидопличко И.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969. С.17.

⁹Gaussen I. Le paléolithique supérieur de plein air en Périgord. XIV supplément a "Gallia Préhistoire". P., 1980.

БЕРЕГОВСКАЯ ГРУППА ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ В ЗАКАРПАТЬЕ

В связи с открытием в Королево архаичных позднепалеолитических горизонтов правомерно встал вопрос об их датировке. Логичным поэтому является сопоставление этих комплексов с коллекциями других позднепалеолитических памятников в Закарпатье. В настоящее время здесь насчитывается более 40 местонахождений позднего палеолита. Наиболее компактную группу составляют памятники, открытые в окрестностях г.Берегово (Берегово I-VI, Мужиево I, возможно, Доброселье I-II). Местонахождения приурочены к различным террасовым уровням - от 20 до 80 м.

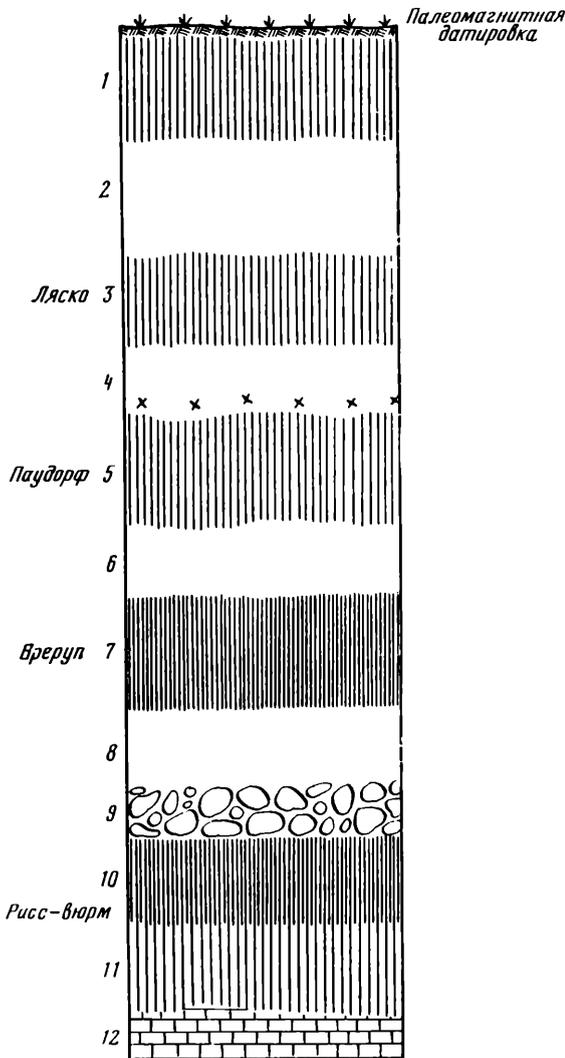
Принципиальное значение для изучения позднего палеолита в Закарпатье имеет местонахождение открытого типа Берегово I на Малой горе. Оно известно еще с начала 30-х годов нашего века; в разное время исследовалось И.Скутилом¹, М.Янковичем², В.Н. Гладилиным и С.В. Смирновым³, О.М. Адаменко, Г.А. Поспеловой и др.⁴ Памятник стратифицированный и является опорным при изучении позднего палеолита края. Значительная часть местонахождения была уничтожена камнедобывающим карьером. Памятник расположен на 20-метровой террасе небольшой речки Верке, притока Боржавы. В результате раскопок и неоднократных зачисток на Малой горе была раскрыта многометровая толща лёссовых отложений с четырьмя ископаемыми почвами, из которых две нижние могут быть отнесены к рисс-вюрмскому межледниковью и брерупу, а две верхние, естественно, к паудорфу и ляску. Четвертая и третья ископаемые почвы Берегово уверенно коррелируются с четвертой и третьей региональными палеопочвами Закарпатья, хорошо представленными двумя верхними почвами в Королево. Аналогичные погребенные почвы имеются и на других геологических разрезах закарпатского региона, детально изученных геологами и геофизиками Ивано-Франковска и Новосибирска⁵.

Полученные палеомагнитные данные показали, что в разрезах позднеплейстоценовых отложений Берегово I первая палеомагнитная аномалия прослеживается в слое суглинка под культурными остатками эпохи бронзы и может быть сопоставлена с наиболее молодым экскурсом, датированным 12 тыс. лет назад. Вторая аномалия зафиксирована в слое суглинка с позднепалеолитическим культурным горизонтом над второй погребенной почвой, отнесенной к интерстадиалу паудорф. Она коррелируется с экскурсом 26500-23500 лет назад, обнаруженным в разрезах, содержащих археологические артефакты и датированных по методу C₁₄, - Молодова У и Кормань IV. Следующая аномалия, зафиксированная в третьей палеопочве, датирована в 44-43,3 тыс. лет. назад и надежно коррелируется с наиболее обоснованным экскурсом, выделенным в отложениях разреза Кормань IV. Обоснованность датировки экскурса подтверждается имеющейся радиоуглеродной датой в 44,4 тыс. лет до н.э. Последняя аномалия отмечена в низах четвертой ископаемой почвы и является экскурсом Блейк, датированным примерно 110 тыс. лет⁶ (рис. I).

Культурный слой, выявленный в разрезе Малой горы в нижней части желтовато-палевого суглинка над второй региональной почвой, содержал редкие расплывенные древесные угольки, окру и каменные поделки. Коллекция находок насчитывает свыше I тыс. изделий. Сырьем для изготовления орудий служили разнообразный кремний, кварцит, горный хрусталь, алунит, песчаник, обсидиан. На местонахождении использовалось и местное сырье - кремнезёмный известняк, выходы которого на поверхность отмечены в изобилии на Берегово II, У, и VI. Также применялся

королевский андезит, не составивший и 1%. Большую часть собраний представляют отходы производства - призматические пренуклеусы и нуклеусы, сколы, обломки и осколки. Орудий труда примерно 11%.

Техника первичного расщепления характеризуется приемами параллельного скалывания заготовок. Об этом свидетельствуют исключительно призматические формы нуклеовидных. В качестве заготовок для ядрищ в основном применялись обломки и реже конкреции и отщепы. Размеры нуклеусов не превышают 5-7 см. Набор нуклеусов обычный для развитых позднепалеолитических индустрий и представлен стандартизированными серийными типами. Имеющиеся в коллекции призматические пластины без следов вторичной обработки составляют лишь немногим более 10% от всех сколов. Подавляющее большинство их при этом фрагментировано. Индекс пластин с учетом заготовок, использованных для изготовления орудий, составил 26,7%⁷. Логичным было бы искать единственно правильное объяснение этому необычному для столь развитого памятника обстоятельству в широком использовании

Р и с. 1. Разрез позднепалеолитической стоянки Барегово I

1 - современная почва; 2, 4, 6, 8 - суглинки; 3, 5, 7, 10, 11 - ископаемые почвы; 9 - переотложенный галечник; 12 - скальные породы. Крестиками обозначен уровень залегания культурного слоя

приемов фрагментации пластин-заготовок. Для изготовления орудий применялись сколы с параллельной огранкой спинки, а также примитивные и реже обломки.

Доминирующее положение в индустрии Берегово I занимают скребки - 33%; среди них изделий на призматических сколах примерно 79%. Небольшой процент составили поделки на примитивных сколах. Отдельной серией представлены скребки нуклевидной формы. Для этого класса орудий характерна стандартизация типов. Это обычные концевые скребки и изделия с обработкой по одному или двум продольным краям, дуговидные, полуовальные, веерообразные, ногтевидные, шиповидные, нуклевидные.

Резцов - 20,7%. Среди них экземпляры на углу сломанной пластины (примерно 50%), клювовидные боковые, срединные, многофасеточные косоретушные и нуклевидные.

Резчики составляют 12% от всех орудий. Это разнообразные так называемые плоские резцы или отщепы и пластины с ясновыраженными рабочими участками на углу заготовки или продольных краях в виде зубца.

Ножи представлены изделиями в равном соотношении как на отщепах, так и на пластинах - 16%. Рабочие продольные края этих изделий обычно прямые, слегка выпуклые или волнистые в плане (отдаленно напоминают зубчатые орудия). Некоторые из них имеют обушки и мало чем отличаются от мустьерских.

В коллекции присутствуют всего лишь две микропластинки, одна из которых имеет ретушированный продольный край и скошенный поперечный с притупляющей ретушью.

Малочисленными изделиями представлены проколки, долотца-стамески, зубчатые выемчатые, скребла, рубящие, ретушеры. В качестве отбойников служили целые или фрагментированные гальки. Дополняют коллекцию различные фрагменты неопределимых поделок.

Технико-типологические характеристики других памятников береговской группы очень близки таковым из материалов Берегово I. Незначительные различия в индустриях наблюдаются прежде всего в отсутствии некоторых отделов, групп или типов среди нуклеусов и орудий. Это обстоятельство, видимо, можно объяснить некоторой недостаточностью выборки отдельных комплексов и их различным производственным профилем.

Бросается в глаза несколько иное. Так, в инвентаре Берегово I преобладают нуклеусы и орудия, изготовленные из прочных пород камня, в первую очередь из разнообразного качественного кремня, реже кварцита, сланца, обсидиана, горного хрусталя, андазита. Выходов подобного сырья на местонахождении и в его ближайшем окружении не обнаружено. Обломки и конкреции приносились на место обитания и здесь подвергались обработке. Например, среди нуклеусов Берегово I ядрища из прочных пород составили 65,5%, а скребки соответственно 84,2%. Примерная картина наблюдается и среди других орудий, и в массе отходов производства.

На таких местонахождениях, как Берегово II, III и У, использовалось сырье, преимущественно местное и намного ниже по качеству и свойствам - окремненный известняк. В коллекции Берегово II нуклеусы из этого сырья составляют 82,5%, а скребки - примерно 70%. Близкие соотношения наблюдаются и в других индустриях. Причем нередко орудия имеют более небрежное оформление, а отдельные образцы напоминают незавершенные изделия. Однако качество сырья не влияло на набор производственного инвентаря.

В литературе уже были сделаны попытки и культурно-хронологических сопоставлений позднэпалеолитических собраний Береговщины (Берегово I-II, Бигани и

Дидовой горы). По наблюдениям С.В. Смирнова, Берегово I и II близки между собой, хотя и отражают разный уровень обработки камня⁸. Что касается последнего, то сделанные скоропалительные выводы, на наш взгляд, малоубедительны, так как при этом не учитывалась специфика данных памятников, о которой говорилось выше.

Итак, единство территории распространения памятников береговской группы, большое сходство и во многом тождественность в приемах первичного расщепления камня и наборе инвентаря, практическая одновременность местонахождений позволяют говорить о принадлежности их к самостоятельной археологической культуре позднего палеолита – береговской.

При сопоставлении инвентаря береговской группы памятников с наиболее ранними позднепалеолитическими комплексами в Королево проявляются существенные отличия как в техническом плане, так и в самом наборе производственного инвентаря⁹. В индустрии Королево II орудия мустьерских и позднепалеолитических типов имеют приблизительно равное соотношение, в береговских же – орудия мустьерских типов единичны. В позднепалеолитической коллекции Королево I скребки составили 50% от всех орудий, резцов очень мало (4%), и они скорее всего сомнительны. В береговской группе индустрий скребки также преобладают, но при этом существенно отличаются от королевских своей богатой серийной стандартизацией и весьма высоким совершенством. Резцов здесь значительно больше – от II до 2I%. Им также присущи стандартизация и совершенство, характерные для развитых позднепалеолитических индустрий послепандорфского времени. В коллекциях Королево начисто отсутствуют резчики (плоские резцы), широко представленные в береговских материалах, а также долотца-стамески, проколки и некоторые другие классы орудий, характерные для береговских. И, наконец, андезитовые изделия I-го мустьерского и позднепалеолитических горизонтов Королево заметно более выщелочены, чем позднепалеолитические из такого же сырья на памятниках береговской группы, что уже само по себе свидетельствует об их более раннем возрасте.

Основываясь на сделанных выводах, следует заключить, что позднепалеолитические собрания Королево и береговские – два самостоятельных и одновременных проявления позднего палеолита в Закарпатской области.

¹ Skutil J. Paleolitikum Slovenska a Podkarpatskej Rusi. Spisy historického odboru matice slovenskej v Turcanskom sv. Martine. 1938. Sv. 4. S.126-135.

² Jankovich J. Podkarpatska Rus v prehistorii. Mukacevo, 1931.

³ Смирнов С.В. Шэньопалеолітична стоянка Берегово I на Закарпатті // Археологія. 1974. № 13. С.32-41.

⁴ Адаменко О.М., Поспелова Г.А., Гладиллин В.Н. и др. Опорные магнитобиостратиграфические разрезы антропогенных отложений Закарпатья // Изв. АН СССР (Геол. сер.). 1981. № II. С.55-71.

⁵ Там же; Адаменко О.М., Адаменко Р.С., Афанасьев Г.М. и др. Этапы образования антропогенных субэаральных отложений и палеолит Закарпатья // Общая и региональная палеогеография. Киев, 1984. С.63-75.

⁶ Адаменко О.М., Поспелова Г.А. и др. Опорные магнитобиостратиграфические разрезы...

⁷ Ситливий В.І. До питання визначення рівня пластин в палеолітичних комплексах // Археологія. 1984. № 48. С.4.

⁸Смирнов С.В. Пізньопалеолітична стоянка... С.39-41; Смирнов С.В. Нови пізньопалеолітичні місцезнаходження на Закарпатті // Археологія. 1975. № 16.

⁹Гладилин В.Н. О времени возникновения позднего палеолита в Европе // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг.: Тез. докл. XIII конф. ИА АН УССР. Днепропетровск, 1980; Гладылин В.М. Дослідження палеоліту на Україні та їх перспективи // Археологія. 1982. № 40.

И.А. Борзисяк

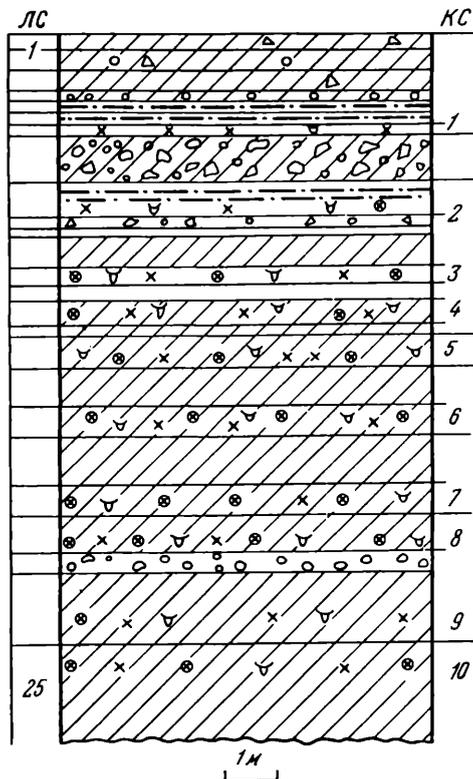
О СТРАТИГРАФИИ И КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ МНОГОСЛОИНОЙ
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КОСАУЦЫ НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ

Палеолитическая стоянка Косауцы открыта в 1978 г.¹ и исследовалась в 1981-1986 гг. Днестровской экспедицией Отдела этнографии и искусствоведения АН МССР. Она находится к северо-западу от с. Косауцы Сорокского р-на Молдовы, на второй террасе правого берега Днестра, частично разрушенной в этом месте карьером по добыче глины. В 1984 и 1985 г. на площади около 120 м² изучены I- и 2-й культурные слои стоянки. Слои 3-6-й изучены на площади 30 м², а нижележащие слои - с 7-го по 16-й выявлены только шурфовкой. Проводимые работы позволили получить интересные материалы как археологические, так и по геологии залегания культурных слоев и разделяющих их стерильных горизонтов.

Цель данной публикации - ознакомление специалистов с предварительной стратиграфией стоянки и культурной атрибуцией слоев. Стратиграфия стоянки по северной стенке раскопа и шурфа следующая (сверху вниз, рис. 1):

	Глубина, м [±]
I-3. Наносные слои. Чернозем, смешанный с супесью, отдельными кремневыми желваками, известняковой щебенкой	0,68
4. Супесь, с примесью обломочного материала. Слой представлен мелкой разложившей щебенкой, кремневыми обломками и желваками	0,86
5. Супесь светло-желтая с включением комочков глинистого материала	0,85
6. Супесь белесоватая мелкозернистая (при высыхании пылеватая, без примесей)	1,10
7. Супесь светлая. В средней части горизонта содержится первый культурный слой, который на площади раскопа имел почти горизонтальное залегание геологического горизонта, мощность слоя 7-12 см	1,26
8. Слой обломочного материала. Содержит обломки кремневых желваков, карбонатные конкреции, обломки известняка, мела. Слой имеет аллювиальное происхождение	1,80
9. Супесчанисто-суглинистая порода. В ней двумя тонкими прослойками залегают культурные слои 2а и 2б	2,20
10. Слой обломочного материала, имеющий аналогичное содержание слоям 4 и 8	2,33
11. Супесь тонкозернистая, желтая	2,45
12. Суглинок светло-желтый с примесью супеси	2,80
13. Суглинок светло-желтый. Содержит третий культурный слой с многочисленными очагами, скоплениями культурных остатков. Культурный слой мощностью 12-15 см располагается в низах геологического горизонта	3,07

*Глубинные отметки даются от дна карьера.

Р и с. 1. Схематический разрез отложений северной стенки раскопа с указанием положения культурных слоев

ЛС (1-25) — литологические слои; КС (1-10) — культурные слои; 1 — суглинки; 2 — супеси; 3 — окатанный обломочный материал; 4 — культурные слои; 5 — накатанный обломочный материал

14. Супесь светло-желтая, сыпучая	3,20
15. Суглинок светло-желтый. Вмещает в верхней части четвертый культурный слой, мощность которого достигает 12-18 см	3,50
16. Суглинок светло-желтый с примесью обломочного материала, состоящего из кремнистых желваков, известняковой щебенки	3,64
17. Суглинок светло-желтый. В нижней части слой четко отделяется от нижележащего тонкой линзой разложенной известняковой щебенки (белоглазки?). В этом геологическом горизонте залегают 5- и 5-й а культурные слои. Их мощность колеблется от 15 до 17 см, разделены стерильной прослойкой	4,15
18. Суглинок светло-желтый, плотный, вязкий	4,50
19. Суглинок светло-желтый, плотный. Содержит 4 культурных слоя, предварительно отмеченных как 6, 6а, 6б и 6в. Мощность культурных слоев достигает 7-12 см, разделены стерильными прослойками. Наиболее насыщенными культурными остатками являются 6- и 6-й б слои. В них отмечены кострища, скопления культурных остатков в виде кремней и костей животных. Слои имеют падение к северу	4,85- 5,15
20. Суглинок светло-желтый с примесью редких обломков выветренного известняка	5,40
21. Суглинок темно-желтый, плотный, вязкий. Отделяется от нижележащего слоя двумя полосками светлого песка. Содержит 7-й культурный слой	5,83

22. Суглинок темно-желтый. В средней части горизонтом в 10-12 см залегает 8-й культурный слой	6,25
23. Прослойка разложившей известняковой щебенки, возможно, на месте шурфа имеет локальное распространение	6,32
24. Суглинок темно-желтый, плотный, вязкий. В нем на расстоянии 26-30 см друг от друга залегают 9- и 10-й культурные слои	7,40

Ниже залегают плотные коричневые суглинки без культурных остатков. Шурф был прокопан до глубины 8,50 м, однако цоколь террасы еще не достигнут.

Как видно из описания, стратиграфия отложений на месте стоянки сложная: различные по составу и мощности культурные слои, супеси чередуются с горизонтами обломочного материала деллювиального происхождения, с горизонтами суглинков, преимущественно желтого цвета без существенных примесей. В верхней части разреза преобладают супесчаные прослойки, в нижней - суглинки. Всего на стоянке (с учетом результатов работ 1986 г.) известны 16 культурных слоев, три из них - Ia, Ib, и Ic - располагаются выше уровня дна карьера и выявлены в процессе зачистки восточного разреза карьера.

Слой с верхнего (Ic) до 5-го культурного образовались в промежутке времени примерно в 5 тыс. лет. Для некоторых слоев получены радиоуглеродные даты: 1-й слой - 17200 ± 300 лет назад (ГИН-4146), 2-й слой - 18200 ± 500 (ГИН-4148). Отдельно для горизонта А - 16940 ± 1215 (СОАН-2462), отдельно для горизонта Б - 19020 ± 925 (СОАН-2462). Для 3-го культурного слоя получены даты - 16160 ± 250 (ГИН-4149) и 17840 ± 550 (СОАН-2462). Для 5-го культурного слоя дата следующая - 17030 ± 180 (ГИН-4152)*. Для получения датировок нижележащих слоев собрано достаточно древесного угля. Эта пачка отложений образовалась в довольно суровых климатических условиях позднеледникового. Об этом свидетельствуют холоднотливные формы наземных моллюсков, анализ которых производился по всему разрезу отложений² ЖЖЖ. Лишь на уровне 5-го культурного слоя обнаружены некоторые пресноводные формы, что свидетельствует о том, что во время его формирования здесь непродолжительное время протекал ручей или поверхность террасы была затоплена Днестром. Изучение скорости накопления отложений, их состава и генезиса, вероятно, позволит в дальнейшем ответить на ряд вопросов геохронологии культурных слоев этой стоянки ЖЖЖ, однако уже сейчас ясно, что они образовались в самом конце плейстоцена. Этому не противоречит облик каменного и костяного инвентаря, состав фаунистических остатков ЖЖЖЖ, выявленных в культурных слоях.

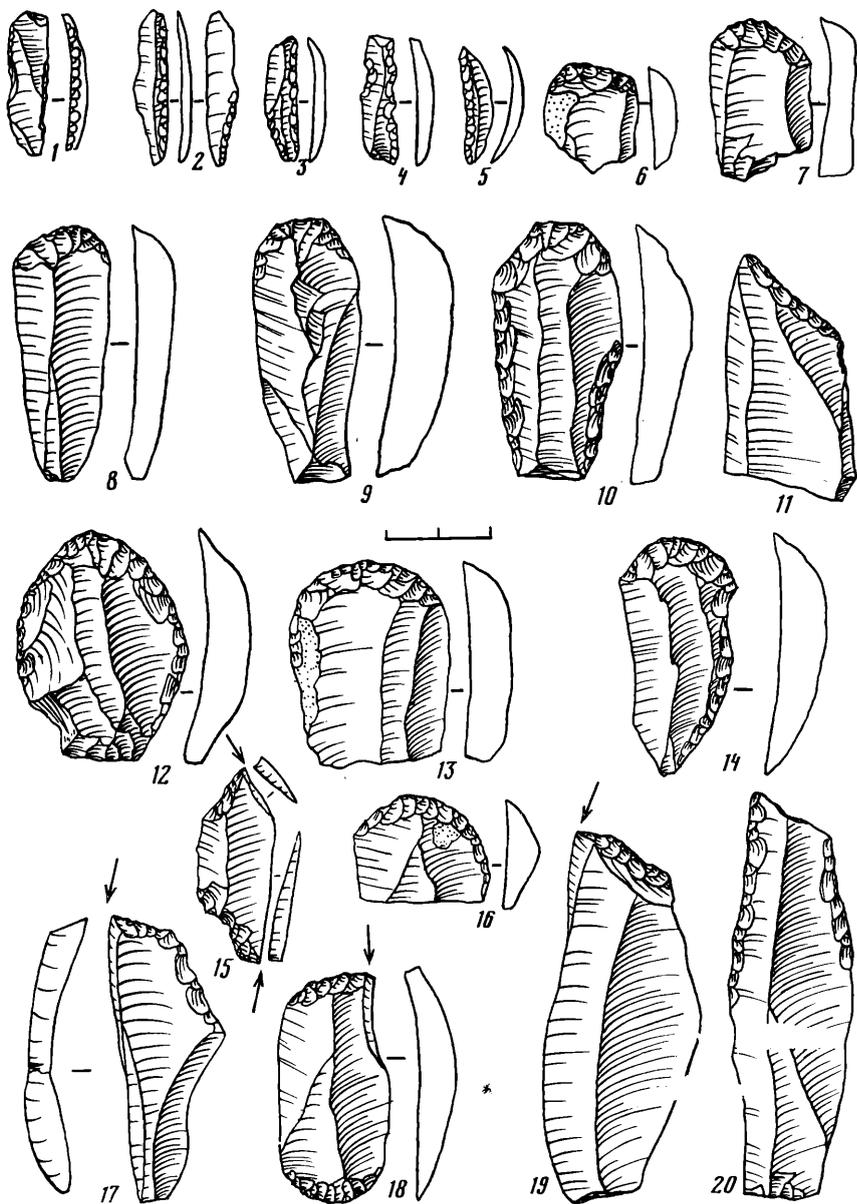
Во всех слоях стоянки отмечен примерно тот же состав фауны: северный олень, лошадь, зубр, волк, лисица и др. Следует отметить отсутствие костей мамонта (кроме некоторых изделий из бивня) и абсолютное преобладание остатков северного оленя, кости которого почти во всех слоях составляют около 80% из всех обнаруженных остеологических остатков. Можно предполагать, что обитатели стоянки вели либо специализированную охоту на северного оленя, либо сезонную, во

*Датировки осуществлены Л.Д. Сулержицким и В.А. Панычевым.

ЖЖЖ Определение малакофауны сделано М.И. Волошиной.

ЖЖЖ Геологическим изучением стоянки занимается О.М. Адаменко.

ЖЖЖЖ Фаунистические остатки определены А.И. Давидом.

Р и с. 2. Кремневые орудия, характерные для I-6 слоев стоянки Косау-цы (по З слою)

время интенсивных миграций стад этого животного. Преобладание костей северного оленя наблюдается и на других стоянках позднего палеолита Поднестровья, таких, как Молодово У (6-1-й слои), Кормань IV (5-1-й слои) и др. Специализированная охота на северного оленя (или сезонная охота) привела к тому, что в инвентаре Косауцы, подобно тому, как и в инвентаре других указанных памятников, образовался специфический набор орудий, преимущественно связанный с охотой на северного оленя и обработкой продуктов охоты (рис. 2). В этих памятниках резко сокращается номенклатурный список орудий, который кремневыми инструментами представлен в основном тремя категориями – пластинками с притупленным краем (якладшевые орудия), небольшими укороченными концевыми скребками и резцами. Среди последних преобладают боковые резцы. Резцы в целом в инвентаре указанных памятников занимают ведущее место. Это связано с интенсивной обработкой кости и рога (преимущественно северного оленя).

На стоянке Косауцы выявлено большое количество изделий из кости и рога. Среди них отметим молоточковидные инструменты из рога, мотыжки с поперечным лезвием, кинжалы с продольным лезвием из рога и трубчатых костей, которые, вероятно, использовались для снятия шкур с убитых животных и для их мездрения. Имеются также веретенообразные двуконечные острия – наконечники из рога и бивня. Отличительной чертой комплексов стоянки Косауцы является наличие (особенно во 2- и 3-м слоях) значительного количества игл с ушком.

В Косауцах, так же как и в указанных слоях Кормани IV и Молодово У, имеются многочисленные простые кострища, вокруг которых располагаются скопления культурных остатков, небольшие производственные центры по обработке кремня. А.П. Черныш связывает такие скопления с существованием на стоянках небольших шалашеобразных жилищ³. Видимо, подобные жилые сооружения были и на стоянке Косауцы (1- и 2-й слои, которые исследованы на сравнительно большой площади). Определенный интерес вызывают скопления культурных остатков, которые содержат нуклеусы, отбойники из мягких пород камня (песчаника), отщепы, осколочки, а также готовые орудия труда и их обломки. Методом ремонта на ряде таких скоплений в 1- и 2-м слоях стоянки Косауцы собраны целые нуклеусы и их части. Как составные части в нуклеусах находят свои места готовые орудия. Это свидетельствует, вероятно, о том, что на стоянке не было специализированных производственных центров только по первичной или только по вторичной обработке камня, а весь цикл от подготовки к скалыванию нуклеуса вплоть до формовки и использования орудия в трудовых операциях имел место в непосредственной близости от жилищ.

С 1-го по 6-й слои стоянки Косауцы имеют много общих черт с указанными слоями стоянок Молодово У и Кормани IV и в культурном плане могут быть отнесены к поздним этапам развития Молодовской позднепалеолитической культуры, к ее 3-6 хронологическим ступеням⁴.

¹ Борзьяк И.А. Открытие новой многослойной палеолитической стоянки Косауцы на Среднем Днестре // Археологические исследования в Молдавии в 1981 г. Кишинев, 1985. С. 3-14.

² Борзьяк И.А. Позднепалеолитическая стоянка Косауцы // Антропоген и палеолит молдавского Приднестровья. Кишинев, 1986. С. 130.

³ Черныш А.П. Палеолит и мезолит Приднестровья. М., 1973. С. 10-14; Черныш А.П. Многослойная палеолитическая стоянка Кормань. М., 1977. С. 24-86.

⁴ Черныш А.П. Палеолит и мезолит ...

СОЦИАЛЬНЫЕ И АРХИТЕКТУРНЫЕ КРИТЕРИИ
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЖИЛИЩА

К настоящему времени накоплен богатый фактический материал по позднепалеолитическим жилищам. Написан ряд обобщающих работ, в которых обосновывается выделение нескольких типов жилищ, различающихся конструктивными особенностями и планировкой; делаются попытки раскрыть социальное содержание групп людей, являющихся обитателями отдельного жилища; имеются наброски анализа экономики позднепалеолитического населения. Однако все эти проблемы еще не получили окончательного решения. Более того, остались еще не вполне выясненными и вопросы, связанные с атрибуцией археологических остатков в качестве жилищ или поселений. Недостаточно четко определены критерии жилища. Неоднозначное решение дискуссионных проблем, связанных с жилищами и поселениями, является следствием неразработанности методики их изучения, в более широком плане – несовершенством методики исторической интерпретации археологических источников.

В этой связи следует учесть то обстоятельство, что изучение позднепалеолитических жилищ и поселений, изначально ориентированное на социальные реконструкции, породило устойчивое представление о том, что сам факт наличия жилищ свидетельствует о родовых отношениях коллектива его обитателей, в более широком плане – о сформировавшихся первобытнообщинных отношениях¹. Это мнение закреплялось тем, что долгое время были известны только позднепалеолитические жилища и поселения, наличие искусственных сооружений мустьерской эпохи только предполагалось². Устойчивость суждения об органичной связи жилищ и родовой организации его обитателей была столь велика, что когда было установлено наличие искусственных сооружений в раннем палеолите, в частности в мустьерское время, часть исследователей увидела в них доказательство наличия первобытнообщинных родовых отношений в среде неардертальцев³.

Количество открытий раннепалеолитических жилищ тем временем все увеличивается. Первые мустьерские жилища были открыты А.П. Чернышем в нашей стране⁴. Известны они во Франции (Трекасат, Лейрарде и др.). Открыты жилища, датируемые раннеашельским временем (Терра Амата близ Ниццы). Предполагается наличие жилищ и у древнейших формирующихся людей Олдувайского ущелья⁵. Что же теперь? Допустить, что первобытнообщинные отношения существовали на самых ранних ступенях антропогенеза?! Видимо, такая, слишком прямолинейная логика будет ошибочной. Правильнее рассмотреть проблему с другой стороны: в свете приведенных фактов считать строительную деятельность формирующихся людей закономерным продолжением практики оборудования убежищ, широко известной в животном мире (логова, гнезда, хатки и т.п.). Возможность такого подхода допускал С.Н. Замятнин⁶.

Исходя из такого допущения, очевидно, что само явление жилища надо рассматривать в историческом контексте, в его становлении и развитии, в процессе постоянного усложнения функций жилища параллельно с формирующимся обществом. Каковы же функции жилища? Изначально – это защитная функция в биологическом смысле, как функция логова, норы и т.п. у животных. И в этом смысле наличие искусственных сооружений у ранних формирующихся людей – наследие животного мира, биологический способ приспособления к окружающей среде (с учетом, естественно, определенного уровня социальности). Уровень сложности сооружения в

данном случае не играет роли. Классический пример хаток бобров в этой связи не нуждается в комментариях.

Исходя из этого, необходимо вслед за А.Н. Рогачевым различать "убежища" для животных и "жилища" для человека⁷. В процессе становления общества усложняются и меняются функции убежищ, что постепенно приводит к возникновению жилищ с их социальными функциями.

Социальные функции жилища многогранны и включают несколько компонентов: производственные, бытовые и общественные в узком смысле слова, как взаимоотношения между людьми. Производственные функции жилище приобретает в полном объеме только в процессе второго крупного общественного разделения труда: "жилища ремесленников", когда жилище является одновременно и местом обитания, и местом производства средств к существованию. Во всех остальных случаях жилище не является основным производственным местом. В обществе охотников-собираателей таковым являются охотничьи угодья, а в жилище могут осуществляться подготовительные производственные операции типа изготовления орудий охоты и собирательства. В то же время в жилище осуществляются главным образом бытовые хозяйственные функции и воспроизводство рабочей силы. И в этом заключается основная часть производственных (в широком смысле значения этого термина) функций жилища.

Известно, что период взросления человека по сравнению с животными чрезвычайно растянут во времени, минимум до 10-12 лет. И это обусловлено прежде всего объективной сложностью процесса воспроизводства рабочей силы. Социальная функция жилища заключается как раз в том, что оно является средой для воспитания будущего члена общества. Растянута форма формирования человека как индивида во времени является в такой же мере чертой, отличающей человека от животного, как и то, что воспитание человеческого индивида невозможно без общественной среды. В этом заключается одно из принципиальных различий соотношения онтогенеза и филогенеза в человеческом обществе и животном мире.

Из изложенного с очевидностью следует то, что становление и развитие жилища надо рассматривать в неразрывном единстве со становлением и развитием общества, производственных отношений. Жилища человека в строгом значении этого термина (в отличие от убежищ животных) не могли появиться раньше, чем появилось человеческое общество. Ответ на вопрос, когда появились жилища, необходимо коррелировать с ответом на вопрос, когда появилось общество. Автор исходит из того известного и достаточно широко распространенного в нашей науке положения, что общество в готовом виде сформировалось к началу позднего палеолита⁸. Следовательно, и завершение процесса возникновения жилища может относиться к этому времени. Известные сооружения формирующихся людей раннего палеолита надо по аналогии рассматривать как формирующиеся жилища или убежища, не приобретшие еще полного набора функций, свойственных собственно человеческим жилищам. При этом очевидно то, что формирующиеся жилища архантропов и палеоантропов обладали определенным уровнем социальных свойств в соответствии с ходом формирования общественных отношений. Чем ближе к позднему палеолиту, тем этот уровень был выше. В данном случае речь идет об определении времени завершения процесса формирования жилищ и о необходимости применения термина «формирующиеся жилища» или «убежища» к тем периодам становления общества, когда этот процесс еще не был завершен.

Эти общие посылки подкрепляются конкретным археологическим материалом, появившимся в последние годы. Речь идет прежде всего об этапах становления

жилищ или вехах в возникновении домостроительства, намеченных В.П. Любиным⁹:

1. Благоустройство естественных убежищ (Чокучра).
2. Искусственное воспроизведение формы естественных убежищ (Молодова У).
3. Собственно строительство, "поиски решений, не связанных с подражанием естественным прототипам" (Молодова I).

Наконец, появились данные, свидетельствующие о зарождении элементов архитектурного искусства в строительной деятельности палеолитического человека. Появление архитектуры коррелируется со временем возникновения гомо сапиенс и искусства, т.е. теми признаками, которые традиционно связываются с готовым человеческим обществом. Признаки архитектуры фиксируются в материалах раскопок четвертого жилища на поселении Межиричи¹⁰. Его отличительная черта — четко выраженная ритмика и симметрия в укладке костей животных. Причем просмотр планов других палеолитических жилищ позволяет сделать вывод, что это явление не является исключительным для Межиричей, его можно обнаружить и в других памятниках. Отмеченная ритмика и симметрия в положении костей не связана с несущей, покровной или другими их функциями в качестве строительного материала, но определенно свидетельствует об архитектурной фантазии древнего человека и его эстетических вкусах. Начиная с древнеримского теоретика архитектуры Витрувия, рассматривавшего в единстве технический, функциональный и эстетический аспекты архитектуры, каноны классической архитектуры предполагают, чтобы каждое сооружение отвечало трем требованиям: польза, прочность, красота. До сих пор основным направлением в изучении палеолитических сооружений был анализ утилитарных и инженерных аспектов. Теперь мы можем говорить и об эстетических аспектах в строительной деятельности палеолитического человека¹¹. На этом основании можно сделать вывод о том, что архитектура как вид человеческой деятельности существует в позднем палеолите и к этому времени уже сформировалась. Сооружения позднего палеолита с элементами архитектурного искусства с полным основанием можно определять как человеческие жилища со сформировавшимся набором их функций. Для более ранних эпох уровень развития социальных и других функций сооружений надо анализировать специально, избегая слишком прямолинейного хода рассуждений: раз сооружение — значит жилище со всеми его функциями, в том числе социальными.

¹Ефименко П.П. Первобытное общество. Киев, 1953. С. 358—372.

²Там же. С. 238.

³Черниш О.П. Палеолитична стоянка Молодове У. Київ, 1961.

⁴Черныш А.П. Остатки жилищ мустьерского времени на Днестре // СЭ. 1960. № 1; Он же. К вопросу о мустьерских жилищах // КСИА. 1960. Вып. 10.

⁵Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979. С.66-67, 72-74.

⁶Замятнин С.Н. О первоначальном заселении пещер // КСИИМК. 1950. Вып.31.С.58.

⁷Рогачев А.Н. Палеолитические жилища и поселения // МИА. 1970. № 166. С.65.

⁸История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1963. С. 234-243.

⁹Любин В.П. Нижний палеолит // МИА. 1970. № 166. С. 40.

I⁰Гладких М.І., Корнієць Н.Л. Нова спорада з ністок мамонта в Межиріччі // Вісник Академії наук Української РСР. 1979. № 9.

I^IGladkikh M.I., Korniets N.L. Aesthetic aspects of construction-oriented utilisation of hunting prey by paleolithic man // XI INQUA Congress. Abstracts. Moscow, 1983. Vol. III. P. 88.

И.Г.Шовкопляс

ДОБРАНИЧЕВСКАЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА НА УКРАИНЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ, ЭКСПОНИРОВАНИЕ

Остатки стоянки находятся у х.Добраничевки, в 130 км к юго-востоку от Киева. Обнаружены они в 1952 г., раскопаны на всей площади (около 2 тыс. м²). Залегали на склоне берега долины небольшой речки, в прослое эмбриональной почвы пятиметрового слоя причерноморского лесса, на глубине более 2 м от современной поверхности. Лесс подстилается валунной глиной, желтым и озерным сизым суглинками. Стоянка существовала в условиях сурового континентального климата в окружении перигляциально-степной растительности с небольшими участками сосновых и березовых лесов¹. Фауна стоянки – мамонт (преобладает, свыше 100 особей), северный олень, песец, медведь, овцебык, шерстистый носорог, зубр, лисица, сурок степной, заяц, россомаха, белая куропатка. Во время раскопок собрано около 2,5 тыс. их различных костей.

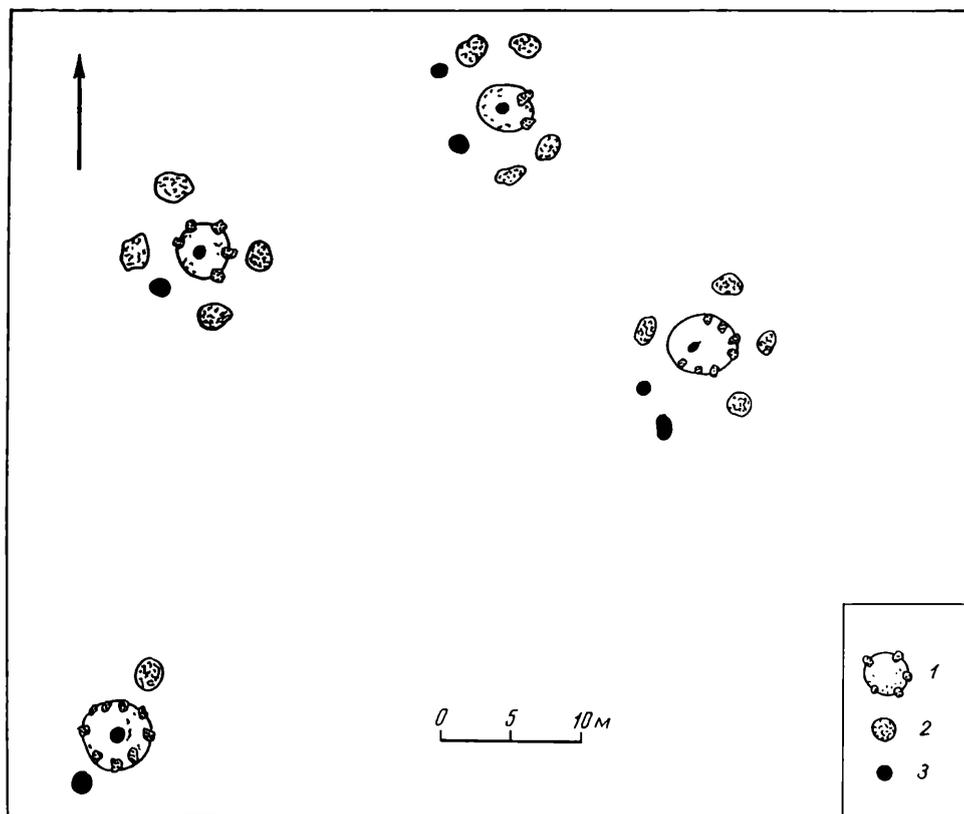
В 1953, 1967, 1969, 1970, 1973 и 1975 гг. обнаружены и исследованы остатки четырех сходных хозяйственно-бытовых комплексов², каждый из которых состоял из небольшого округлого (ок. 4 м в диаметре) жилища с очагом на полу, очагов и мест обработки камня и кости (производственных центров) вне жилища, ям-хранилищ с костями животных (рис.1,2).

Жилища были наземными, сооружались из деревянных жердей и имели вид конических построек типа чумов народов Сибири и Крайнего Севера. Их наклонные стены покрывались шкурами животных, а для утепления обставлялись и обкладывались костями животных, главным образом мамонта – черепами, тазовыми и лопатками, костями конечностей и бивнями. На местах жилищ сохранялись выразительные скопления таких костей. Расположение костей в скоплениях позволяет создать документальные реконструкции древних жилищ.

На местах производственных центров сосредоточены значительные скопления расщепленных кремней и расколотых костей животных на разных этапах их обработки в процессе изготовления разнообразных орудий труда, бытовых изделий, культовых предметов и украшений. По ним можно проследить все стадии этого процесса от сырья и заготовок до вполне законченных изделий.

Очаги вне жилищ представлены скоплениями костных углей и золы, расположенными рядом с местами обработки камня и кости (производственными центрами) или даже на их площади, свидетельствуя этим, что они имели в свое время не только бытовое (хозяйственное), но и производственное назначение. Их огонь мог использоваться при обработке кости и рога животных, бивней мамонта, дерева и других материалов.

Ямы-хранилища (кладовые), округлые и овальные в плане, глубиной до 1 м, были заполнены значительным количеством костей животных. Запасы костей служили сырьем для изготовления орудий труда и других производственных, хозяйственных и бытовых потребностей, в частности как строительные материалы и топливо. Значительная часть этих костей, даже большинство из них, по нашему

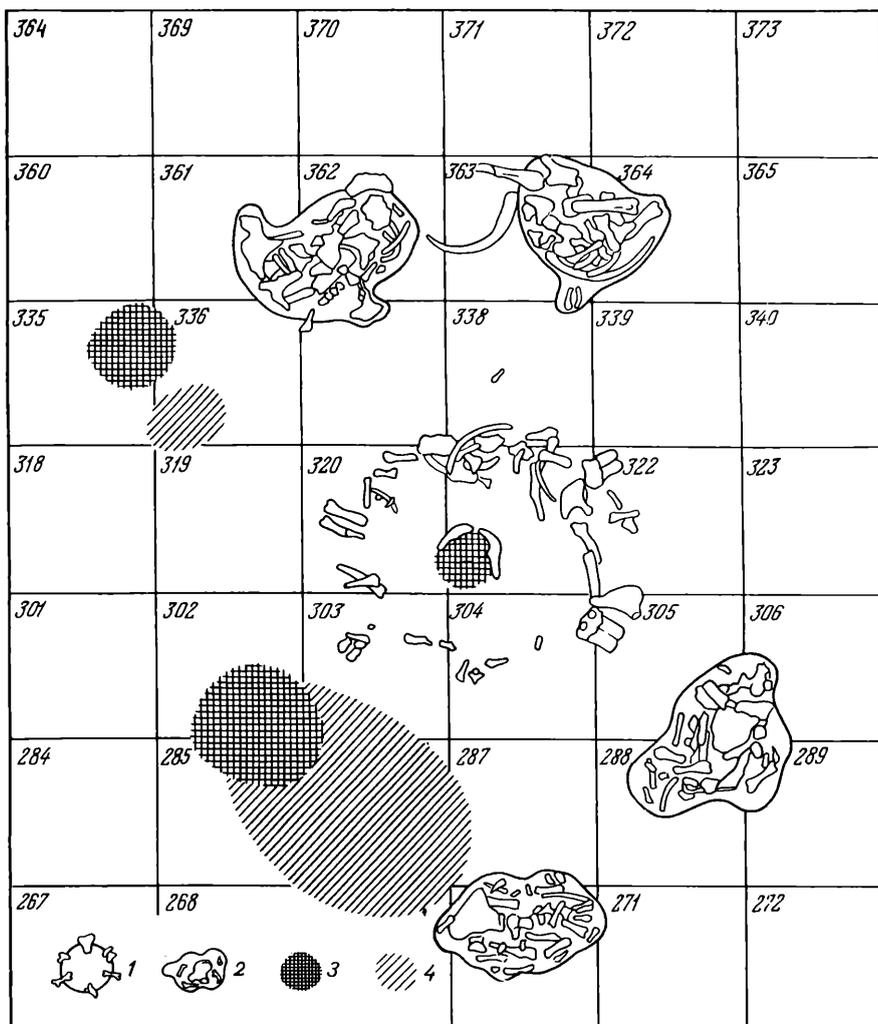
Р и с. 1. Добраничевская стоянка

1 - остатки жилища; 2 - яма-хранилище; 3 - очаг

нению, была собрана обитателями стоянки, а не получена в процессе активной охоты на животных. Наличие в ямах костей, лишенных мяса (бивни, черепа, нижние челюсти и др.), а также долго лежавших на поверхности (черепа с извлеченными бивнями при сохранившихся альвеолах, кости со следами погрызов хищниками, отсутствие эпифизов на концах трубчатых костей) и даже частично использованных в работе (нарезки на поверхности, вырезки заготовок для изделий, расчлененных вдоль и поперек), убедительно опровергают представления о том, что в таких ямах хранились запасы мясной пищи. Противоречит этим представлениям и количество костей в ямах - они были заполнены доверху, чего никогда бы не произошло, если бы кости складывались в них вместе с мясом.

Среди культурных остатков преобладают расколотые камни, кости и изделия из них. Каменные породы, использовавшиеся обитателями стоянки, встречались в ее окрестностях, главным образом в слоях валунной глины (морены) и песка. Это гранит, гнейс, кварцит, песчаник и кремль. Из гранита и гнейса изготовлены крупные ударные инструменты для дробления костей животных. Из кварцита изготовлены грубые рубящие и скобящие орудия; встречены кварцитовые плитки со следами растирания на них красной охры.

Из около 8 тыс. кремневых находок имеется почти 800 различных орудий - 10%. Такой очень высокий показатель характерен для памятников, окрестности которых бедны кремнем. Возможно, часть кремня, особенно более крупные заготовки, при-

Р и с. 2. Хозяйственно-бытовой комплекс 3

1 - остатки жилища; 2 - яма-хранилище; 3 - очаг; 4 - место обработки камня и кости (производственный центр)

носили на стоянку из других местностей. Размеры изделий преимущественно небольшие (2-5 см). Среди орудий преобладают резцы и скребки, далее следуют режущие острия на ножевидных пластинах и мелкие пластинки с затупленным краем. Встречались проколки, пластины с ретушью и выемками. Среди резцов большинство боковых на пластинках; срединные и угловые редки. Скребки на пластинах и отщепях - округлые, одинарные и двойные концевые, выемчатые. Весь набор инструментов типичен для памятников конца позднего палеолита (так называемой мадленской поры).

Наряду с кремнем, но в незначительном количестве для изготовления орудий использовался горный хрусталь как в его обычной прозрачной разновидности, так и в дымчатой - так называемой морион (раухтопаз). Из них изготовлены несколько скребков и пластинка с выемками по краю, аналогичные таким же из кремня.

Происхождение горного хрусталя на стоянке окончательно не установлено. Геологи считают его принесенным в этот район из других местностей, ближайшей из которых являются окрестности г. Смелы Черкасской обл., где имеются месторождения этого минерала. Она находится на расстоянии (по прямой) около 150 км от Добраничевки и расположена на правом берегу Днепра³. Возможно, отдельные группы обитателей стоянки посещали этот район во время своих дальних охотничьих экспедиций и приносили этот минерал на свое поселение. Вместе с тем не исключается и его местное происхождение, например, из той же валунной глины.

Не местным является также встреченный на стоянке янтарь. Наиболее вероятной местностью, из которой он мог происходить, по мнению геологов, является правый берег Днепра к северу от Киева. Из куска янтаря изготовлена уникальная схематизированная женская статуэтка, по очертаниям близкая к мезинским, изготовленным из бивня мамонта.

На многих участках площади стоянки встречены кости и рога животных с разнообразными следами обработки и работы на них. Это расколотые бивни мамонта и отрезанные рога северного оленя, ребра с вырезанными участками края, бивни с глубокими надрезами для их продольного и поперечного членения и др. Среди законченных изделий из кости заслуживают внимания молотковидные орудия из рогов северного оленя, клиновидный инструмент из стенки крупной трубчатой кости мамонта, заготовка для ложила из ребра мамонта, проколки из трубчатых костей мелких животных. Редкой находкой является землекопальное орудие из крупного ребра мамонта. С его помощью без особых усилий можно было выкопать ямы для хранения костей, углубления для очагов⁴.

Хозяйственно-бытовые комплексы в Добраничевке были обособлены друг от друга, и каждый из них, вероятно, принадлежал небольшим группам людей, из которых состояла община обитателей стоянки. Все они жили и вели свое хозяйство в значительной мере независимо друг от друга, кроме случаев участия в общешинных мероприятиях, например, облавных охотах, защите поселения и угодий и др.

По всем своим особенностям Добраничевская стоянка очень близка (а иногда и идентична) к территориально недалеко находившимся от нее Гонцовской стоянке на Полтавщине⁵ и Межиричской на Черкашине⁶, составляя вместе с ними (и другими, еще не обнаруженными или только обнаруженными, например, совсем недалеко от нее в Барышевском р-не на той же Киевщине) единую группу памятников одной из локальных культур Среднеднепровской позднепалеолитической этнокультурной области.

Близка она по многим своим чертам и к ряду других памятников этой области — Радомышльской⁷, Пушкарёвской⁸, Мезинской⁹, Киево-Кирилловской¹⁰ стоянкам, характеризуя вместе с ними разные этапы и стороны развития ее позднепалеолитического населения¹¹.

Хозяйственно-бытовые комплексы Добраничевской стоянки были отделены друг от друга участками ее площади, лишенными культурных остатков. Это обстоятельство важно для реконструкции социально-экономической жизни населения в конце позднепалеолитической эпохи. Каждый такой комплекс принадлежал небольшой обособленной группе людей, вероятнее всего, древней парной семье. Исходя из этого можно полагать, что хозяйственная и бытовая жизнь в эпоху позднего палеолита осуществлялась уже посемейно, хотя и внутри родовой общины, населявшей стоянку в целом. Обособленные группы людей — парные семьи, судя по остаткам

жилищ, были небольшими по числу их членов. Существование их в позднем палеолите теперь следует считать установленным, хотя совсем еще недавно даже их появление относилось к мезолитической эпохе.

Культурные остатки стоянки хранятся и широко экспонируются в научных учреждениях и музеях Украины. Так, археологические материалы хранятся в Археологическом музее АН УССР, а фаунистические – в Институте зоологии АН УССР. Изделия из камня и кости экспонируются в Государственном историческом музее УССР в Киеве и Яготинском историческом музее Киевской обл., а монолиты отдельных объектов одного из комплексов стоянки демонстрируются в Переяслав-Хмельницком этнографическом музее. Участок площади стоянки со всеми находящимися на нем непо потревоженными остатками ее наиболее выразительного хозяйственно-бытового комплекса (жилища с очагом, очага вне жилища, производственного центра, ям-хранилищ) сохраняется в специально сооруженном павильоне – музее "Добраничевская стоянка", филиале Яготинского исторического музея¹².

В витринах музея экспонируются наиболее характерные предметы, обнаруженные на всей площади стоянки, а на его стенах – документальные фото всех ее основных объектов и большие картины, изображающие предполагаемый вид стоянки и охоту на мамонта. Музей открыт в 1977 г. и принял уже многие тысячи посетителей, в том числе советских ученых и ученых зарубежных стран, в частности участников ряда международных конгрессов и семинаров, собиравшихся в Советском Союзе.

Создание музеев на местах сохранившихся остатков древних памятников – лучшая форма их охраны и популяризации среди ученых, специалистов и широкой общественности.

¹Дубняк В.А., Пашкевич Г.О. Вік та природні умови часу існування Добраничівської пізньопалеолітичної стоянки // Матеріали до Третього з'їзду Географічного товариства УРСР. Київ, 1975. С. 57-58.

²Шевченко А.И., Шовкопляс И.Г. Палеолит Киевского Приднепровья // Препринт Ин-та геологии АН УССР. Киев, 1982. С.16-20.

³Шовкопляс И.Г. Горный хрусталь на стоянке древнекаменного века // Природа. 1965. № 2. С.111-113.

⁴Шовкопляс И.Г. Добраничевская стоянка на Киевщине: (Некоторые итоги исследования) // МА. Л., 1972. № 185. С. 177-188.

⁵Левицкий І.Ф. Гонцівська палеолітична стоянка (За даними досліджень 1935 р.) // Палеоліт і неоліт України. Київ, 1947. Т.І. С.197-247.

⁶Пидопличко И.Г. Межиричские жилища из костей мамонта (АН УССР. Ин-т зоологии). Киев, 1976.

⁷Шовкопляс И.Г. Радомышльская стоянка – памятник начальной поры позднего палеолита // Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М., 1965. С.104-146.

⁸Борисковский П.И. Палеолит Украины: Ист.-археол. очерки (АН СССР. Ин-т истории матер. культуры. АН УССР. Ин-т археологии). М.; Л., 1953. С.176-228.

⁹Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка: К истории Среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху (АН УССР. Ин-т археологии). Киев, 1965.

¹⁰Борисковский П.И. Палеолит Украины. С. 153-175.

¹¹Шовкопляс І.Г. До питання про характер розвитку культури пізнього палеоліту (на матеріалах Української РСР і сусідніх територій) // Археологія. 1969, Т.22. С.31-54; Он же. Господарсько-побутові комплекси пізнього палеоліту // Археологія. 1971. Вип. 3. С.13-21.

Л.М. Тарасов

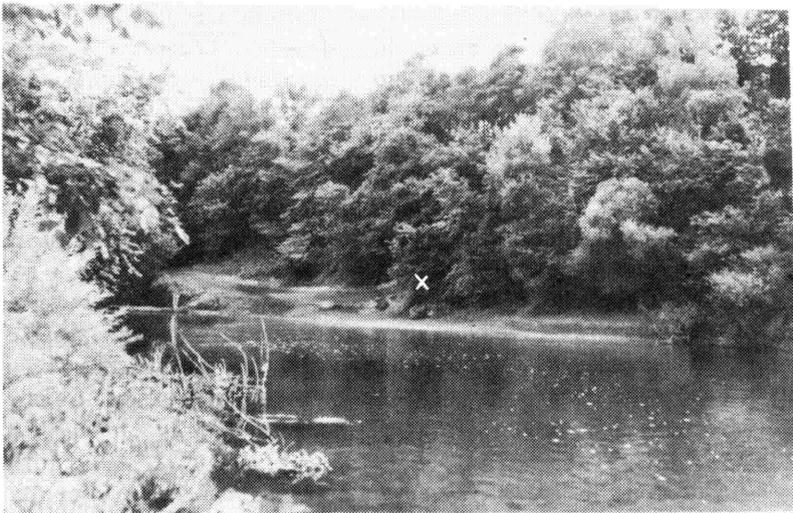
МУСТЬЕРСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ НЕГОТИНО

Неготино находится на правом берегу Десны, у северной окраины д.Неготино Жуковского р-на Брянской обл. Памятник открыт В.А.Хохловкиной в 1939 г.¹ На бичевнике Десны было обнаружено большое количество обломков кремня, а некоторые из них имели следы искусственной обработки. В заложенном здесь шурфе на уровне нижней части отложений морены обнаружены фрагментированные кремни, в том числе и со следами искусственной обработки, в частности отщеп, аналогичный найденным на бичевнике. В.А. Хохловкина приводит общую картину литологического строения отложений крутого берегового склона Десны на данном участке²:

	Глубина, м
1. Задернованная поверхность	1,5
2. Тонкозернистый песок с ортзандами	4,0
3. Суглинок с окристыми натекками, с большим количеством известковистых солей, до	2,0
4. Супесь серая, легкая	около 1,0
5. Песок серый, среднезернистый, с большим количеством крупных зерен кварца и других минералов. Кверху песок крупнозернистый	IIО
6. Морена плотная, с большим количеством кристаллических валунов разной крупности, щебенкой с острыми краями, галек и крупных кварцитовых зерен. Все сцементировано незначительным количеством тонкого суглинка. В нижней части большое скопление обломков кремня, среди которых встречаются кремни со следами обработки. По всей вероятности, это остатки морены, размытой ледниковыми водами (При посещении этого местонахождения в 1940 г. Т.Н. Трелло был найден еще один крупный отщеп в верхней части подморенных зеленых песков)	I,0
7. Зеленые мелкозернистые пески,	около 2,0
8. Плотный зелено-желтый песчаник,	видимая мощность 0,5

Таким образом, было установлено, что обработанный кремень залегает в нижней части моренных отложений. Собранный коллекция кремня насчитывает всего 15 предметов: 6 отщепов, остальные – фрагменты кремневой плитки со следами сколов. Изделия с вторичной обработкой отсутствуют. В качестве сырья использовался темно-серый полупрозрачный кремень (найденный Т.Н. Трелло в 1940 г. отщеп из темно-серого роговика). Четко прослеживаются следы окатанности и легкой патины желтоватого и голубовато-белого цвета. Местонахождение Неготино М.В. Воеводский датировал мустьерским временем³.

В недавнее время в Неготино были проведены новые небольшие исследования. В 1976 г. среди рассеянных на поверхности узкого песчаного пляжа многочисленных фрагментов плиточного кремня выявлено около десятка предметов, имеющих следы искусственной обработки. В 1981 г. сделана зачистка основания крутого склона на рубеже среднего участка песчаного пляжа⁴. От кромки русла реки зачистка отстоит на 12 м, протяженность ее 3 м, врез по основанию примерно 0,5 м (рис. 1). По зачистке прослежен разрез четко выраженного песчано-суглинисто-галечного слоя, представляющего отложения перемытой морены при-

Р и с. 1. Местонахождение Неготино. Вид с левого берега Десны.
X – место зачистки

мерно одинаковой мощности, равной 40–45 см. Слой этот залегает горизонтально на высоте 4,8 м над уровнем реки. Ниже лежит толща однородного мелкозернистого зеленоватого песка, а выше его перекрывает тонкозернистый светло-желтый очень сыпучий песок.

В моренном слое прослеживается до трех тонких, плотно сцементированных суглинистых прослоек светло-бурого цвета, каждая из которых перекрывает песчанистое заполнение разного состава. Внизу, на поверхности зеленоватого песка лежат крупнозернистый песок, обогащенный мелкой и более крупной крошкой кварца и других пород, небольшие валунчики и галька, а также обломки плиточного кремня. Выше над суглинистой прослойкой концентрируется песок крупно- и среднезернистый, слабо обогащенный мелкой крошкой разных пород с небольшим количеством более крупных объектов. На второй суглинистой прослойке лежит заполнение из средне- и мелкозернистого песка, перекрываемое еще одной суглинистой прослойкой. На некоторых участках слоя моренных отложений суглинистые прослойки сливаются или выклиниваются, или образуют обособленные линзы заполнения. В слое морены, особенно в его основании, наблюдались ярко окрашенные темно-оранжевые затеки окиси железа. На месте зачистки вместе с фрагментами кремневой плитки были выявлены и предметы со следами искусственного изготовления – отщепы и изделия с вторичной обработкой, всего более трех десятков.

В 1983 г. зачистка в Неготино была расширена на 1,5 м вниз по течению Десны⁵. Мощность слоя перемытой морены на этом участке уменьшалась до 20 см. Обнаружено здесь всего около десятка находок – это отщепы и обломок сильно фоссилизованной кости животного.

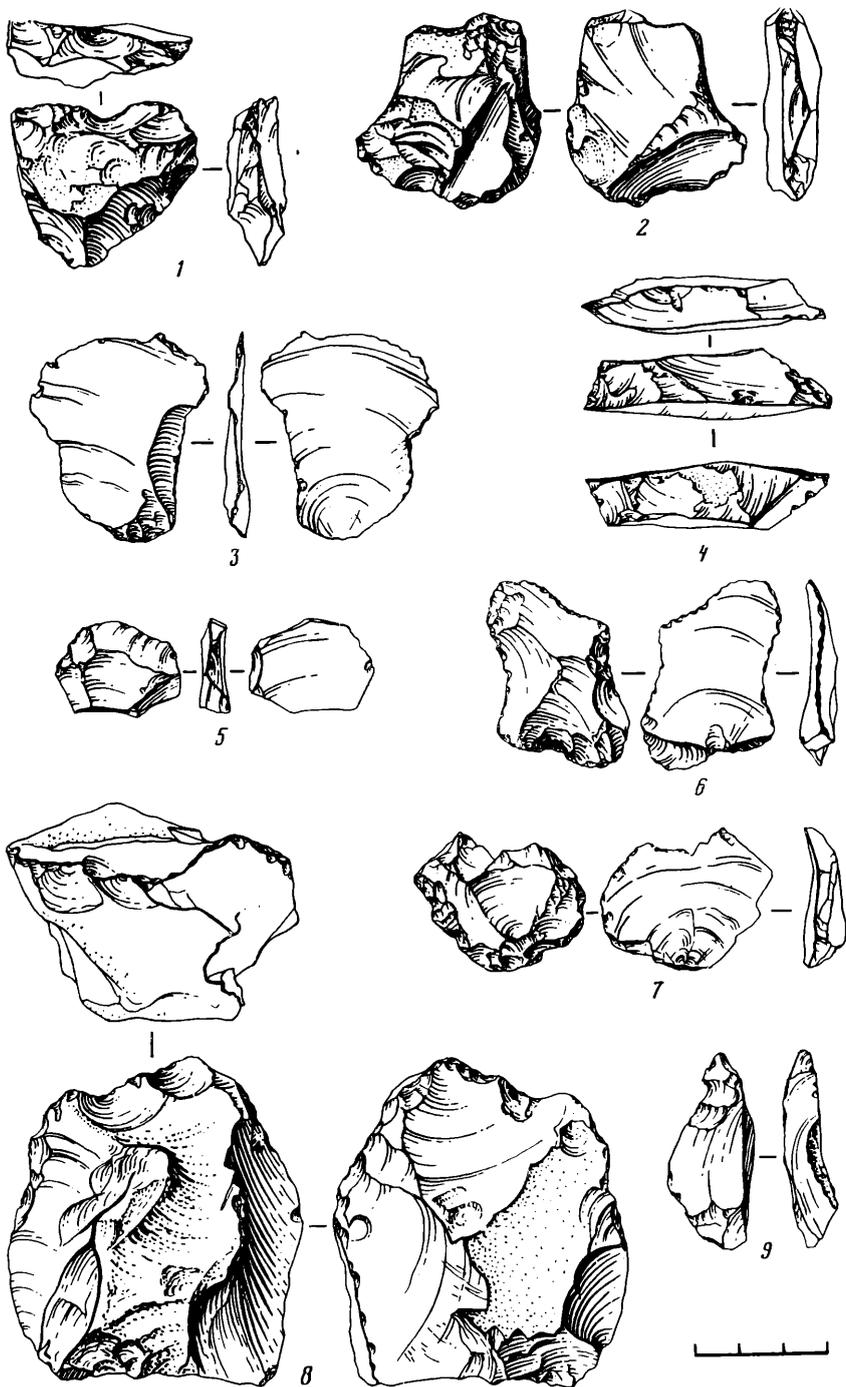
В итоге этих работ было установлено, что в хорошо выраженном слое перемытой морены, его нижней части вместе с многочисленными фрагментами плиточного кремня содержатся и изделия, в искусственной обработке которых сомневаться не приходится. Условия нахождения кремневых изделий и степень их сохранности со всей очевидностью свидетельствуют о залегании их в переотложенном состоянии.

Зачисткой в целом была вскрыта минимальная площадь – менее 3 м², а собранная при этом коллекция насчитывает свыше 40 предметов. Общая же коллекция кремневого инвентаря, полученная в Неготино в последние годы (включая и сборы на пляже), составляет 50 экз. и содержит разные изделия со вторичной обработкой.

В качестве сырьевого материала для изготовления орудий в Неготино использовался высококачественный кремнь местного происхождения, в большом количестве содержащийся в слое перемытой морены в виде разной величины фрагментов плитки. По толщине плитка разная, встречается и довольно массивная – до 4,5 см. По цвету почти весь кремнь черный, но при снятии тонких отщепов он полупрозрачный с коричневатым оттенком. Весьма редко встречается кремнь темно-серого цвета. Патины кремнь, как правило, не имеет, за исключением редких случаев наличия слабых ее следов на небольших участках поверхности. Для всего кремневого материала в Неготино характерна интенсивно, до блеска заполированная поверхность.

В собранной в Неготино коллекции кремневого инвентаря нуклеусы отсутствуют. Почти половину коллекции составляют отщепы – 24 экз. (рис. 2, 3, 5–7). Они очень разнообразны – от очень мелких до массивных крупных, а два уплощенных экземпляра с полной огранкой верхней стороны, параллельной оси их снятия, близко напоминают сколы оформления бифасов. Сохранившиеся целиком 14 отщепов по размерам распределяются следующим образом: длина до 2 см – 4 экз., до 3 см – 5 экз., до 4 см – 3 экз., до 5 см – 1 экз., 6,4 см – 1 экз.; ширина до 2 см – 3 экз., до 3 см – 4 экз., до 4 см – 5 экз., до 5 см – 1 экз., 8,5 см – 1 экз.; массивность до 1 см – 1 экз., до 2 см – 2 экз. и 2,8 см – 1 экз. Средние величины длины, ширины и массивности составляют соответственно 2,8, 3,2 и 0,8 см. Соотношение длины и ширины отщепов имеет довольно широкие рамки: $d > 2ш$ – 1 экз., $d > 1,5ш$ – 1 экз., $d \approx ш$ – 3 экз., $d = ш$ – 1 экз., $d < ш$ – 4 экз., $d < 1,5ш$ – 2 экз., $d < 2ш$ – 1 экз., $d < 2,5ш$ – 1 экз. Показатель удлинённости равен 87,5, а показатель массивности – 25. В характеристике ударных площадок наблюдается полное единообразие: все 9 определимых площадок гладкие, из них 5 имеют плоскость излома, 2 – плоскость скола и 2 – с корочным покрытием. Угол скальвания отщепов распределяется в рамках от 85 до 120°, а средний угол равен 105°. Глубина ударной площадки – расстояние от внешнего края площадки до точки удара колеблется очень широко – от 0,1 до 3,0 см, а средняя величина равна 0,8 см. Из целиком сохранившихся только 3 отщепов имеют корочное покрытие – от половины поверхности до полной. Предшествующая огранка отщепов в большинстве случаев параллельна или подпараллельна направлению скальвающего удара.

Изделия со вторичной обработкой насчитывают 15 экз., или 30% общего количества кремня. В их числе три орудия с зубчатым краем. Одно изготовлено из массивного обломка кремня 7,3 x 6,8 x 4,5 см: уплощенный более узкий край, оформленный чередующимися с той и другой стороны небольшими сколами, образует зубчатый рабочий край протяженностью 3,7 см, а противоположный – массивный, удобный для захвата рукой (рис. 2, 8). Второе орудие изготовлено из крупного отщепов 6,4 x 8,5 x 2,8 см, у которого мелкими чередующимися сколами образовано зубчатое лезвие протяженностью 3,2 см на конце правого края и 3,0 см на участке левого края. Заготовкой третьего орудия послужил отщеп средней величины 3,7 x 3,5 x 0,7 см, на левом вогнутом крае расположенные рядом три мелкие выемки образуют зубчатое лезвие. Имеются два выемчатых орудия, оформлен-

Р и с. 2. Кремневый инвентарь

1, 2 - выемчатые орудия; 3, 6 - отщепы; 4 - фрагмент изделия с двусторонне обработанным рабочим краем; 5, 7 - отщепы с ретушью; 8 - массивное орудие с зубчатым рабочим краем; 9 - орудие с выделенным режущим краем

ных на небольших фрагментах кремня: 4,1 x 4,0 x 1,3 см с выемкой глубиной 0,4 см, образованной одним крутонаправленным сколом (рис. 2,1) и 4,2 x 3,9 x 1,2 см с круторетушированной выемкой глубиной 0,2 см (рис. 2,2). Одно изделие с двусторонне обработанным краем – это удлиненный фрагмент 5,5 x 1,3 x 1,3 см, один узкий край которого с двух сторон обработан распространенной плоской ретушью (рис. 2,4). Имеется один микроскребок, оформленный на правом концевом выступе обломанного отщепа 2,1 x 2,6 x 0,9 см посредством крутой ретуши, образующей выделенный с двух сторон мелкими фасетками микроскребковый рабочий край шириной 0,3 см. Единственным экземпляром представлено миниатюрное тесловидное изделие, изготовленное из средней части отщепа 2,2 x 2,7 x 0,6 см, крутонаправленный скол с нижней стороны правого края образует желобчатое лезвие орудия шириной 1,0 см, а левый край с крутой ретушью.

Небольшую серию из шести предметов составляют изделия с выделенным рабочим краем и массивной обуховой частью. Вместе с тем каждое из них отличается индивидуальным своеобразием. Изделие типа резака изготовлено из массивного отщепа с обломанным основанием 4,2 x 4,8 x 2,4 см, у конца левого края выемкой выделен приостренный мелкими сколами с двух сторон выступ, образующий режущий край протяженностью 1,0 см. Второе подобное изделие оформлено на уплощенном сколе 5,7 x 3,9 x 1,6 см, у конца его левого края мелкими двусторонними сколами образован заостренный выступ. Заготовкой третьего орудия послужил мелкий осколок 4,4 x 1,8 x 1,0 см, у конца его уплощенного продольного края двумя крупными фасетками образована выемка, отделяющая приостренный мелкими сколами с плоской стороны режущий рабочий край протяженностью 0,6 см, а конец орудия выступает в виде тонкого жальца (рис. 2,9). Четвертое изделие оформлено на массивном отщепе с отчлененным основанием 3,7 x 3,5 x 1,6 см, на тонком правом крае двумя круто снятыми с нижней стороны фасетками образована небольшая выемка, отделяющая выступ с прямым режущим краем. Левый край отщепа массивный, с мелкой ретушированной выемкой у конца. Пятое изделие изготовлено из отщепа 3,2 x 3,6 x 1,0 см. Режущий край образован на поперечной концевой части посредством скошенных с крутыми заломы сколов. Как заготовка для шестого орудия использован удлиненный осколок 7,1 x 2,7 x 1,6 см, на уплощенном конце двумя снятыми с той и другой плоскостей заготовки выемками выделен стамескообразный выступ, подправленный крутой ретушью. И наконец, одно довольно крупное чепперовидное изделие, изготовленное из уплощенного фрагмента кремня 12,0 x 7,8 x 3,6 см. Приостренный несколько вогнутый рабочий край протяженностью 7,0 см образован плоскими сколами с одной стороны и широким крупным снятием – с другой. Массивный край, противоположный рабочему, служил обуховой частью орудия.

В коллекции имеется еще 18 экз. осколков кремневой плитки разных размеров, некоторые из них с негативами единичных сколов или фасеток ретуши. Кроме того, в коллекцию входят четыре отбойника – окатанные обломки кварца и кварцита со следами от ударов на выступающих участках. Найден и небольшой обломок сильно fossilized кости животного с хорошо сохранившейся губчатой тканью.

Рассмотренная коллекция невелика по объему, но дает определенное представление о памятнике. Для кремневого инвентаря характерна общая неразвитость техники первичного расщепления. Это выражается в полном отсутствии какой-либо стандартизации заготовок, подправка ударных площадок не производилась, в большинстве случаев в качестве заготовки использовался естественный фрагмент

кремневой плитки. Применявшаяся техника вторичной обработки сводится к нескольким вариантам ретуши и снятия единичного скола. Среди законченных орудий выделяются группа зубчато-выемчатых и группа с выделенным режущим краем, другие представлены единичными экземплярами. Крупные орудия, оформленные на массивных заготовках, придают коллекции архаичный облик.

Таким образом, кремневый инвентарь Неготино характеризуется общей неразвитостью и архаичностью. Учитывая это и условия залегания (основание перемытой рисской морены), памятник может быть датирован раннемустье́рским временем, а возможно, и домустье́рской эпохой. Основываясь на анализе типологического состава законченных орудий, местонахождение Неготино следует, по всей вероятности, относить к зубчатому варианту. Поскольку Неготино находится в переотложенном состоянии, то трудно судить о типе памятника. Однако общий состав кремневого инвентаря, в котором отсутствуют нуклеусы и большой удельный вес составляют изделия с вторичной обработкой, скорее всего указывают на то, что остатки поселения были разрушены.

По условиям залегания Неготино идентично с расположенным в 200 м местонахождением Неготино на Руднянке⁶. Такое же положение занимает и удаленное примерно на 25 км вниз по Десне местонахождение Хотылево I⁷. Все эти памятники переотложены и связаны с одним и тем же литологическим уровнем – отложениями перемытой рисской морены. Кремневый инвентарь Неготино имеет некоторые черты сходства с материалами местонахождения Неготино на Руднянке.

¹Береговая Н.А. Палеолитические местонахождения СССР. М.; Л., 1960. С.24.

²Хохловкина В.А. Находки раннего палеолита в Орловской области // БИЧП. М.; Л., 1947. № 9. С.80–81.

³Воеводский М.В. Кремневые изделия из сборов Орловского отряда Деснинской экспедиции // БИЧП. М.; Л., 1947. № 9. С.81–83; Он же. Находки раннего палеолита в бассейне р. Десны // СА. 1950. № 12. С.217–230; Он же. Ранний палеолит Русской равнины // Ископаемый человек и его культура на территории СССР. Учен. зап. МГУ. М., 1952. Вып. 158. С.9–48.

⁴Тарасов Л.М. Исследование мустье́рских стоянок на Десне // АО 1981 г. М., 1983. С.92.

⁵Тарасов Л.М. Результаты работ Деснинской экспедиции // АО 1983 г. М., 1985. С. 87–88.

⁶Тарасов Л.М. Мустье́рское местонахождение Неготино на Руднянке // КСИА. 1987. Вып. 189. С.65–69.

⁷Заверняев Ф.М. Хотылевское палеолитическое местонахождение. Л., 1978.

Н.Д. Праслов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРАСОК В ПАЛЕОЛИТЕ

Всеми исследователями позднепалеолитических памятников хорошо известно, что одним из характерных признаков культурного слоя является его окрашенность. Красная краска, иногда сравнительно чистая, иногда смешанная с суглинком и мелкими частицами древесного или костного угля, придает слою, образовавшемуся на месте древнего поселения, розоватый или сиреневый оттенок. Судя по ее постоянному присутствию, нельзя сомневаться в том, что она играла значительную роль в жизни первобытного человека, и не только в различного рода культовых

обрядов, но и в искусстве, не связанном с магической семантикой. Предполагается, что первобытные люди раскрашивали свои тела и одежду, различные вещи. Однако судить об этом можно лишь по косвенным данным из этнографии, так как органические материалы в плейстоценовых отложениях не сохраняются. Поэтому о палеолитических красках писали, главным образом используя наскальные рисунки. В поселениях лишь фиксировали наличие красной краски в виде россыпи, иногда указывали на присутствие комочков железистых минералов, из которых путем обжига добывалась эта краска.

Наиболее раннее употребление краски, по имеющимся в настоящее время сведениям, относится к ашельской эпохе. По свидетельству Ф.Бурдьё, кусочек красной краски со следами скобления найден в ашельском слое Терра-Амата¹. Но наиболее частые и достоверные находки известны из памятников мустьерской поры². Кусочки красной и черной краски найдены в Ля Феррасси, Ля Кина, Пеш-дель-Азе и многих других пещерах Франции. Кусочек краски найден в погребении неандертальца в Ля Шапель-о-Сен. На некоторых кусочках краски из мустьерских памятников Ф.Борд отмечал сошлифованность, образовавшуюся в процессе их употребления. Такие кусочки Ф.Борд условно называл "карандашами"³.

Скобление кусочков минеральной краски, наблюдавшееся, например, Б.Вандермершем в мустьерском слое пещеры Кафзех⁴ на Ближнем Востоке, указывает на то, что краска использовалась не только кусочками, но и в порошковидном состоянии. Красная краска россыпью, т.е. в виде порошка, зафиксирована в культурном слое мустьерского поселения Носово I в Приазовье⁵.

Особенно широкое использование красок отмечается в эпоху позднего палеолита. На местах поселений образовывались мощные линзы интенсивно окрашенной материнской породы. Повышенная концентрация краски часто отмечается около очагов, в которых пережигались железистые конкреции для получения этой краски. К сожалению, археологи не всегда обращали достаточное внимание на краску. Обычно в своих статьях и отчетах о раскопках ограничиваются простой констатацией наличия "охры", как часто исследователи обозначают краски любых тонов, причем преимущественно не охристые, а красные. Анализами таких красок не занимались. Часто их даже не сохраняют в коллекциях, обобщенно описав в дневниках. Не делали попыток и классифицировать их, хотя в этом была необходимость, поскольку встречались красители большого спектра. Технология их изготовления, химический состав, да и спектр оставались без внимания. Обычно полагали, что первобытные люди использовали находки естественной краски. Не было анализов даже для пещерной живописи. Только недавно французские исследователи поняли, сколько информации они теряли, и появились первые серьезные результаты, выполненные для пещеры Ляско⁶. Группой специалистов были произведены тщательные химические и рентгеноструктурные анализы красок, найденных в пещере, проделаны эксперименты. Результаты этих исследований показали, что первобытные люди использовали не только естественные красители, которые находили в окрестностях, но и научились добывать их сложным путем.

Наиболее часто в позднепалеолитических памятниках Восточной Европы встречаются краски темно-вишневого цвета. Как правило, в этих же памятниках находят и обломки железистых конкреций. На некоторых кусочках можно видеть следы соскабливания красящего вещества. При раскопках верхнего культурного слоя Костенок I в 1931-1936 гг. П.П. Ефименко обратил внимание на то, что обломки железистых конкреций сосредоточены около очагов и высказал предположение, что обитатели стоянки получали краску путем обжига железистых соединений⁷. Поставленные эксперименты полностью подтвердили это предположение.

В окрестностях Костенок, да и вообще на Русской равнине, в песках меловой эпохи встречается много железистых конкреций типа сферосидерита (округлых конкреций с лучистым строением) и лимонита. Они найдены на многих палеолитических стоянках. Подобные конкреции мы помещали в костер, и уже через полчаса наиболее рыхлые ржавые участки становились темно-вишневыми и можно было соскабливать красную пудру. Длительный обжиг давал еще больший эффект. Через 6–10 час. почти вся конкреция становилась темно-вишневой и ее можно было растолочь до порошковидного состояния. Правда, некоторые участки конкреций становились еще более прочными и принимали металлический оттенок. Очевидно, часть железа, особенно на поверхностных участках, переходила в окисное состояние, а в глубине оно сохранялось наиболее чистым.

Процесс перехода окиси железа из одного состояния в другое является очень сложным и дает много форм, которые находят отражение в спектре рыхлых красителей. Из подобных конкреций мы получали не только красную краску, но и пудру охристых тонов. Это характерно, например, для переходного состояния от гетита к гематиту. Гидроокислы железа типа гетита дают, как правило, настоящую охру. Гематит и магнетит дают темно-красные тона. Большое значение для цвета имеет также участие окислов алюминия и каолинита. Проблема получения темно-вишневой краски палеолитическими людьми решена экспериментально очень надежно. Краску более светлых алых тонов первобытные люди, по-видимому, добывали из плиоценовых и более древних кор выветривания. Основу красящего вещества и в этой краске составляют окислы железа при большом влиянии гидроокислов алюминия. Тонкие глинистые частицы полностью прокрашены и вся масса в целом имеет плотный густой красный цвет.

Сложнее обстоит дело с анализом черной краски, встречающейся в наскальных рисунках и на некоторых костяных предметах. Ее могли получать из древесного и костного угля. Но на многих предметах в Костенках на Дону и в Межиричах в бассейне Днепра черная краска имеет вороненый оттенок металла. Уголь не дает такого оттенка. Судя по анализам из пещеры Ляско, такая краска получалась из двуокиси марганца. В Ляско найдено более сотни кусочков окиси марганца, использовавшихся для нанесения черных рисунков. По-видимому, и в Восточной Европе для получения черной краски наряду с углем использовалась также двуокись марганца. Данные спектральных анализов, выполненных в лаборатории ЛОИА АН СССР В.А. Галибиным, указывают на неоднородность черных красителей. Один из образцов черного цвета, отобранный из культурного слоя стоянки Межиричи (материалы Н.Л. Корниец), показал в своем составе до 30% двуокиси марганца.

Качественный спектральный анализ и изучение внешнего вида, структуры и магнитности образцов красок из костенковских стоянок, Авдеева и Межиричей дали следующие результаты. Желтые красители типа охры настоящей представляют собой лимониты. Экспериментальный обжиг кусочков лимонита из сеноманских песков в Костенках показал, что при нагревании их образуется ярко-вишневый краситель с сильно магнитными свойствами (магнетит). Бурые, красные и темно-вишневые красители представляют собой окислы железа в виде гематита. Более светлые по тону образцы имеют примесь кремнезема или глинистых частиц. Один образец из Костенок XXI показал около 30% двуокиси марганца. Все красители содержат в большей или меньшей степени кремнезем и глинистые частицы.

Анализы красок из верхнего культурного слоя Костенок I, растертых в ступке и нанесенных тонким слоем на бумагу, показали аналогичные результаты, как

и кусочки. Желтые тона получались из охристого лимонита, а ярко-красные и темно-вишневые красители добывались из гематита.

Данные анализы, к сожалению, фиксируют только кристаллические компоненты фазового состава минералов (аморфные компоненты рентгеноструктурным анализом не обнаруживаются) и касаются только основных составляющих минеральной смеси, поскольку минералы в концентрациях менее 5-10% обычно не фиксируются.

В процессе раскопок второго жилого комплекса верхнего культурного слоя Костенок I нами было обнаружено несколько ямочек разной формы, в которых хранились различные краски: темно-вишневая, алая, белая и охра настоящая. В одной из ямочек было встречено более 3 кг чистой красной глинистой краски, а на дне другой, более глубокой ямки собрано 25 кг краски. На палеолитической стоянке Боршево II, в верхнем культурном слое И.П. Ефименко в 1923 г. найдена одна из створок раковины моллюска, наполненная ярко-красной краской, которая была "предварительно растерта и с чем-то смешана"⁸.

Интересная находка сделана в 1976 г. при раскопках Гмелинской стоянки в Костенках. В культурном слое, в чистом суглинке было обнаружено ребро мамонта, окрашенное в красный и черный цвет. Краска сохранилась пятнами, причем можно предположить, что она стерта на том участке, за который это ребро удобно держать в руке. В некоторых местах можно проследить, как красная краска перекрывает черную. Особенно интенсивно окрашена головка ребра, имеющая легкую замятость в результате ударов. Можно предположить, что это ребро представляло собой ударник наподобие роговых и костяных колотушек, употреблявшихся в Мезине в качестве музыкальных инструментов⁹.

В процессе работы над проблемой использования красок в палеолите приходится сталкиваться с очень большими трудностями. Красные и желтые краски выделяются легко. Гораздо сложнее обстоит дело с выделением черной и белой красок, которые имеют большое сходство по внешнему виду со многими естественными образованиями. Только в последние годы раскопок верхнего культурного слоя нам удалось найти относительные критерии выделения из огромной черной углистой массы отдельных комочков черной краски, а также выявить ряд скоплений белесой массы, представляющей собой толченый мел. Белую краску, таким образом, удастся установить только благодаря локализации в культурном слое. Черную краску зачастую невозможно отличить от естественных черных пленок двуокиси марганца, выпадающей на костях в процессе фильтрации жидких растворов солей, сопровождающих почвообразование. Поэтому иногда можно встретить окрашенные в черный цвет кости ископаемых животных, никак не связанные с деятельностью человека. При сильном увеличении такая окрашенность имеет очертания ветвистых дендритов, марганцовистая пленка ложится на поверхность кости без проникновения в костное вещество. При искусственном окрашивании костяных изделий черной краской наблюдаются следы втирания красящего вещества в поры поверхности кости вместе с органическими связующими веществами. К сожалению, определение органических связующих материалов (это могли быть жиры или кровь, как свидетельствуют этнографические данные) до сих пор не выполнено.

Находка ребра мамонта с гравированными насечками и следами черной и красной краски в нижнем культурном слое Костенок XXI, а также диадемы из Костенок XXI с узкими черными полосками по краю с внутренней стороны заставили пересмотреть искусство малых форм из ряда палеолитических стоянок. И хотя эта ревизия носила эпизодический характер, наблюдения оказались исключительно интересными.

Так, например, в верхнем слое Костенок I имеются костяные и каменные изделия, окрашенные или в красный, или в черный цвет. Женские статуэтки, изготовленные из камня, окрашены красной краской. Они, как правило, разбиты еще в древности обитателями стоянки. Статуэтки из бивня мамонта окрашены в черный цвет. Они, как правило, сохранились лучше. На них нет следов искусственного разбивания. Обычно, говоря о разбивании статуэток в древности, ссылаются на фигурку, найденную П.П. Ефименко в Костенках I в 1923 г. Однако у нее четко фиксируются свежие сломы ног и шеи, происшедшие скорее всего во время раскопок.

Следы черной краски сохранились и на многих женских статуэтках из Авдеева, как из старого, так и из нового комплексов. Благодаря помощи М.Д. Гвоздовер, мне удалось просмотреть многие костяные изделия из Авдеева и на многих из них отметить следы окрашивания. Особенно выразительны следы черной краски на одном из обрубленных бивней. Четкие полосы шириной в палец вычерчивают сложную криволинейную фигуру, напоминающую тамгообразные знаки.

В Костенках I накапливается все больше данных о том, что красная и черная краски широко использовались для окрашивания не только предметов искусства, но и бивней, и плоских костей мамонта, входивших в конструкции кровли землянок. Например, в землянке на кв. ф-4-69-70 бивни были окрашены в красный цвет. Абсолютно в таких же условиях в землянке на кв. г-е-66-67 все бивни были окрашены в черный цвет.

Не менее выразительная картина наблюдается в Мезине. Там собрано много окрашенных красной и черной красками костей и костяных изделий. Причем устанавливается планиграфическая дифференциация. В комплексе, раскопанном в 1908-1914 гг., собраны замечательные фигурки из бивня мамонта, трактуемые разными исследователями по-разному: как женские изображения или фигурки птиц¹⁰. Они все окрашены в черный цвет. Здесь же найден прекрасной сохранности широкий браслет из бивня мамонта, также окрашенный черной краской. Комплекс, раскопанный И.Г. Шовкоплясом в 1954-1961 гг., дал серию костей с росписью красной краской. Налицо планиграфическое несоответствие использования двух типов красок, которые практически всеми народами мира употребляются для противопоставления.

Несомненно, иную роль играла белая краска, которая пока установлена хорошей серией лишь в верхнем слое Костенок I. Эта краска, по-видимому, играла также важную роль в жизни палеолитических охотников, однако выделить ее в культурном слое очень сложно. Думаю, что она пропущена при раскопках в Мезине и Межиричах. На такую мысль наталкивает кусочек каолинита, сохраненный в коллекции Межиричей.

Серии окрашенных красной и черной красками изделий выявлены, помимо указанных стоянок в коллекциях Гагарино, Хотылево II, Удиново, Елисеевичи, Тимоновка на Русской равнине, а также очень ярко в сибирской стоянке Мальта. Мальтинские статуэтки окрашены в черный цвет двуокисью марганца (определение А.И. Косолапова в Государственном Эрмитаже). Особенно выделяется одна из них с хорошо моделированным черным лицом - своеобразная "черноликая мадонна". На многих костяных изделиях из Мальты сохранились следы черной краски, но имеется и несколько предметов, окрашенных в яркий красный цвет киноварью (округлая бляшка с резным орнаментом и загадочное объемное изделие с точеным орнаментом). К сожалению, планиграфический анализ мальтинских находок выпол-

нить не удалось. Поэтому неясно, в каком соотношении встречены красные и черные предметы.

Большинство народов мира придает большое значение семантике использования красок. Несомненно, это относится и к палеолитической эпохе. Однако мы не можем напрямую интерполировать семантику того или иного цвета на палеолит, поскольку значение красок сильно варьирует у разных народов. Красный цвет, например, употребляется совершенно по-разному у народов Южной Азии и в Африке. То же самое относится к черному и белому. Во многих случаях цветовая символика соотносится с противопоставлением полов и имеет социальную обусловленность, хотя и не всегда. В некоторых случаях, по данным этнографии, красное и белое выражают именно противопоставление полов, но в материалах позднепалеолитических памятников постоянно присутствует черный цвет, который может быть в некотором отношении для нас наиболее интересным из всех.

Детальный планиграфический анализ размещения окрашенных вещей на палеолитических поселениях и сопоставление с данными этнографии открывает некоторую перспективу более глубокого проникновения в духовную жизнь первобытного человека, а также в социальную структуру исчезнувших обществ.

¹ Bourdier F. Prehistoire de France. P., 1967.

² Bordes F. Le Paleolithique dans le Monde. P., 1968.

³ Bordes F. Sur l'usage probable de la peinture corporelle dans certaines tribus moustériennes // BSPF. 1952. T. 49.

⁴ Vandermeersch B. Découverte d'un objet en ocre avec traces d'utilisation dans le Moustérien de Jafzeh // BSPF, 1969. T. 6, N5.

⁵ Праслов Н.Д. Мустьерское поселение Носово I в Приазовье // МИА. 1972. № 185.

⁶ Leroi-Gourhan Arl., Allain J. Lascaux inconnu. P., 1979.

⁷ Ефименко П.П. Первобытное общество. Киев, 1953. С.410.

⁸ Там же. С.299.

⁹ Бибииков С.Н. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Киев, 1981.

¹⁰ Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка. Киев, 1965.

В.И. Усик

О РЕКОНСТРУКЦИИ ПРИЕМОВ ПЕРВИЧНОГО РАСЩЕПЛЕНИЯ КАМНЯ В ПАЛЕОЛИТЕ

В последние десятилетия внимание археологов привлекают нетрадиционные методы исследования палеолитических памятников. В этом аспекте большой интерес проявляется к методу так называемого ремонтажа. Этот метод имеет свои давние истоки. Еще в конце прошлого века Ф.Спуррелл подобрал сколы к леваллуазскому нуклеусу¹. В отечественном палеолитоведении подобные попытки ремонтажа предпринимались И.Ф. Левицким, Г.А. Бонч-Осмоловским, М.В. Воеводским². Однако эти новаторские изыскания имели эпизодический характер и на своем этапе развития науки в силу разных причин не привлекли к себе должного внимания.

Независимо от отечественных разработок, но в значительно более позднее время метод ремонтажа получил толчок к развитию в зарубежной археологической науке в связи с детальнейшим исследованием А.Леруа-Гураном и М.Брезийоном культурного слоя стоянки Пенсеван³. С этого момента практика соединения кре-

мневых артефактов между собой в той или иной мере используется специалистами как за рубежом, так и у нас.

Если попытаться обобщить направленность ремонтных разработок в палеолите на начальном этапе развития этого метода, то нельзя не заметить, что они выливались в основном в решение планиграфических задач. Меньше внимания уделяется собственно реконструкции способов первичного расщепления камня, определению закономерностей и логики этого процесса в диалектическом понимании его существа. Между тем, именно это направление научного познания, во всяком случае в настоящее время, как кажется, должно стать главенствующим в наших попытках воссоздания приемов обработки камня в палеолите. Особую остроту представляет проблема изучения камнеобрабатывающего производства на переломных этапах, при переходе от одной эпохи к другой.

Реконструкция и исследование техники первичного расщепления в начальную пору позднего палеолита стали возможны после открытия в Закарпатье двух неперекрывающихся горизонтов (2 культурный слой Королево II и Ia культурный слой Кокорево I), относящихся к самым ранним проявлениям позднепалеолитической индустрии⁴.

Основным материалом, использовавшимся на этих стоянках для изготовления орудий был андезит, в меньшей мере применялся кремль, кварцит, сланец. Поэтому вначале была выработана методика восстановления каменных изделий на редком для данных местонахождений сырье. Затем с помощью выработанных таким образом методических принципов реконструировались довольно однородные по своим внешним признакам андезитовые артефакты⁵.

Во 2 культурном горизонте Королево II, насчитывающем более 7 тыс. предметов, было восстановлено около 10% индустрии. Эти данные послужили основой комплексного изучения техники первичного расщепления камня, а также выяснения технологических особенностей системы получения заготовок на местонахождении.

Обычно археологи, рассматривая материалы переходных памятников от мустьерской эпохи к позднему палеолиту, довольно упрощенно относятся к ядрищам с параллельной огранкой. При этом главным критерием при их разграничении между мустьерскими и позднепалеолитическими выступает степень выпуклости рабочей поверхности. Если нуклеусы плоскостные, то их, как правило, относят к мустьерским, прибавляя при этом органически не присущий этим нуклеусам термин "леваллуа". В коллекции 2 культурного горизонта были представлены плоские нуклеусы с параллельной огранкой рабочей поверхности, которые имели одну плоскость расщепления. После их реставрации стало ясно, что параллельные биперодольные объемные в начале раскалывания ядрища в конце утилизации превращались в плоские одноплощадочные (в понимании многих археологов-палеолитоведов) мустьерские нуклеусы. Судя по реконструкциям, последовательность утилизации таких плоскостных нуклеусов никоим образом не выпадает из общей системы раскалывания ядрищ 2 культурного горизонта Кокорево II, отделение заготовок с которых было приостановлено еще на объемной стадии. Собственно, весь процесс расщепления во 2 слое состоял из таких этапов: 1) подготовка ударных площадок; 2) создание продольного в большинстве случаев двустороннего бокового ребра; 3) последовательная утилизация ядрища, которая начиналась со снятия первой реберчатой пластины.

Главное отличие первичного раскалывания в этом горизонте и, как кажется, в позднем палеолите вообще, от расщепления мустьерских ядрищ для пластин сос-

тоит в преднамеренном предварительном оформлении продольного бокового ребра на нуклеусах. Если мы попытаемся сопоставить мустьерскую технику параллельного расщепления с такой же позднепалеолитической, то заметим одну особенность: в мустьерских комплексах начисто отсутствуют либо единичны реберчатые пластины. Складывается впечатление, что эта разновидность сколов является одним из существенных реперов при перерастании техники параллельного скалывания раннего палеолита в технику параллельного скалывания позднего палеолита. Следовательно плоские нуклеусы 2 культурного горизонта Королево II, расщепление которых начиналось с создания продольного ребра, а затем от которых отделялись наиболее удлиненные пластины, не имеют ничего общего с мустьерскими.

Во 2 слое не найдено бессистемных, дисковидных и леваллуазских нуклеусов. Специальное изготовление мустьерских ядрищ для орудий мустьерского облика в этом горизонте не практиковалось. Из пережиточных элементов в технике первичного расщепления сохраняется только традиция фасетированной подправки ударных площадок. Индекс подправки пластин: широкий - 32,4%, узкий - 8%.

О дальнейшем развитии техники первичного расщепления камня дают представление реконструкции нуклеусов Ia культурно-хронологического комплекса Королево I. Коллекция этого горизонта составляет более 5 тыс. предметов. С помощью метода ремонтажа здесь восстановлено более 20% индустрии. Анализ реставрированных нуклеусов позволяет практически полностью воссоздать процесс их расщепления и выяснить его закономерности. Генетическая преемственность в подготовке на нуклеусах реберчатых продольных граней от 2 культурного горизонта Королево II к Ia культурному слою Королево I сохраняется как общая технологическая тенденция. Прогрессивные черты просматриваются в подправке ударных площадок - количество фасетированных уменьшается более чем втрое. Если для 2 горизонта характерна непрерывная подправка площадок сколов после каждого очередного снятия, то в Ia горизонте этот процесс заменяет полное обновление отбивной плоскости после снятия серии пластин ударом со стороны рабочей поверхности.

Проведенная реконструкция позднепалеолитической техники первичного расщепления на местонахождениях Королево II и Королево I представила следующие основные данные: 1) плоскостные нуклеусы параллельного скалывания являются остаточными ядрищами, утилизация которых на всем процессе предшествующего расщепления имела призматический характер; 2) важнейшим профилирующим признаком позднепалеолитической техники раскалывания является преднамеренная предварительная подготовка реберчатых граней на нуклеусах; 3) подправка площадок в одних случаях (Королево II) производилась мустьерскими приемами ретуширования, в других (Кокорево I) преимущественно поперечным широким снятием так называемого "подживления"; 4) на Королево II наряду с одноплощадочными нуклеусами широко были представлены двуплощадочные ядрища бипродольного снятия, на стоянке Королево I практически все нуклеусы одноплощадочные.

Итак, реконструкция приемов первичного расщепления камня подвела нас к решению вопросов общих закономерностей развития палеолитических индустрий и конкретному объяснению различий в технике обработки камня в начальную пору позднего палеолита, в первую очередь на материалах 2 культурного горизонта Королево II и Ia культурного горизонта Королево I.

В общем плане произошел переход от бессистемной, радиальной, параллельной и леваллуазской техник, обычных для мустьерской эпохи к технике единообраз-

ной, параллельной, позднепалеолитической.

Существенным индикатором для отнесения параллельной техники расщепления исследуемых местонахождений к позднепалеолитической является такой выраженный технологический прием в первичном раскалывании, как предварительная подготовка боковой реберчатой грани на нуклеусах. Представляется, что это одно из самых важных, принципиально новых достижений пластинчатого производства начальной поры позднего палеолита, ставших впоследствии обыденным явлением техники обработки камня в позднем палеолите.

Анализ этих данных в сочетании с традиционным технико-типологическим изучением комплексов Королево II и Королево I позволяет прийти к таким заключениям: 1) индустрия 2 культурного горизонта Королево II и 1a горизонта Королево I являются позднепалеолитическими и характеризуют начальный этап развития позднего палеолита; 2) стоянка Королево II является более древней, стоянка Королево I – более молодой, что подтверждается и стратиграфией памятников⁶; 3) индустрии обеих стоянок генетически связаны, отмеченные различия между ними в технике первичного раскалывания обусловлены хронологическими факторами, их развитием во времени. Тем самым, на иной методологической основе подтверждаются выводы об этих памятниках, уже опубликованные в научных изданиях⁷.

Основываясь на этих заключениях представляется возможным усилить и развить высказанные В.Н. Гладилиным и Ю.Э. Демиденко положения о существовании на начальном этапе позднего палеолита нескольких последовательных стадий развития позднепалеолитических индустрий⁸.

Для первой стадии, к которой можно отнести 2 культурный горизонт Королево II, характерно, наряду с параллельной призматической позднепалеолитической техникой расщепления, «переживание» мустьерских традиций в оформлении ударных площадок. В инвентаре прослеживается примерно равное соотношение мустьерских и позднепалеолитических форм орудий, при этом резцы и скребки немногочисленны и нестандартны.

На второй стадии (1a культурный слой Королево I) отмечается не только полное господство позднепалеолитических традиций в технике раскалывания камня, но и значительно повышается количество позднепалеолитических инструментов, среди которых преобладают скребки. Резцы малочисленны.

Как видим новый подход в использовании результатов метода ремонтажа, где основное внимание акцентируется на проблемах реконструкции приемов первичного расщепления камня, позволяет сделать вывод о том, что в Закарпатском регионе изменения в техническом содержании обработки камня приобрели характерные, строго определенные черты и могут рассматриваться как классический пример перехода от раннепалеолитической техники расщепления к позднепалеолитическому способу раскалывания ядрищ. В своем развитии этот процесс прошел через две стадии еще в добрёрупский период раннего вурма.

¹Spurrell E.C.I. On implements and chips from the floor of a palaeolithic workshop//The archaeological journal. London, 1880. Vol. 37.

²Левицкий І.Ф. Стація в Ур. Пшаному біля Народич // Антропологія. Київ, 1931. № 4. С.191-235; Бонч-Осмоловский Г.А. Грот Киик-Коба // Палеолит Крыма. М.; Л., 1940. Вып. I. С.72-84; Воеводский М.В. Палеолитическая стоянка Рабочий Ров (Чулатово II). // УЗМГУ. 1952. Вып. 153. С.101-132.

³Leroi-Gourhan A., Brezillon M. Fouilles de Pincevent: Essai d'analyse ethnographique d'un habitat magdalenien. P., 1972.

- ⁴Гладилин В.Н. О времени возникновения позднего палеолита в Европе // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг.: (Тез. докл. XVIII конференции ИА АН УССР). Днепропетровск, 1980. С.28.
- ⁵Усик В.И. К методике реконструкции приемов первичного расщепления камня в палеолите // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: (Тез. докл. конференции). Улан-Удэ, 1985. Ч.1. С.25-27.
- ⁶Адаменко О.М., Адаменко Р.С., Гладилин В.Н. и др. Геология палеолитической стоянки Королево I в Закарпатье // Сов. геология. 1981. № 12. С.87-92.
- ⁷Гладилин В.М. Дослідження палеоліту на Україні та їх перспективи // Археологія. Київ, 1982. № 40. С.21, 22; Он же. Ранний палеолит // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т.1.
- ⁸Гладилин В.Н., Демиденко Ю.Э. Начальный этап позднего палеолита // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: (Тез. докл. конференции). Улан-Удэ, 1985. Ч.1. С.16-19.

А.А. Щепинский, А.А. Ключин

РАНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ "ГАЛЕЧНАЯ КУЛЬТУРА" КРЫМА¹

Вопросы первичного освоения человеком Восточной Европы и становления изначальных звеньев первобытного общества являются наименее разработанными и спорными в советской археологии. В связи с этим представляют определенный интерес новые раннепалеолитические памятники, обнаруженные авторами в Крымских горах. Эти низкие горы, расположенные на юге Восточной Европы и омываемые водами теплого Черного моря, не подвергались прямому воздействию ледников и испытали сравнительно слабое косвенное влияние плейстоценовых оледенений. Они располагали многочисленными естественными убежищами, удобными для обитания древнего человека, и природными условиями, способствовавшими раннему заселению региона. В связи с этим здесь больше вероятность обнаружения памятников домустьерского времени, чем в других местах Европейской территории СССР. Предпринятые поиски позволили выявить ряд открытых ашельских стоянок-мастерских и стоябищ. Среди них наиболее ранний облик имеют памятники с галечными орудиями. Они обнаружены на расчлененном оврагами приморском склоне низкого хребта Эчкидаг, расположенного в восточной части южного бережья между поселками Курортное и Солнечная долина Судакского р-на.

Впервые галечный инвентарь найден на Эчкидаге в 1976 г. В последующие 10 лет он служил объектом специального поиска на Эчкидаге, Карадаге и прилегающих прибрежных территориях восточного Крыма. Этот поиск был предпринят авторами в связи с работами по составлению для Карадагского заповедника геоморфологической и археологической карт масштаба 1:10 000 на площадь 35 км². В процессе картирования обнаружено много разнообразных археологических памятников. Среди них - около двадцати пунктов находок галечного инвентаря раннепалеолитического облика.

Археологический материал обнаружен на поверхности пролювиальных террас, которые в прошлом являлись конусами выноса и шлейфами или поймами сравнительно крупных балок и оврагов. Галечные орудия и отходы их производства вымыты из почв, покрывавших четвертую, третью, а иногда и вторую террасу. Они встречаются на абсолютной высоте от 7-10 до 200-250 м. Большинство местонахождений и наиболее выразительные из них находятся на поверхности четвертой (манджильской) ранне- или среднелейстоценовой террасы² приморского склона Эчкидага. Эта некогда обширная терраса сейчас расчленена глубокими оврагами на от-

дельные участки, которые наклонены к бухте Чалка под углом 5-6° и возвышаются над ней на 70-200 м. На каждом из трех еще нераспаханных участков обнаружено несколько пунктов с галечным инвентарем. В пролювиальных отложениях террас он не найден, несмотря на тщательные поиски, а в почвенном покрове не обнаружено культурного слоя. Археологический материал чаще всего встречается у бровок террас, где крутизна возрастает до 6-10° и усиливается плоскостная эрозия. В результате смыва мелкозема из почв появляются крупные обломки пород, в том числе и артефакты, которые образуют "вымостку" на поверхности.

На четвертой и третьей террасах артефакты нередко концентрируются в виде "пятен" площадью 20-50 м², находящихся в нескольких десятках или сотнях метров друг от друга. В каждом таком локальном "пятне" сосредоточено несколько десятков предметов, связанных с обработкой двух или нескольких галек из одной, двух или трех горных пород. Вместе с целыми гальками и редкими галечными орудиями встречаются многочисленные отходы производства: отщепы, осколки, обломки, а иногда и чешуйки. Одни предметы лежат на поверхности, другие лишь выступают своими краями из частично смытого почвенного слоя. Пространственная концентрация артефактов в виде "пятен" и наличие среди них частиц разной массы, сколотых от одной гальки, косвенно свидетельствуют о незначительном горизонтальном перемещении археологического материала в процессе очень медленного, но длительного снижения поверхности террас плоскостным смывом.

На некоторых местонахождениях или рядом с ними встречаются единичные находки кремневого инвентаря от эпохи мустье до раннего железного века включительно, а также фрагменты средневековой керамики. Совершенно очевидно, что все эти предметы, составляющие незначительный процент по отношению к галечному инвентарю, не имеют к нему никакого отношения и находятся вместе с ним исключительно в результате эрозии древней поверхности. Встречаемость разновозрастных артефактов почти исключительно на поверхности террас связана с тем, что в сильно расчлененном эрозионном рельефе эти наиболее пологие поверхности были самыми устойчивыми и удобными для обитания человека в разные эпохи.

Исходным материалом для изготовления орудий служили морские гальки из кератофира, андезита, порфирита и некоторых других магматических пород, коренные обнажения которых находятся неподалеку - на Береговом хребте и Святой горе Карадага. Эти горные породы и гальки из них отсутствуют в геологическом разрезе Эчкидага. Гальки были принесены сюда с берега моря древним человеком. Правда, такие же гальки есть на современном пляже в 0,1-2,0 км от археологических памятников. Однако на последних галечный инвентарь патинизирован, покрыт лишайниками и хорошо отличим от идентичных галек современного пляжа. Среди грубых обломков местных осадочных пород Эчкидага (глин, песчаников, известняков, сидеритов) они выделяются более темной, серой, бурой или зеленоватой окраской и хорошей окатанностью, что облегчало их поиск и заставило обратить на себя внимание при съемочных геоморфологических работах в 1976 г.

Древний человек использовал для производства инвентаря прочные мелко- и скрытокристаллические магматические породы, на которых при сколе остается раковистый излом и при обработке которых можно получить острые рабочие лезвия. Предпочтение отдавалось гальке из этих пород, так как она, во-первых, практически лишена трещин и представляет идеальную заготовку, а во-вторых, находилась недалеко и в достаточном количестве.

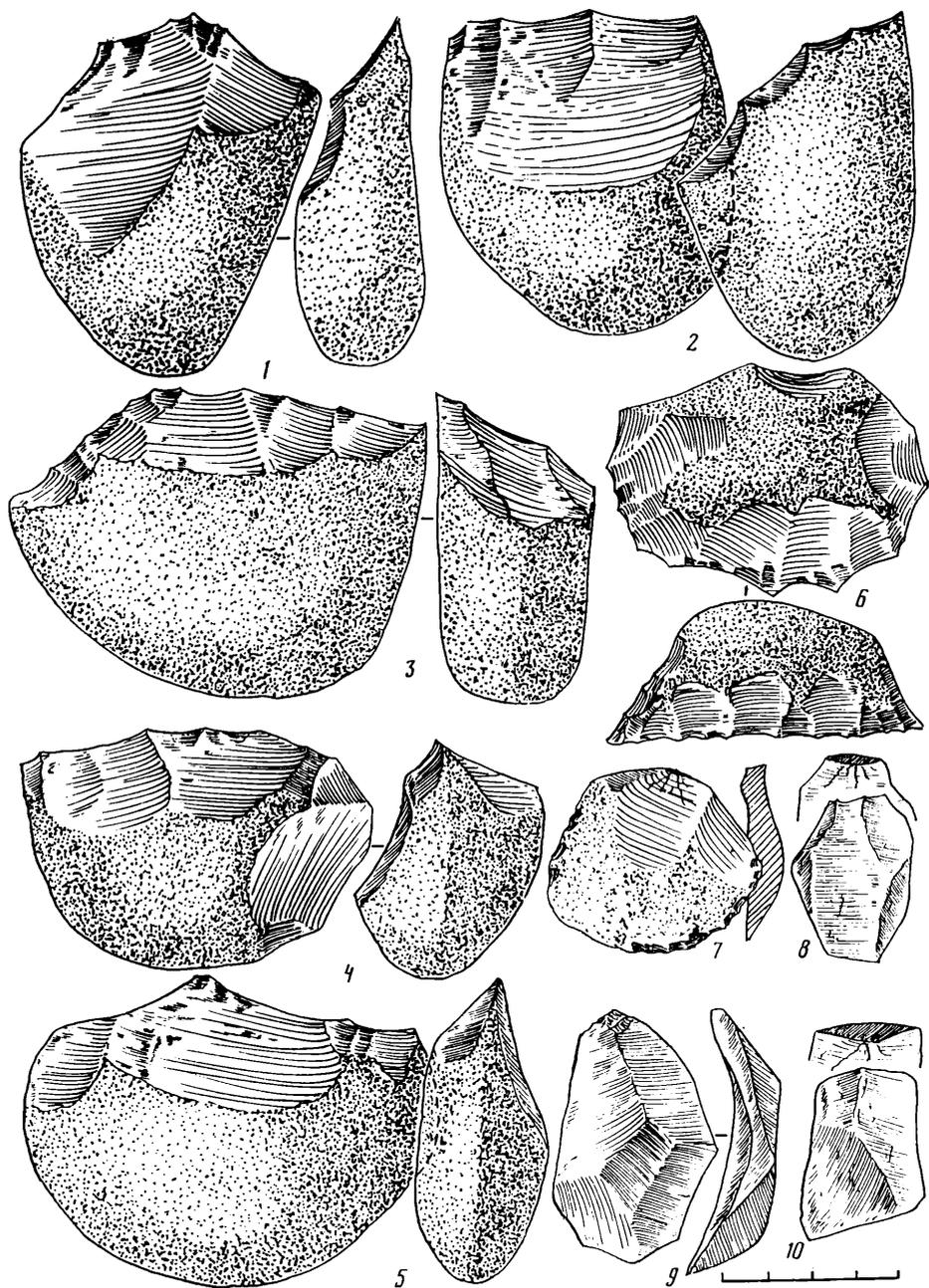
Описанные пункты находок галечного инвентаря, очевидно, являлись небольшими кратковременными стоянками-стойбищами первобытного человека. На каждой стоянке основную массу находок составляют отщепы, осколки, обломки и чешуйки. Законченных орудий очень мало. Нередко встречаются целые или неудачно разбитые и забракованные гальки. Для изготовления орудий обычно подбирались эллипсоидальные гальки средней длиной 8-10 см. Определяющим и ведущим инвентарем стоянок являются чопперы и чоппинги (рис. 1). Их рабочий конец заострялся при помощи нескольких сколов, нанесенных с одной или двух сторон зауженного конца гальки. Пятачная часть этих орудий и их боковые гальки обычно оставались необработанными. Редко встречаются галечные изделия, в которых можно видеть проторубила, протоскребла, острия или другие функционально трудно определяемые орудия. Их рабочий край также оформлялся многочисленными крупными сколами. Отщепы обычно мелкие, длиной до 4-5 см, не имеющие закономерных очертаний. Заостренные концы некоторых отщепов несут со стороны спинки следы бессистемной крупнофасеточной ретуши или заломов. Нуклеусы и бифасы с четко выраженными признаками отсутствуют.

Чопперы и чоппинги известны на археологических стоянках большого хронологического диапазона: от раннего палеолита до мезолита включительно, но в определенном соотношении с разным сопутствующим материалом. О значительной древности эчкидагских памятников свидетельствуют следующие факты: в инвентаре стоянок доминируют галечные орудия (99%) и стоянки приурочены к достаточно древним элементам рельефа. Более определенно датировать стоянки с помощью традиционных методов пока невозможно. Эта задача несколько облегчается только тем, что мы хорошо знаем каменный век Крыма по другим многочисленным памятникам. Среди них нет аналогий эчкидагским стоянкам. Наиболее сходны эчкидагские находки с кремневым инвентарем, обнаруженным в урочище Акчара в северо-восточной части предгорий. Но акчарские артефакты тоже не датируются. Общее между сравниваемыми памятниками - наличие чопперов и чоппингов. Некоторое сходство наблюдается и с материалами ашельских стоянок бодракской культуры³, но здесь орудия более крупные, изготовлены из кремневых желваков, а главное, среди них хорошо представлены серии нуклеусов и бифасов.

Известно, что такие каменные изделия, как чопперы и чоппинги, появились еще в олдувае, и в особенности хорошо представлены в аббевиле. Не противоречат этому возрасту отщепы со следами ретуши, которые обнаружены на эчкидагских стоянках и хорошо представлены в Олдувае⁴. На территории нашей страны наиболее близки к стоянкам "галечной культуры" Эчкидага такие домустьерские памятники, как Каратау I, Лахути I и другие в южном Таджикистане⁵, Улалинка в Восточной Сибири⁶. Некоторое сходство наблюдается с наиболее ранними комплексами раннепалеолитических памятников Черноморского побережья Кавказа⁷ и с древнейшими слоями Королево в Закавказье⁸.

Так или иначе, но несомненно одно - эчкидагские и акчарские стоянки следует выделить в особую домустьерскую группу памятников, которые могут быть отнесены к кругу "галечных культур". В линии развития раннего палеолита Крыма эта группа занимает пока наиболее древнюю ступень: эчкидагская галечная культура, бодракская ашельская культура, культуры эпохи мустье. Создатели галечных орудий, очевидно, были охотниками-собирающими с бродячим образом жизни.

Эчкидагская галечная культура имеет ограниченный ареал распространения площадью около 10-15 км². На планерском склоне Карадага и северо-восточнее поселка Планерское, а также юго-западнее Козской долины и поселка Солнечная

Р и с. 1. Образцы каменной индустрии со стоянок "галечной культуры" Крыма
 1-3 - чоперы; 4,5 - чоппинги; 6 - массивное скребло; 7-10 - отщепы

долина следы галечной индустрии не были обнаружены, несмотря на тщательные поиски. Ее распространение вдоль побережья ограничилось распространением сырья – достаточно крупной гальки из подходящих для обработки магматических пород. Эти гальки сейчас так же, как и в прошлом, перемещаются от Карадага к Меганому при господствующем восточном и северо-восточном направлении штормового волнения. Напрашивается предположение, что во время обитания древнего человека на Эчкидаге, т.е. скорее всего в какой-то отрезок времени среднего плейстоцена, уже существовала вогнутость бухты Чалка, береговая линия находилась где-то недалеко от современной, а морские наносы так же, как и сейчас, перемещались вдоль берега к юго-западу от Карадага.

Материалы новых раннепалеолитических памятников свидетельствуют в пользу тех исследователей, которые допускали, что на Кавказ и в другие южные районы СССР обезьяно-люди могли проникнуть еще в начальные этапы четвертичного периода и не исключали возможности обнаружения здесь следов материальных культур шельского и даже дошельского времени⁹.

¹ В данном конкретном случае под термином "культура" подразумевается не археологическая культура, а самостоятельная группа памятников, объединяющихся общностью материальной культуры и характером стоянок.

² Андрусов Н.И. Террасы окрестностей Судака // Зап. Киев. о-ва испытателей. 1912. Т.22, вып. 2.

³ Щепинский А.А. К вопросу об ашеле в Крыму // Исследования палеолита в Крыму (1879-1979). Киев, 1979. С.85-105.

⁴ Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979. С. 63.

⁵ Ранов В.А. Ступени в каменный век // Знание – сила, 1977. № 601; Абрамова З.А. Ранний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. М., 1984. С.136-139, рис.61-63.

⁶ Абрамова З.А. Ранний палеолит ...

⁷ Берзенишвили Н.З. Нижнепалеолитические памятники предгорной зоны Абхазии // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1979. Вып. VII. С.13-40, табл. XI-XVIII.

⁸ Гладилин В.Н. Ранний палеолит // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т.1. С.18-25.

⁹ Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977. С.13.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИМ - Археологические исследования в Молдавии. Кишинев
АИЧПЕ - Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АО - Археологические открытия
БКИЧП - Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
БМОИП - Бюллетень Московского общества испытателей природы
ВА - Вопросы антропологии
ГАИМК - Государственная Академия истории материальной культуры
ЕРАО - Ежегодник Русского антропологического общества. СПб.
ИГАИМК - Известия Государственной Академии истории материальной культуры
Изв.РГО - Известия Русского географического общества. СПб.
ИНКВА (INQUA) - International Quaternary Association
КСИА - Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА - Ленинградское отделение Института археологии
МГУ - Московский государственный университет
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
СА - Советская археология
САИ - Свод археологических источников
СЭ - Советская этнография
ТИЭ - Труды Института этнографии
ТКИЧП - Труды комиссии по изучению четвертичного периода
УЗМГУ - Ученые записки Московского государственного университета
ЦЧО - Центрально-Черноземная область
BSPF - Bulletin de la Société Préhistorique Française. Paris

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Статьи	
А.А. Сеницын. П.П. Ефименко и современная проблематика изучения палеолита	6
Г.П. Григорьев. П.П. Ефименко и С.Н. Замятин	12
З.А. Абрамова. П.П. Ефименко и изучение палеолитического искусства	17
А.П. Черныш. П.П. Ефименко и проблема хронологии палеолита	22
В.П. Ксензов. Два этапа заселения Белоруссии в каменном веке	25
Г.Н. Матюшин. Проблемы палеолита Урала	29
М.В. Аникович. Южная и Юго-Западная историко-культурные области Восточной Европы в позднем палеолите	34
И.В. Сапожников. Хозяйственная специфика степной историко-культурной области	43
В.Я. Сергин. О сезонах обитания на палеолитических поселениях ...	48
А.А. Щепинский. Мустьерские памятники Крыма и опыт реконструкции хозяйственной деятельности неандертальского человека	52
Г.В. Григорьева. О периодизации позднего палеолита Юго-Запада СССР	58
Н.П. Оленковский. Позднепалеолитические памятники Нижнего Днепра	64
А.А. Кротова. Структура позднепалеолитических памятников бассейна Северского Донца	68
В.И. Ткаченко. Береговская группа позднепалеолитических памятников в Закарпатье	73
И.А. Борзьяк. О стратиграфии и культурной атрибуции многослойной палеолитической стоянки Косауцы на Среднем Днестре	77
М.И. Гладких. Социальные и архитектурные критерии палеолитического жилья	82
И.Г. Шовкопляс. Добраничевская позднепалеолитическая стоянка на Украине: исследование, экспонирование	85
Л.М. Тарасов. Мустьерское местонахождение Неготино	90
Н.Д. Праслов. Использование красок в палеолите	95
В.П. Усик. О реконструкции приемов первичного расщепления камня в палеолите	100
А.А. Щепинский, А.А. Клюкин. Раннепалеолитическая "Галечная культура" Крыма	104
Список сокращений	109

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
КСИА. Вып. 206

Утверждено к печати
Институтом археологии АН СССР

Заведующая редакцией Л.С. Кручинина
Редактор издательства Л.И. Тормозова
Художественный редактор И.Д. Богачев
Технический редактор Т.В. Фараонова